

ДИ
ЖИЦЫ

РЕБЕНОК-
ДЕМОН

РЕБЕНОК-ДЕМОН

Д. ЖИЦЫ

DEAN R.

DEMON CHILD

A Novel

РЕБЕНОК-ДЕМОН

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Кунц Д.
K91 Ребенок-демон: Роман / Пер. с англ.
Е.Н. Скупенко. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2004. — 222 с.

ISBN 5-9524-0747-1

Ричард Брэккер и его мачеха Кора не придавали значения
преданию о родовом проклятии, пока в их доме не появились
дальние родственники — семилетние близнецы Фрейя и Фрэнк.
У обоих было нелегкое детство, и именно этим объясняют неко-
торые странности — малышка Фрейя уверена в том, что она обо-
ротень, превращающийся по ночам в кровожадного волка. Ка-
залось бы, это просто детская фантазия. Но как только ребенок
погружается в глубокий сон, в округе, где давно иззвели всех
волков, раздается страшный волчий вой, и поутру люди нахо-
дят растерзанные трупы кроликов, лошади и даже человека...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0747-1

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

РЕБЕНОК-ДЕМОН

Роман

5

+

EPA

N

n

J

Глава 1

Небо было серым; оно низко нависло над землей, и по нему плыли на юг тяжелые, плотные тучи, неся холодный воздух с севера. Дженни поежилась от холода, войдя на тихое кладбище, где, казалось, еще холоднее — градусов на десять. Девушка инстинктивно втянула голову в плечи и прибавила шагу.

Она остановилась перед тремя очень похожими друг на друга надгробными плитами. Одну из них совсем недавно установили перед еще не обложенной дерном могилой. На кладбище девушка оказалась сейчас единственной из всех, кто приходит поскорбеть по усопшим. Она восприняла это с благодарностью, так как ей хотелось побывать в одиночестве. Обратив взор к могильным плитам, Дженни прочитала высеченные на камне имена: Ли Брайтон, Сандра Брайтон и Леона Питт Брайтон. Отец, мать и бабушка по отцовской линии. Как всегда, перечитывая одно за другим эти имена, девушке было трудно поверить, что всех этих

людей уже нет, что теперь она осталась совсем одна и нет у нее даже брата или сестры, с которыми она могла бы разделить бремя этих потерь. Дженнни вытерла слезы.

И тут вдруг краешком глаза она вроде бы кого-то заметила. Она повернулась, чтобы разглядеть получше, однако там, куда она смотрела, никого не оказалось. Но, снова устремив взгляд на каменные плиты, девушка опять боковым зрением увидела его — крупного мужчину, серый смутный силуэт, приближающийся к ней. Она повернулась, чтобы как следует разглядеть его.

Он исчез. На кладбище было пусто. Никого — лишь туман да надгробные плиты.

И вдруг Дженнни расслышала призрачные шаги по вымощенному плитами тротуару.

— *Беги, Дженнни!* — возопили голоса ее родных и любимых усопших. — *Беги, беги!* Вспомни, как неожиданно, как внезапно погибли мы.

Какой-то пьяный водитель проехал на красный свет и в одно мгновение сбил Ли и Сандру. А с бабушкой Брайтон случился удар, и она умерла через несколько секунд.

Теперь ты должна бежать, иначе оно — то самое, внезапное, неведомое — доберется и до тебя!

Дженнни огляделась по сторонам, но по-прежнему никого не увидела. Эхо призрачных шагов тихонько нарастало, все приближаясь и приближаясь.

— Кто это?

Голоса усопших ответили ей лишь одно:

— *Беги!*

Шаги слышались уже совсем рядом, приблизившись к девушке почти вплотную. В любое мгновение, того и гляди, дотянется до нее, прикоснется к ней чья-то рука — холодная, влажная рука.

— Кто здесь? — переспросила девушка.

— Это оно — неведомое, — сообщили ей усопшие. — *Ты ни за что не предугадаешь, что оно учинит, когда схватит тебя. Все, что ты можешь, — так это убежать, Дженини. Беги, живо!*

Девушка повернулась и побежала. Каблуки ее туфель отбивали дробь по плитам тротуара. Несмотря на эти быстрые, громкие звуки и свое тяжелое, прерывающееся в приступе дикой паники дыхание, она по-прежнему слышала не отстающую от нее, упорно следующую за ней легкую, призрачную поступь. Дженини побежала быстрее, выскочила за железные кладбищенские ворота.

Справа от нее прозвучала автомобильная сирена. Девушка резко повернула голову и в нескольких футах от себя увидела мчащийся на нее автомобиль! За ветровым стеклом засыпало в ужасе лицо водителя. Дженини выставила вперед руку в отчаянной попытке хоть как-то защититься, и...

Визг тормозов и какой-то громкий скрежет — вот что вырвало девушку из ее тревожного сна... В окно автобуса она разглядывала вок-

зал, бетонные стены зала ожидания и старые деревянные скамьи. Некоторое время девушка не могла понять, где она находится. Ночной кошмар был настолько реальным, что настоящий мир казался сном.

Вокруг вставали со своих мест пассажиры, доставали с багажных полок сумки и бочком продвигались к выходу из автобуса, перешучиваясь по поводу невероятной жары.

Даже после того, как Дженні осознала происходящее, страх все еще не покидал ее. Как и во сне, она словно все еще продолжала бежать, хотя и не от некоей невидимой, безликой силы. По крайней мере, она старалась не думать о том, что на самом деле бежит от одиночества. К тому времени, когда автобус наполовину опустел, девушка немногого успокоилась. Она взяла сумочку и вышла.

Увидев, что вокруг нет никого, кто мог бы помочь девушке с двумя большими чемоданами, водитель автобуса донес ей их до входа в автовокзал. Всех вновь прибывших встречали друзья или родственники, покидая вокзал, который снова погружался в какое-то дремотное прозябанье. Дженні должен был встречать Ричард Браккер. В душе девушка надеялась, что ничего плохого не произошло. Она осталась дожидаться Ричарда в старом здании вокзала, где работали кондиционеры. Девушка стояла перед окном, откуда была полностью видна вся площадка для парковки автомобилей.

На ясном небе вдруг появились и медленно поплыли темные, черные, как оникс, тучи, на-

бухшие дождем. Весь день стояла невыносимая жара и ощущалась сильная влажность, а на вечер обещали грозу. Во всяком случае, общее ожидание грозы охватило всех пассажиров автобуса, где не работал кондиционер, и люди болтали о пустяках, с тем чтобы хоть как-то скоротать медленно тянувшиеся минуты.

Тучи расколола яркая вспышка желтой за-зубренной молнии. За этим сразу же последовал сильный, оглушительный раскат грома, похожий на одновременный залп из десятков орудий.

Дженни, напуганная столь бурным зреющим, отпрянула от окна. Она чуть-чуть отступила назад, хотя ничего ей всерьез не угрожало.

«Ты теперь уже большая девочка, — мысленно пожурила она себя. — Ты всего лишь стиснула зубы, когда семь лет назад погибли папа с мамой. Ты фактически одна, без посторонней помощи, справилась с организацией похорон бабушки и уладила дела с недвижимостью старушки. Ты пробилась в колледж и окончила его, и сейчас тебе уже двадцать один год. Сейчас же перестань бояться маленькой дряхленькой вспышечки молнии!»

Куда же запропастился ее двоюродный брат? Ричард Браккер опаздывает уже на пятнадцать минут. А вдруг он попал в аварию? Дженини подумала о скользкой от дождя мостовой, на которой погибли ее родители. Девушка почувствовала себя виноватой даже из-за того, что в душе ее еще только затеплилось нетерпение.

Гроза уже вовсю бушевала над вокзалом. В небе сверкали молнии; казалось, они врезаются в поверхность парковочной площадки, словно притягиваемые антеннами припаркованных там автомобилей.

Дженни инстинктивно отвернулась от окна.

Дождь, сопровождаемый шквальным ветром, хлынул на бетонный пол террасы. Пол потемнел, струи дождя стекали по стеклам окон. Казалось, кто-то шепчет девушки о чем-то, предостерегая ее.

Она оставила чемоданы в том месте, куда поставил их водитель, прошла через весь зал вокзала и направилась к дальней стене, где официантка вытирала небольшую стойку бара. Дженни села на высокий стул и заказала чашку кофе.

— Наконец-то разразился, — заметила официантка.

— Думаете, на весь день зарядил?

— Да, похоже, его и на всю ночь хватит. —

Официантка поставила чашку с кофе перед Дженни. — Пончик не хотите?

— Нет, спасибо.

— Переезжаете или к кому в гости? — поинтересовалась официантка. Казалось, она спрашивает не из праздного любопытства, а просто из дружелюбия.

— В гости, — ответила Дженни. — На прошлой неделе я окончила колледж. Когда-то я жила с бабушкой, но два месяца назад она умерла. Здесь живет моя тетя. Она хотела, чтобы я пожила у нее до осени, когда начну работать учительницей.

— Учительницей! — воскликнула официантка. — Сама-то я никогда не ладила с книжками. Вот почему я простая официантка. Но вот именно сейчас как здорово было бы оказаться дома, с книжкой в руках да в кровати! Валась бы себе спокойно... А это место, когда здесь мало народу, похоже на дом с привидениями.

Дженни оглядела потолок с выступающими балками, темный и загадочный, плохо освещенные углы, в которых старые, скрытые плафонами лампы не внушали особой радости.

— Я бы точно не хотела работать в этом месте. — Она отхлебнула кофе. — Но думаю, что вы встречаете массу разных интересных людей.

Официантка кивнула:

— С одними хотелось бы продолжить знакомство, с другими — глаза бы мои их больше не видели! — Через плечо Дженниной собеседница взглянула на входную дверь. — Вот идет один, которого я бы не хотела знать. Он из дома, где живет маленькая бедная Фрейя. Если над ним и нависло какое-то проклятие, то уж наверняка он тому причиной. — По мере приближения этого человека к стойке она стала говорить тише. — Половина проблем ребенка — из-за этого типа. Если хотите знать мое мнение, советую вам держаться от него подальше. В нем вообще нет ничего хорошего. Слишком уж он тихий, слишком уж мрачный и слишком не любит ни с кем разговаривать.

Дженни бросила взгляд на вошедшего, который через какое-то мгновение уже подошел к стойке. Он был высок и строен, у него были большие руки. Он похлопал ими по лацканам пиджака, обшарил карманы, затем смахнул ладонью крошки с поверхности стойки. Это был симпатичный мужчина, походивший на ученого. Подобное впечатление портили разве что черные вьющиеся волосы, слишком длинные, спадавшие на плечи. Последняя деталь не позволила Дженнни сразу узнать его. Когда он улыбнулся, девушка увидела, что это Ричард.

— Привет, Дженнни.

Она встала со стула и крепко обняла его. Молодой человек был на четыре года старше Дженнни, и, когда погибли ее родители, он оказался единственным среди сочувствующих взрослых людей, кому она смогла адекватно передать все ощущение своего горя. Мать Ричарда умерла, когда мальчику было всего два года. Несмотря на то что он был тогда слишком мал, чтобы помнить об этом, он впоследствии хорошо узнал, что значит одиночество. Когда Дженнни нуждалась в утешении, только Ричард мог ее утешить. Хоть это и получалось у него неуклюже, делал он это искренне.

Официантка отошла в сторону. В те мгновения, когда ей казалось, что молодым людям это не видно, она бросала на них косые, осуждающие взгляды.

— Мы сможем поговорить в машине, — заявил Ричард, оценивая тяжесть чемоданов ку-

зины. — Да и, в конце концов, у нас впереди все лето.

У выхода Дженні заметила:

— Ты промокнешь насовсем!

— Обо мне не беспокойся. Накинь плащ на голову и беги к машине. Я оставил обе двери приоткрытыми, так что ты сможешь быстро запрыгнуть в нее. Вон, видишь, темно-бордовый «корвет». Туда и беги. Готова?

В низких облаках сверкнула молния. Она моментально осветила мрачный полдень. При ударе грома, от которого задребезжали окна, Дженні вздрогнула.

— Молнии всегда ударяют в самую высокую точку, — изрек Ричард, заметив испуг девушки. — Я почти на целый фут выше тебя.

— Не говори так! — поспешила ответила Дженні, хватая молодого человека за руку.

Он сказал это в шутку и удивился, что она так серьезно отнеслась к сказанному.

— Машина всего в нескольких ярдах. Никаких проблем.

— До сих пор, — добавила девушка.

Ричард плечом открыл дверь и повел Дженні к платформе. Молодой человек побежал под проливным дождем. Минуту спустя Дженні, слегка согнувшись под накинутым на голову плащом и став немного меньше ростом, последовала за кузеном.

Тротуар осветился новой вспышкой молнии.

Девушка поскользнулась и чуть не упала на гладкую поверхность макадама. По чистой

случайности ей удалось сохранить равновесие. Она открыла дверцу и осторожно села в маленький, низко посаженный спортивный автомобиль.

Желтая вспышка молнии вновь разрезала черноту неба, но теперь Дженнин чувствовала себя в безопасности. Тем не менее девушка проявляла осторожность и не дотрагивалась до металлических деталей. В памяти все еще вспыхивал ночной кошмар, который приснился ей в автобусе. Своего рода предзнаменование.

Ричард промок до нитки, пока укладывал чемоданы кузины в багажник. Он скользнул в машину и сел за руль.

— Я чувствую себя ужасно из-за того, что втянула тебя во все это, — проговорила Дженнин. Из сумочки она достала чистый носовой платок и промокнула лицо и шею Ричарда.

— Почему? — широко улыбаясь, спросил он. — Ты одна из тех, кто наслал этот дождь?

Она состроила ему «козью морду»:

— Дай я вытру твои волосы.

Когда кузен наклонился к ней, она стала вытираять ему голову — до тех пор, пока ее платочек не стал мокрым насеквоздь.

— Не беспокойся, — ответил он. — Я здоров как бык!

Ричард включил зажигание, дважды нажал на газ, и автомобиль тронулся с места.

— Официантка не очень-то хорошо отзывается о тебе, — шутливо начала Дженнин. Кро-

ме того, ей было любопытно знать, почему официантка боится такого доброго молодого человека, как Ричард Браккер.

— Кэтрин? Неужели? Я заметил, что в последнее время она как-то холодно относится ко мне. Хотя я не очень-то и задумывался почему.

Он вел машину по трассе и свернул на прилегающую дорогу — не такую ровную, как основная. С двух сторон росли голландские вязы, их кроны образовывали свод, и от этого на дороге стало еще темнее.

— Что же она говорила?

— Что ты стал причиной некоего проклятия, которое нависло над девушкой по имени Фрейя.

Ричард улыбнулся, наклонился вперед и включил фары. Если вновь ударит молния, то она не сможет прорваться сквозь эти пышные ветви.

— Надеюсь, ты не стал жертвой публичного скандала? — дразнила его кузина.

— Это отнюдь не проблемы с женщинами. В этом городе любая мелочь может перерасти в скандал. Сельская жизнь очаровательна, но этого не скажешь про частную жизнь. В маленьких городках личная жизнь любого горожанина становится достоянием общественности. Фрейя — моя кузина по отцовской линии. Ей семь лет, у нее есть брат-близнец, Фрэнк. И у нее те проблемы, которые я называю психиатрическими. Кора называет это семейным проклятием.

Дженни удивилась, впервые услышав, как Ричард называет свою мать по имени. Хотя она и понимала, что у некоторых богатых людей принято так называть своих родителей. И все же ей показалось, что это как-то не очень уважительно.

— Проклятие?

— Психиатрические проблемы, — поправил Ричард. Он глубоко вздохнул, словно ему уже наскучила эта история. — Близнецы приехали к нам из разорившейся семьи. Лена Браккер, сестра моего отца, вышла замуж за одного бездельника, который в конце концов удрал, прихватив половину ее денег. Она много пьет, любит роскошную жизнь. Когда Кора узнала, что Лена планирует отправить двух семилеток в разные школы, она попросила ее оставить их у нас. Лене было все равно, как поступить, лишь бы получить свободу. Все произошло год назад. С тех пор они с нами.

— Тетушка Кора не сообщала, что у вас гости! — воскликнула Дженни. — Я не хочу доставлять неудобства кому-либо.

Ричард засмеялся:

— Джени, дорогая, в фамильном особняке Браккеров восемнадцать комнат.

— Восемнадцать!

— Наши предки любили праздничные вечера, которые длились неделями. Особенно это касалось Дня благодарения и Рождества. Люди собирались со всей округи. В наши дни мы слишком спешим и не способны на такие неторопливые празднования.

— Ты все еще не рассказал мне о проклятии, — напомнила Дженнин. — Ой, извини — о психиатрических проблемах.

Впереди, подпрыгивая на поворотах, густо забрызганный грязью, показался большой грузовик. Он двигался со скоростью больше шестидесяти миль в час. У Ричарда едва хватило времени въехать на крутую насыпь вдоль дороги, когда гигантский автомобиль, ревя мотором, с грохотом и шумом промчался мимо них.

— Что за дурацкая манера вождения! — воскликнула Дженнин. Она все еще помнила о ночном кошмаре. Все эти ужасные сны стали сниться ей после смерти бабушки Брайтон. Если бы реакция Ричарда была немного слабее или если бы грузовик двигался с большей скоростью, они бы оба сильно пострадали или погибли.

Ричард выругался:

— Дурак! Места мало, что ли?

— Они часто ездят по этой дороге?

Он сдал назад, съехал с насыпи и двинуллся вперед.

— С тех пор как начали строительство трассы совсем близко от границ частной собственности Браккеров.

— Все это суета суэт, — заметила Дженнин. Затем она вспомнила, что у тетушки Коры наверняка есть прислуга.

— Все это не так уж и плохо. Дом расположен далеко от строительства. Эти спекулянты недвижимостью и их постоянные пред-

ложе́ния по продаже нашей земли сводят с ума.

Они свернули на более узкую, лучше заасфальтированную дорогу и остановились у железных ворот. Табличка на них гласила: «ПОМЕСТЬЕ «БРАККЕР». ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. НЕ ВХОДИТЬ». Ричард стал нажимать сигнал клаксона, выдав какую-то мелодию, которую Дженни не удалось распознать. Ворота открылись, впустили автомобиль и закрылись.

Девушку всегда восхищали подобного рода приспособления. Ворота не были похожими на железные ворота кладбища.

Машина проехала мимо тщательно ухоженных конюшень, площадки для верховой езды, окруженной деревянным ограждением. Забор был выкрашен в белый цвет. Справа от дороги лежало маленькое озеро. На дальнем берегу озера росли сосны. Под деревьями находились столы для пикника и детские качели. Сквозь туман и дождь они напоминали скелеты давно умерших существ.

— Вот и дом, — произнес Ричард, как только они заехали за небольшой холм.

В доме было три этажа и мансарда. Его окна выходили на аспидно-черную крышу. Два флигеля стояли буквой «L» и выходили во внутренний двор. По углам зданий расположились фонтаны.

Ричард остановил машину у парадного подъезда. Широкие мраморные ступени лестницы вели на гранитную террасу, где на-

ходились массивные дубовые двери. Как только звук работающего двигателя замер, из двери появился пожилой мужчина в плаще. Он подошел к автомобилю. В одной руке он держал раскрытый черный зонт, второй подал Ричарду. Мужчина бросился вперед, чтобы открыть и придержать дверь для Дженни.

На вид дворецкому было около шестидесяти. У него были глубоко посаженные голубые глаза, седые волосы, лицо испещрено морщинами.

— Я Гарольд, слуга. Вы, должно быть, Дженни. Вам присуща традиционная красота семейства Брайтон. У вас такие же темные волосы и глаза. Будьте добры пройти со мной — прочь от этой ужасной непогоды.

— Да, — выдохнула девушка. В низко плавущих облаках прорычал новый раскат грома. Казалось, что дождь усилился вдвое. Туфли Дженни промокли насеквоздь, ноги были заляпаны грязью.

Как только она ступила на первую ступень мраморной лестницы, послышался чей-то громкий и протяжный вой — словно кто-то ужасно мучился. Нельзя сказать, что этот стон напоминал человеческий. Для этого он был слишком силен и громок, в нем сквозило нечто сверхъестественное.

— Что это? — спросила Дженни.

Внезапно вой перерос в дикий, пронзительный визг, который неожиданно оборвался на середине ноты.

Дженни содрогнулась. Она не заметила никого, кто мог бы издавать этот жуткий, потусторонний зов.

— Всего лишь ветер, — ответил Гарольд. Острием зонта он указал на скат крыши особняка. — Если дует слишком сильный ветер с юга, он свистит вон там, под карнизом. Порой из-за этого даже заснуть ночами не удается. К счастью, в этом направлении ветер едва дует.

Данные объяснения вроде должны были успокоить девушку, но этого не произошло. Ей показалось, что эти звуки были слишком эмоциональными, чтобы принадлежать чему-то неживому. Вдруг она вспомнила то, о чем ей следовало спросить Ричарда. Почему он опоздал? Почему Кэтрин испытывает страх перед ним? Что это за проклятие, о котором говорила тетушка Кора и которое он называет «психиатрическими проблемами»?

Молния осветила фронтон дома, и на нем заиграли какие-то тени. От грома задрожали стекла окон.

Ветер вновь ужасно застонал.

В душе Дженни нарастал панический страх перед тем самым — внезапным и неведомым. Она подумала о своей матери, и об отце, и о бабушке Брайтон. Как бы ей хотелось — о, как бы ей хотелось, чтобы нашелся еще кто-нибудь, с кем бы она провела все лето! Но она поняла, что назад пути нет.

Вслед за Гарольдом она вошла в этот дом, столь открытый ветрам и мрачным предзнаменованиям...

Глава 2

Если внешне дом производил угрюмое, гнетущее впечатление, то внутри все было наоборот. Атмосфера здесь была теплой и уютной, все было отмечено печатью благополучия. Стены передней оклеены богатыми старинными обоями, расписанными белыми и золотыми узорами. У стенных шкафов были массивные, из черного дуба, двери. Сосновая мебель колониального стиля свидетельствовала и о практичности, и о чувствительности хозяев. В таком доме можно было почувствовать себя защищенным, скрываться от проблем остального мира. Пугающий вой ветра был теперь где-то далеко.

Дженни старалась не обращать внимания на охвативший ее страх. Она все еще сомневалась, что находится в безопасности. Как раз сейчас и следует быть внимательной и осторожной. В тот момент, когда неожиданно столкнешься с опасностью, будучи уверенной, что с тобой ничего плохого не случится, и когда ты меньше всего ожидаешь ее, — в этот самый момент она на тебя и набросится.

Машина на скользкой от дождя трассе...

Разрыв кровеносного сосуда в мозге старушки...

Девушка вздрогнула.

— Замерзли? — поинтересовался Гарольд, взяв у Дженни плащ и повесив его в шкаф.

— Немного.

— Глоток бренди поможет вам согреться.

Вам немного добавить в кофе?

Обычно Дженнни не одобряла употребления спиртного и с недоверием относилась даже к ликеру. Она сравнивала алкоголь с костылем, необходимым для того, чтобы справиться с бременем проблем. Но сейчас она не усмотрела ничего плохого в предложении Гарольда. Она действительно немножко продрогла и была взвинчена. Поэтому она просто кивнула.

— Хорошо, — произнес слуга, вешая в шкаф свой собственный плащ. — Ваша тетушка должна быть в гостиной. Пройдите прямо по коридору, слева будет вход в комнату. Прошу меня извинить. Я пройду на кухню и приготовлю вам кофе. Вы продрогли до костей.

Он оставил девушку в фойе одну, в незнакомом доме. Внезапно открылась входная дверь, и в дом ворвались душераздирающее завывание ветра и шум дождя, барабанящего по подъездной аллее. В дом протискивался Ричард с раскрытым зонтом в одной руке и тяжелым чемоданом в другой. Он поставил багаж на пол.

— Придется выскочить еще один раз.
— Мне следовало бы помочь тебе! — воскликнула Дженнни.

— У меня есть зонт.
— Не очень-то он тебе помог.
— Иди быстрее к Коре. Она тебя ждет.

Кузен вновь ринулся под ливень. Капли дождя с неистовой силой заколотили по поверхности его зонта.

Дженнни решила, что ничем не сможет помочь кузену. Она повернулась и, соблюдая ука-

зания, направилась по коридору. Девушка зачарованно рассматривала дорогие, написанные маслом картины, висевшие на обшитых красным деревом панелях. Когда Дженни была ребенком, у них дома имелись литографии в дорогих рамках. Но здесь рамы явно стоили намного дороже.

В семье Коры все были против ее замужества. Они с той же силой противились ее браку с мужчиной из более высокого социального слоя, с какой многие другие семьи выступали бы против брака девушки с человеком, занимающим более низкое общественное положение.

В семействе Брайтон придавали большое значение чувству собственного достоинства и упорно настаивали на том, что каждый из членов их семьи должен сам зарабатывать себе на жизнь и ни в коем случае не выходить замуж по расчету или получать богатство в наследство. К счастью, тетушка Кора послушалась своего сердца и проигнорировала наставления родственников.

Этот брак был счастливым. Алекс и Кора Браккер на протяжении долгих лет относились друг к другу так, словно они только что поженились. Это продолжалось до смерти Алекса. Он умер два года назад. Деньги никогда не были для него проблемой, равно как и бизнес. Алекс унаследовал крупный капитал. Дела шли ровно и благополучно, поэтому он только день или два посвящал работе, да и то вникал только в крупные вопросы.

Ричард не давал своей мачехе повода для конфликтов: не будучи родным ребенком Коры, он всегда был вежлив с ней и послушен, выказывая любовь без всякого принуждения. Ричард так и остался единственным ребенком Коры и Алекса. И долгие годы ничто не омрачало их жизнь.

Занятая своими размышлениями, Дженнине заметила, как подошла к сводчатому проходу, ведущему в гостиную. Тетушка Кора как раз ставила серебряный поднос с бутербродами и чипсами на низкий столик для закусок. Ее внимание было полностью поглощено желанием как можно лучше сервировать стол. Позади нее на темно-зеленой софе сидели два голубоглазых и светловолосых ребенка. Несмотря на то что один был мальчиком, а другая — девочкой, бросалось в глаза, что эти дети — близнецы. Они увидели девушку и стали пристально рассматривать ее. Они не улыбнулись и не стали заговаривать с новым человеком, ограничившись опасливым наблюдением.

«Застенчивые дети», — подумала Дженнине.

Хотя ей бы очень хотелось знать: а не скрывается ли за их молчанием и этим критическим осмотром нечто большее?

Но что?

Ни Фрейя, ни Фрэнк не походили на детей, над которыми тяготеет некое мистическое семейное проклятие. А еще меньше — на детей с глубокими психологическими проблемами. У них были пухлые щечки, покрытые

нежным румянцем, живые, полные любопытства голубые глаза. Дженни улыбнулась, показывая, что хотела бы подружиться с ними.

Но ни мальчик, ни девочка явно не собирались улыбаться в ответ.

В этот момент Кора обернулась, выпрямилась и удивленно посмотрела на девушку. Это была обаятельная женщина. В свои пятьдесят она выглядела на десяток лет моложе. Темные волосы были слегка тронуты сединой, но она и не пыталась скрывать это каким-то искусственным способом. На лице пожилой леди не было ни единой морщинки, в глазах сохранился живой блеск. Она отошла от стола и обняла племянницу.

Впервые за несколько месяцев Дженни почувствовала себя в безопасности. Есть кто-то, способный ее обнимать, — значит, ей есть кого любить и кем быть любимой. После смерти бабушки Брайтон мир, казалось, с каждым днем становится все более и более враждебным к Дженни. У нее возникло глупое, неосуществимое желание никогда не покидать имение «Браккер».

После того как Ричард переоделся и составил им компанию, они пили восхитительный кофе с бутербродами, со сливочным сыром, а также с крекерами и картофельными чипсами. Фрейя и Фрэнк вроде бы вылезли из своих оболочек и выдали несколько слов в ответ на вопросы Дженни. Близнецы даже пару раз улыбнулись. Она решила, что их первоначальная холодность — всего лишь результат

образования и воспитания, характерного для детей из богатых семей, и что эти близнецы вовсе не пытались заставить ее чувствовать себя не в своей тарелке.

Наконец, где-то около четырех часов дня, Кора сказала:

— Мы очень невежливы, дорогая. Ты долго ехала в автобусе и, наверное, хотела бы принять ванную и отдохнуть перед ужином. Гарольд накроет на стол в семь тридцать в небольшой общей комнате. Она расположена дальше по коридору. — После этого тетушка обратилась к Ричарду: — Ты отнес вещи Дженни наверх?

— В голубую спальню, Кора, — ответил Ричард, допивая свой чай.

— Пойдем, Дженни, я покажу, где ты будешь проводить эти летние ночи.

Они стали подниматься по центральной лестнице. Дженни обратила внимание на едва заметные проявления того, что у тетушки не все в порядке с нервами. Пока они шли вверх по лестнице, Кора играла своими темными длинными волосами. Она наматывала одну прядь на палец, отпускала ее и тут же наматывала другую. Говорила тетушка слишком быстро. В голосе звучали нервные нотки наигранной веселости. Эта радость не была вызвана встречей с племянницей, которую она не видела со времени похорон бабушки Брайтон.

Впервые с момента своего приезда в этот дом Дженни вновь почувствовала бурю. Ветер срывал шифер с крыши. По окнам барабанил

дождь. Вспышки молний играли за стеклами и танцевали на темных ступенях подъезда. Короткие и неприятные мгновения.

— Завтра мы собираемся заняться верховой ездой, — произнесла Кора, когда они дошли до конца лестницы и свернули в коридор второго этажа. — Тебе нравятся лошади?

— Я один или два раза ездила верхом. И буду похожа на городскую штучку в седле.

— Ричард прекрасно управляется с лошадьми. Он сможет научить тебя всему, что ты не знаешь. Он ведет семейный бизнес, но у него остается достаточно свободного времени.

В конце коридора Кора открыла тяжелую, темную, орехового дерева дверь. Она была украшена резными драконами и эльфами. Видимо, когда-то давно комната была отведена под детскую. Просторное, светлое помещение с двумя окнами, окаймленными темно-коричневыми бархатными портьерами. Большая кровать накрыта атласным пикейным покрывалом. В комнате было два туалетных столика, зеркало, тумбочка и два книжных шкафа, наполовину заполненные различными книгами — от классики до современной беллетристики.

Чемоданы Дженнини с открытыми крышками стояли в углу, демонстрируя свое содержимое. Возможно, Ричард хотел проявить вежливость и открыл чемоданы, чтобы проветрить одежду, пока Дженнини сама не выделит для этого время. Но все же девушку неприятно удивил факт подобной бесцеремонности.

Кора, казалось, не обратила на это внимания.

«Я что, слишком консервативна? — удивилась Дженни. — Почему я веду себя так, будто я должна бояться любящих меня людей?»

Она пообещала себе, что будет менее подозрительна к родным, которые всего-то хотят помочь ей.

— За этой дверью ванная, — произнесла Кора. Указательным пальцем она крутила локон своих темных волос. Губы тетушки улыбались, но это была ненастоящая улыбка.

— Все так прекрасно! — воскликнула Дженини. Она не привыкла к подобной роскоши.

Кора перестала вертеть свои локоны и взяла обе руки Дженини в свои ладони. Тетушкино рукопожатие было сдержаным и теплым.

— Я так рада, что ты приехала, Дженини.

— Я тоже, тетушка.

— Нет, нет, ты не понимаешь.

В этот момент голос женщины был искренен. Не выпуская рук, она подвела девушку к кровати, и они присели на край толстого матраса.

— Я сказала это не для того, чтобы поддержать беседу. Я в самом деле очень рада, что ты приехала. Ричард, Гарольд, Анна — жена Гарольда — хорошая компания. У меня масса благотворительной работы в городе. Сейчас я взяла отпуск. Но прошло только два года со дня смерти Алекса. И у меня много свободного времени, которое следует чем-нибудь заполнить.

Женщина замолчала, она посмотрела куда-то вдаль, словно пытаясь заглянуть сквозь вуаль реальной жизни в мир духовный, где она каким-то образом могла коснуться своего покойного мужа.

Дженни ждала.

Наконец она нарушила молчание и сказала:

— Вы по-настоящему любили его, правда?

Кора весьма неохотно вышла из своего транса:

— Да. Я знаю, в нашей семье всегда сомнением относились к этому браку. Но мое замужество было прекрасным. — Теперь она полностью отошла от воспоминаний. — Надеюсь, однажды тебе так же повезет, и ты встретишь какого-нибудь своего Алекса. — Женщина сжала руки племянницы и отпустила их. — Давай-ка не будем раскисать, а?

Дженни улыбнулась:

— Я готовилась к худшему. Официантка на автовокзале предупреждала меня о каких-то неприятностях.

Кора моментально перестала улыбаться. Лицо женщины внезапно стало мертвенно-бледным. Столь быстрое изменение цвета лица казалось нереальным.

— Ты уже слышала. Ты все знаешь.

Дженни снова стало холодно. Воздействие бренди улетучилось.

— Вовсе нет, тетушка. Только чуть-чуть. Ричард начал было объяснять мне ситуацию, но не закончил.

Кора поднялась с кровати и направилась к южному окну комнаты. Женщина наблюдала за ливнем, заливавшим зеленую лужайку, застилавшим туманом деревья, подобно спутанной копне волос. Она рисовала пальцами по стеклу, изображая бессмысленный узор и оставляя следы на быстро испаряющейся влаге окна. На мгновение показалось, что Кора — пленница в собственном доме и пытается вырваться на свободу.

Она повернулась к Дженни:

— Что бы там тебе ни рассказывал Ричард, его рассказ был наполнен оптимизмом.

— Неужели?

Кора кивнула:

— Он, наверное, сказал, что проблема — психиатрическая? Он рассказал, что Фрейя нуждается в психиатрическом лечении?

Дженни кивнула:

— И еще он сказал, что вы не согласны с ним. Вы думаете, что это семейное проклятие.

— Я не думаю, я это знаю.

Дженни промолчала. Она вспомнила сон, приснившийся ей в автобусе, она услышала голоса, шептавшие где-то глубоко внутри ее сознания, призывающие девушку бежать из этого неприкосновенного, мрачного дома, сменить его на яркие огни города.

Какой-то особенно жуткий, особенно злобный раскат грома разорвался над домом. Казалось, сила грозы вот-вот сорвет особняк с фундамента и приподнимет в воздух.

Молния осветила силуэт Коры, окружив ее волосы желтым ореолом, и ее лицо на мгно-

вение исчезло, скрытое какими-то контрастирующими темными, пурпурными тенями. Стоя здесь, в голубой комнате, в длинном, просторном зеленом платье, она напомнила Дженнину «умершую и восставшую вновь» героиню рассказа Эдгара Алана По.

Молния погасла, рокот грома стих, и жуткое наваждение исчезло. Тетушка Кора стала вновь сама собой.

— Я очень много читала, — проговорила она. Казалось, она говорит скорее сама с собой, чем с Дженниной. — Когда я приехала в этот дом, здесь было очень много книг, и я буквально проглатывала их. Я читала классиков, на которых раньше, когда я еще не вышла замуж и работала, у меня не хватало времени. Я читала не только художественную литературу. Когда-то, давным-давно, кто из предыдущих поколений Браккеров, живший в этом доме, проявлял отнюдь не праздный интерес к черной магии и демонологии. Здесь много книг на эту тему, они лежат на книжных полках по всему дому. Естественно, у тебя в комнате, на этих полках, также находится несколько подобных книг.

Дженнину повернулась и осмотрела шкаф.

Там стоял двухтомник в кроваво-красном переплете. На корешках томов было вытиснено название: «ЧЕРНАЯ МАГИЯ В АМЕРИКЕ».

— Когда я читала, я наткнулась на два тома, отпечатанные небольшим тиражом в середине прошлого века. Издательское дело в то время сильно отличалось от нынешнего. И экономи-

ческая ситуация позволяла региональным издателям преуспевать благодаря выпуску книг, мало кому интересных уже в паре сотен миль от стен их типографии. Оба тома были отпечатаны в Филадельфии. Один назвали «Колдуны и ведьмы Пенсильвании», другой — «Будь прокляты богатые».

Тетушка замолчала, и Дженни почувствовала, что не следует ее торопить. Долгую паузу, вызванную молчанием Коры, заполнили шум дождя, раскаты грома, вспышки молний за окном. Наконец тетушка продолжила свой рассказ:

— Согласно этой книге, Сара Марианна Браккер, пропавшая тетушка Алекса, ушла из дома в 1849-м в возрасте семнадцати лет. Она ушла с табором цыган, которые зарабатывали на жизнь, выступая в небольшом цирке. Семья предприняла все попытки выйти на ее след, но безрезультатно. Сара была потеряна для семьи до 1860 года, когда спустя одиннадцать лет она вернулась — с ребенком на руках. Она хотела, чтобы ее приняли обратно в семью и чтобы ребенок получил фамилию Браккер. Это был смуглый, темноволосый малыш с острыми чертами лица. На вид ему было четыре года, видимо, он наполовину был европейского происхождения. В отсутствие дочери мать Сары умерла. Отец озлобился и обвинил дочь в смерти жены, которая умерла из-за сердечного приступа. Причиной этому стал побег Сары из дома. Отец не позволил дочери остаться в доме.

Гром. Дождь. Книги в кроваво-красном переплете — на полке прямо напротив кровати. Скрип половиц.

Кора продолжала:

— В ту ночь Сара Браккер пришла в этот дом и разожгла костер перед ним. В то время в поместье, в маленьких домиках среди деревьев, жили негры. Когда Сара начала бубнить цыганские фразы, говоря их в огонь, она не сводила глаз с дома, и ее отец приказал черным прогнать ее. Но никто из них не осмелился подойти к ней. Наконец, когда она закончила бубнить проклятье на английском, отец не мог больше выносить этот спектакль и приказал силой выгнать ее из поместья. Вместе с ребенком, своим внуком.

— Похоже, он был жестоким человеком. Конечно, она совершила ошибку, но все же она была его дочерью, — произнесла Дженнини.

— В книге сказано, что он был эксцентричным. Соседи считали, что он, возможно, слегка не в своем уме. Он всегда был замкнутым и неприветливым. Когда сбежала его дочь, а некоторое время спустя умерла жена, он замкнулся еще больше, стал более грубым. Слуги выполняли все поручения и приказы. Он сам редко выходил из дома. Когда вернулась Сара с крохотным ребенком, чей отец был цыган, это стало полной трагедией для старика: он счел, что окончательно опозорен. Это была соломинка, которая перешла ему хребет. Отец Сары был не из тех, кто про-

щает. И он не собирался менять собственный характер.

— А в чем, собственно, заключается проклятие? — спросила Дженнни. У девушки возникло острое желание забраться на кровать, на которой она сидела, завернуться с головой в одеяло и устроить себе теплое гнездышко. Ее холодные руки стали похожими на фарфоровые.

— Сара наложила особое проклятие. Она прокляла семью Браккер. Суть его в том, что в каждом поколении будет рождаться одержимый ребенок, ребенок-демон, как она это называла. Ребенок этот будет стремиться стать волком, в полнолуние он будет выть и жаждать крови.

— Вервольф? Оборотень? Ну, это глупости! — Однако Дженнни вовсе не собиралась насмехаться над тетушкой.

— В ту ночь, после изгнания Сары из поместья «Браккер», отец ее скончался.

В голубой комнате было ужасно душно. Дженнни хотела открыть одно из окон. Но знала, что она лишь впустит дождь и гром, а это еще хуже, чем спертый воздух.

— Как, каким образом он умер? — спросила Дженнни.

— В то время медицинское обслуживание было не на высоте. Врач просто записал, что причина смерти — удушье. Старик не мог дышать. Он упал на пол, широко разевал рот и хватал им воздух. Старик цеплялся за собственное горло, словно пытаясь отодрать от

него чьи-то невидимые руки, медленно сдавливавшие его шею. Он рвал свою плоть до тех пор, пока не появилась кровь. Но ему ничего не помогло. Лицо покрылось пятнами. Глаза вылезли из орбит. И он умер.

Снизу доносились голоса близнецов: они во что-то играли и весело смеялись.

— Должно быть, с ним случился сердечный приступ, — решила Дженнни. — Или удар. — Девушка вспомнила бабушку Брайтон.

— Вероятно.

— Но вы не уверены, да?

— Врач, осмотревший труп, описал шею умершего. Она выглядела так, словно на него набросилось некое животное и разодрало его глотку. Хотя раны были не настолько глубоки, чтобы их можно было назвать смертельными.

— Вы говорили, что он сам рвал свою плоть.

— Может, и так.

Дженнни уважала и любила тетушку. Сейчас она начала беспокоиться о душевном равновесии Коры. Слишком маленькая деталь, чтобы испытывать настоящий панический страх, не правда ли?

— В последнее время, — продолжала Кора, — Фрейя стала страдать от каких-то ослабляющих ее чар. Почти всегда все происходит ночью. Ее сон настолько глубок, что девочку ничем не разбудишь. Это похоже на кому или транс. Доктор Мальмонт часто наывает нас. Раньше он считал, что это про-

исходит от недостатка витаминов, и лечил от авитаминоза. Теперь он, как и Ричард, уверен, что причина комы не в этом, а в чем-то еще; он считает, что дело в психике девочки.

— Должно быть, они правы.

Кора, казалось, не слышит ее.

— Когда малышка спит подобным сном, то где-то недалеко воют волки.

Взгляд Дженини упал на красные переплеты этих повествований о дьявольщине. Пожилая женщина была в смятении, ее лицо побледнело, щеки ввалились.

— Ричард ничего не говорил ни о каком волке.

— Он тоже слышал. И совсем рядом, и по дальше. Каждый раз, когда Фрейя впадает в кому.

— Вы их видели?

Кора покачала головой:

— Даже когда вой раздается слишком близко, волк прячется за деревьями, на защаде и за холмом, с северной стороны дома. Порой он воет час или полтора. Кажется, что ему больно или что он в жуткой тоске. Но иной раз в его вое слышатся какие-то угрожающие, убийственные, кровожадные нотки.

— Может быть, это совпадение.

— То же самое говорит и Ричард.

Кора не переставая качала головой:

— Так ведь есть одна деталь, из-за которой рассуждать о совпадениях просто нелепо, просто смешно. Никаким совпадением не объяснишь мертвых кроликов и кровь.

— Вы шутите, — проговорила Дженни улыбаясь. Она попыталась привнести веселье в удручающий разговор.

— За последние несколько недель мы обнаружили доказательства присутствия волков в наших землях. Мы находили разодраных кроликов недалеко от конюшн. Один раз нашли одного кролика на нашем переднем крыльце. Другой раз, как-то утром после очередной комы Фрейи, мы увидели размазанную кровь на стекле окна на первом этаже. Как будто волк стоял у стекла, прижимаясь к нему окровавленной челюстью, и как бы пытался разбить его.

И сам рассказ Коры, и то, как она держалась, не оставляли никаких сомнения в том, что все это так и было. Описанные события уже произошли. Дженни не могла понять, как их истолковать: в том же духе, что и Кора, или же найти им некое более естественное объяснение.

Обычно она отбрасывала любое предположение о чем-то сверхъестественном, о демонах, о проклятиях, о переселении душ, превращении людей в волков. В последнее время ей пришлось с уважением отнестись к тому *внезапному, неведомому*, избавиться от скептицизма и приготовиться к любым непредвиденным обстоятельствам.

Кора отбросила мрачные мысли, улыбнулась и вновь стала играть со своими темными локонами.

— Извини, если расстроила тебя. Я пригласила тебя задолго до того, как мы нашли

кроликов и кровь. Я очень хочу, чтобы ты хорошо провела лето. Твоя профессия требует того, чтобы ты выглядела свежей и отлично отдохнула.

— Уверена, что всему этому можно найти разумные объяснения. Ни Фрейя, ни Фрэнк не ведут себя как одержимые дьяволом.

— Они прекрасны, правда? — спросила Кора и улыбнулась. — Возможно, Ричард и прав. Может быть, я веду себя как дура. Мне необходимо будет еще поразмышлять. — Она крепко обняла Дженнини. — Попытайся отдохнуть. В ванной свежие полотенца. Телевизор и радио — все работает. Приемник настроен на хорошую FM-станцию. Увидимся в семь тридцать.

Она вышла, мягко прикрыв за собой дверь.

Дженнини подошла к окну, выходившему на юг, и развязала золотые шнурки, которые удерживали темно-коричневые шторы. Тяжелые бархатные портьеры плавно опустились, ограждая комнату от холода и влажного неистовства грозы. Девушка проделала ту же операцию и со вторым окном, после чего положила шнурки на туалетный столик.

В комнате стало почти темно.

Дженнини нашупала выключатель и зажгла свет.

Она более подробно осмотрела спальню. Девушка хотела выбросить из головы страшную историю о проклятии и насладиться первым днем пребывания в фамильном особняке Браккеров. Девушка была полностью погло-

щена изучением названий романов, стоящих на книжной полке. Она тщательно старалась не смотреть на тома в темно-красных переплетах. На улице, как раз напротив окна Дженни, пронзительно выл и причитал ветер. Он стонал и шипел, как нечто живое, пытавшееся до нее добраться...

Глава 3

Царящая в доме атмосфера не совсем подходила для обеда. Дженни вошла в столовую последней. Она почувствовала какое-то напряжение в воздухе. Было ясно, что Ричард и Кора только что о чем-то спорили. Оба избегали смотреть друг другу в глаза. И оба почувствовали облегчение, когда Дженни присоединилась к ним. Ее присутствие позволит им держаться подальше от предмета спора.

Стол был накрыт на троих. Ричард и его мачеха сели на противоположных концах стола, а Дженни заняла место между ними.

— А что, близнецы не будут ужинать с нами? — поинтересовалась Дженни.

— Они всегда ужинают в пять тридцать. Пока им не исполнится восемь, они ложатся спать в восемь часов вечера. Хотя им разрешено ложиться на час позже, но только если они это заслужат. Не думаю, что детям можно давать некоторые привилегии, которых они не заработали.

Дверь между кухней и столовой широко распахнулась, и на пороге появилась невысокая, полноватая, но достаточно привлекательная женщина. Она с трудом протиснулась в комнату, неся в руках блюдо, наполненное картофельным пюре:

— Я готова, Ричи.

Ричард улыбнулся, явно радуясь вновь пришедшему человеку, поднялся с места и исчез за распахнутой дверью.

— Джени, это Анна, жена Гарольда. Она замечательно готовит, хотя и любит командовать, — улыбаясь, представила женщину Кора.

— Здравствуйте. Как поживаете?

— Прекрасно. У меня всегда все хорошо. А здесь некоторых нельзя оставить надолго одних!

С кухни вернулся Ричард, в руках он нес поднос с четырьмя порционными чашами. В них были салат из капусты, моркови и лука; зеленые бобы, посыпанные миндальными орехами; кукуруза со сливками и горох с луком в сливочном соусе. Ричард поставил поднос на стол, слева от Анны, и снова пошел на кухню. Тем временем горничная быстро расставила тарелки и выставила блюда в центр стола.

— Выглядит аппетитно! — заметила Джени.

— Вот увидите, что все намного вкуснее, чем выглядит, — ответила Анна.

Ричард принес блюдо с окороком и петрушкой.

— Это вот наша Анна, — посмеиваясь, проговорил Ричард. — Она такая скромная, что от нее едва можно дождаться хоть слова.

— Только никаких язвительных замечаний о еде, — строго проговорила Анна. — Или будешь ужинать в другом месте. Ты все принес?

— Да, Анна.

Она окинула взглядом стол:

— Ты забыл булочки.

Женщина поспешила на кухню, вернулась оттуда с булочками и поставила их как раз рядом с Дженнингами.

— Если я и не совсем правильно сервировала стол, то только потому, что это всегда делает Гарольд. Но никто не готовит лучше меня.

С этими словами Анна удалилась.

— Она великолепна, правда? — обратился Ричард к кузине.

— Готовит она прекрасно, — согласилась Дженнинг.

Хвастовство Анны не было результатом повышенного самомнения. Она умела хорошо готовить и знала об этом. Ее похвальба основывалась на профессиональной гордости и удовлетворении от хорошо выполняемой работы.

— Она не допускает меня на кухню, — проговорила Кора. — Но я выгляжу полной дурой, пытаясь помочь ей в чем-то.

— Надеюсь, с Гарольдом все в порядке? — поинтересовалась Дженнинг. Она вспомнила о том, как сегодня в полдень слуга вынес ей зонт

прямо под проливным дождем. Мужчине в таком возрасте не следовало бы попадать под такой ужасный ливень.

— Нет-нет, с ним все в порядке.

Ричард бросил взгляд на мачеху, не переставая накладывать себе зеленые бобы в тарелку. Совершенно очевидно, что тетушка не желала больше ничего говорить. Кузен передал чашу с салатом Дженн и произнес:

— У Фрейи приступ. Гарольд наверху, сидит у ее кровати. Каждый раз, когда такое происходит, мы принимаем подобную меру предосторожности. Один или два раза в неделю каждый из нас проводит бессонную ночь.

Дженн промолчала. Теперь она поняла, по какому вопросу спорили мать и сын несколько минут назад. Ричард пытался убедить Кору позволить ему показать девочку психиатру. Кора, как и раньше, стояла на своем.

Первые пятнадцать минут ужина все молчали, изредка восхищаясь волшебным вкусом блюд. Легкий звон столового серебра, кусочки льда дребезжат в бокалах, слышно, как присутствующие пережевывают пищу. Тихая музыка. И больше ничего.

Первым нарушил молчание Ричард. Он обратился к Коре, как будто и не было двадцатиминутного перерыва в их споре. Молодой человек нахмурился, левая бровь подергивалась.

— В конце концов, позволь мне отвезти ее в город на несколько дней. Ее обследуют.

Кора медленно положила вилку на стол, напуганная тем, что на сцене вновь поднимут занавес, в то время как она подумала, что на ночь шторы опускаются.

— Я уже сказала — нет, Ричард.
— Но *почему?* Если у Фрейи какие-то физиологические отклонения, мы должны...

- Ничего подобного у нее нет.
- Откуда у тебя такая уверенность?
- Доктор Мальмонт заверил нас в этом.
- Он всего лишь врач.

Кора глубоко вздохнула:

— Ричард, не выставляй меня злодейкой перед Дженнин. Ты прекрасно знаешь, что месяц назад Фрейя провела целую неделю в больнице. Они проверяли воображение и фантазию ребенка по всем тестам. Она совершенно здорова. У нее и намека нет на какие-либо отклонения.

Несколько минут он выглядел успокоенным. Но затем произнес:

— Я все же хочу показать ее другому врачу.
— Ты имеешь в виду психиатра.
— Почему бы нет?
— Потому что я знаю, как сильно была напугана Фрейя в больнице. Девочка плакала, прийдя домой, и просила не отправлять ее назад. Я не желаю показывать ее врачам, пока она в таком состоянии. Я не хочу, чтобы девочка столкнулась с еще одной врачебной комиссией.

— Все дети боятся врачей, — настаивал на своем Ричард. — И это не значит, что им будут делать уколы. — Кузен повысил голос, и

в нем теперь звучало меньше почтения, он почти звенел от злости.

Дженни продолжала есть, пытаясь держаться от спора в стороне. Ей не нравилось, как Ричард разговаривает с мачехой.

— Только любовь и понимание помогут Фрейе. Хорошая еда, хороший дом. То время, когда она жила со своей матерью, все еще беспокоит девочку. Тебе известно, как плохо ей было с Леной.

— Любовь? Вот что внушают тебе твои книги? Сможет ли любовь снять столетнее проклятие с семьи Браккер? А, Кора?

— Этого вполне достаточно.

— Я говорю о благе для Фрейи, — наставлял Ричард, он выронил ложку и отодвинул свою тарелку, не мигая уставился на блюда. На лицо упала темная прядь волос.

— Ты намекаешь, что я не пекусь о ее благе? Так?

Дженни никогда не видела Кору рассерженной. Похоже было, что, продлись перепалка еще чуть-чуть, женщина набросилась бы на сына с кулаками.

Ричард откинулся на спинку стула:

— Нет, Кора. Я отлично понимаю, что ты сильно переживаешь за Фрейю, не меньше меня. Но неужели ты не видишь... Неужели не понимаешь, что девочке необходима профессиональная помощь?

— Я только вижу, что мы поставили нашу гостью в затруднительную ситуацию. И что ее первый ужин у нас стал — ну, неловким.

— Ничего страшного, все нормально, — ответила Дженни, отрезая кусок окорока. Еда и в самом деле оказалась очень вкусной. Хотя аппетит девушки был немного подпорчен. Она хотела было извиниться и выйти из-за стола. Может быть, почитав хорошую книгу, ей удастся забыть обо всем. Кроме того, отказом от еды она обидит и Ричарда, и Кору, а дорогая Анна, которая так гордится своим кулинарным искусством, и вовсе придет в ярость.

Ричард убрал со стола, а Анна принесла кофе и десерт. В завершение обеда она подготовила специальный сюрприз: торт-мороженое из восьми различных слоев с четырьмя вкусовыми добавками. Должно быть, на приготовление этого шедевра у Анны ушло полдня. Эта женщина очень любит свою работу. Благодаря этой любви она сотворила блюдо с фантастическим вкусом. Несмотря на то что спор матери и сына, постоянное, тревожное ожидание, повисшее в доме, и притупили аппетит Дженни, девушка с удовольствием поглощала десерт.

— Ну и как? — поинтересовалась Анна, после того как десерт был съеден и все пили по дополнительной чашке кофе. Она сложила руки перед собой и улыбалась, совершенно уверенная в том, что ее похвалят.

— Это было превосходно, Анна, — похвалила Дженни. Ей не пришлось напрягаться, чтобы сказать правду женщине, которая желала услышать эту похвалу. — Думаю, что

я теперь целую неделю не сдвинусь с этого стула!

Анне приятно было это слышать. Согласное бормотание Ричарда и Коры завершили ее триумф. Широко улыбаясь, напевая себе под нос какую-то едва знакомую мелодию, Анна направилась в кухню.

Дженни обменялась многозначительными взглядами с Ричардом и Корой. Анна замечательный повар и отличный человек!

— Что ты думаешь о фамильном особняке Браккеров? — спросил Ричард. Он смотрел на кузину поверх края чашки, маленькими глотками отпивая кофе.

Непонятно почему, но именно сейчас Дженни вспомнила, что Ричард открыл чемоданы, когда принес их в ее комнату. Она все еще не решила, шпионит он за ней или нет. Подобный жест означает всего лишь учтивость. Его прямой взгляд, казалось, буравит ее насеквоздь, выворачивает наизнанку ее мозг, выпытывает ее секреты. Это ей совсем не понравилось.

— Моя комната прекрасна. Мне бы очень хотелось познакомиться поближе с приусадебным парком и покататься верхом. Я не смогу полностью отблагодарить вас обоих. То, что мне нужно, — так это подготовиться к предстоящей осенью работе.

Она подумала, что кузен удивлен ее ответом, он как бы ожидал услышать другое. Возможно, он надеялся, что она станет жаловаться: дескать, ей не понравилось здесь и она хочет уехать.

Может быть, это снова всего лишь ее преувеличенная подозрительность. Почему он хочет выжить ее из дома? Он вроде бы всегда хорошо относился к ней. Неожиданно она припомнила, что Ричард приехал на вокзал с полчасовым опозданием. Прежде чем она решилась спросить об этом, их беседу прервал мягкий, но пронзительный звук дверного звонка.

— Это доктор Мальмонт, — произнес Ричард. Он положил салфетку на стол и поднялся со стула. — Я проведу его сюда. Возможно, он не откажется от чашки кофе в такую непогоду.

Когда Ричард вышел из комнаты, Кора улыбнулась и заговорщики прошептала:

— Прости Ричарда за его вспыльчивый характер. Он очень переживает за Фрейю, впрочем, как и все мы. Но уже не осталось медицинских тестов, которые бы девочка не прошла. Я не хочу отправлять малышку в больницу — тем более в психиатрическую клинику. Я попытаюсь испробовать собственное средство. Любовь вылечит девочку. Если у меня не получится, я, в конце концов, позволю Ричарду отвезти ее к психиатру. Но прежде чем я...

Разговор пришлось прервать, появился доктор Мальмонт. Он вытирал капли дождя с крупного, цветущего лица. Следом за ним вошел Ричард.

— Доктор почти весь промок, — смеясь, проговорил он.

— Я намереваюсь сразу пойти домой, после того как осмотрю Фрейю. А там я собираюсь начать строительство ковчега!

Мальмонт был приятным на вид человеком. У него был тяжелый подбородок, пухлые руки и большой живот. Ему было не больше сорока пяти, и седина едва коснулась висков.

Несмотря на то что доктор был весьма упитанным мужчиной, одежда большого размера прекрасно сидела на его фигуре.

— Если вам нужен только ковчег, то у вас впереди еще тридцать девять дней на то, чтобы построить его. Безусловно, у вас есть время на чашечку кофе, — проговорила Кора.

— Позвольте я вначале осмотрю девочку. После мы поболтаем. Вы даете ей витамины?

— Да. Она выпила одну таблетку перед едой. Впрочем, как всегда.

— Я недолго. Нет, Ричард, сопровождать меня не надо. Только приготовь кофе. И если у Анны остался кусочек десерта, я бы с удовольствием съел его, что бы это ни было!

С этими словами доктор вышел из столовой. Он двигался со спокойной грацией, что было совершенно неожиданно для такого крупного человека.

Минут через десять он вернулся, сел за стол напротив Дженнингс, где уже стояла тарелка, предназначенная для него.

— Это ваша племянница? Должно быть, так, — сказал он, не дожидаясь ответа. — Она такая же красавица, как и ее тетя. Вероятно, все Брайтоны — красавцы.

— Спасибо, — поблагодарила за комплимент Дженни.

Вошла Анна и принесла кусочек десерта и кофе. Все внимание доктора было полностью поглощено едой, и, пока он не съел все, о красоте Дженни было напрочь забыто.

— Как она? — поинтересовался Ричард, когда Мальмонт закончил обедать.

Доктор приложил салфетку к губам, сладкий десерт он запил черным кофе.

— Так же как и раньше. Я не смог разбудить ее. Дыхание ровное, все жизненно важные системы в порядке. Я больше чем уверен, что это никак не связано с недостатком витаминов. Две совершенно отдельные проблемы.

— Вы думаете, что ее следует отправить в больницу? — спросила Кора.

— Бог мой! Нет! — воскликнул Мальмонт. — Кора, ребенок слишком слаб. Она не такой крепкий орешек, как ее брат. В больнице и раньше-то ничего не могли найти. Они и сейчас ничего не обнаружат. До тех пор пока ее состояние стабильно, приступы повторяются раз или два в неделю, думаю, что мы должны быть удовлетворены тем, что диагноз правильный: девочка физически здорова.

— А что с психикой? — спросил Ричард.

— Я склоняюсь к тому — хотя я знаю, что вас это расстроит, Кора, — чтобы рекомендовать вам обратиться к психиатру.

— Вот видишь! — воскликнул Ричард.

— Подожди! Подожди! — обратился Мальмонт к Ричарду. — Я хотел сказать, что пока

подожду еще. В раннем детстве ее психике был нанесен ущерб. Ее мать с безразличием относилась к дочери, они постоянно переезжали из отеля в отель, у нее были разные няни и временные гувернантки. Большую часть жизни она провела в разных странах, где люди обращались к ней на разных языках. Одного этого достаточно, чтобы вывести ребенка из равновесия. Думаю, нам следует дать ей немного времени освоиться в стабильных условиях. Посмотрим, нужен или нет девочке профессиональный анализ.

Кора получила то, что хотела. Вид у нее был ликующий.

Ричард явно надулся.

— Полагаю, я не влез в семейный спор, — проговорил Мальмонт.

— Именно это вы и сделали, — ответил Ричард. — Хорошо еще, что вы не поддерживаете сумасшедшую идею о семейном проклятии, тянувшемся с 1860 года! Фрейя нуждается в любви и покое, то есть в противоположности того, что делала для девочки ее мать. Но это не значит, что следует заниматься изгнанием злого демона, овладевшего девочкой.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Коря. — В ней, видимо, присутствуют оба заболевания: и психическое, и демоническое. Если любовью можно это вылечить, то что же в этом плохого?

— Это значит очень много! — воскликнул Ричард. Он ударил кулаком по столу так, что зазвенели тарелки. — Мы нанесем девочке не-

поправимый вред, если будем подпитывать ее суеверными пустяками. Проклятия семьи Браккер не существует!

Почти сразу после этой реплики разговор прервал долгий, протяжный и мрачный вой крупного волка...

Глава 4

Дженни приехала в имение «Браккер» во вторник. В среду утром пошел дождь. В просветах серых туч проглядывало голубое небо. К обеду небо прояснилось, а последствия ночных ливня испарились с поверхности земли. Воздух был чист и свеж. Вместе с грозой исчезло чувство беспричинной тоски и страха. Большую часть дня девушка провела катаясь верхом на лошади по кличке Холликросс, объезжая поместье. Дженни находила, что каждый уголок имения прекрасен. Но она старалась объезжать стороной часть земли на северо-востоке поместья, где известняк выплыл на поверхность и напоминал шрамы. Деревья были приземистыми и с ужасно искореженными ветвями, луговая трава едва пробивалась через известняковую поверхность почвы.

В четверг Дженни ехала верхом на Холликросс вдоль восточной границы имения. Она наблюдала за дорожными работами: строилось шоссе. Ей было неприятно видеть вырубленные деревья, а на их месте бетон и гравий.

Ленч в тот день был великолепным. Стол накрыли на веранде за домом, на свежем воздухе. Они разговаривали о незначительных вещах. Проблема приступов Фрейи отошла на задний план, пока Дженни не вспомнила о страхе, охватившем ее в первую ночь пребывания в особняке.

Ближе к трем часам дня она взяла свой маникюрный набор и направилась к озеру. Усевшись на выступающий камень недалеко от берега, девушка наблюдала за грациозными утками, плавающими по глади воды. Ногти были в ужасном состоянии, за последние два дня они потрескались и обломались. Она начала подпиливать их и вскоре погрузилась в это занятие.

— Ты снова сломаешь их, — сказал детский голос за спиной.

От неожиданности она вздрогнула. Бутылочки с лаком упали с колен на землю. К счастью, ни одна из них не была открыта. Боковым зрением она увидела Фрэнка. Мальчик бросал в воду камни, наблюдая за возникающими на поверхности кругами. Рядом с ним стояла Фрейя. На детях были голубые джинсы и белые футболки. О! Эти дети очень красивы!

— Не следует пугать таких старушек, как я. Я могла упасть в обморок. Что бы вы тогда делали?

— Принесли бы воды из озера и побрызгали тебе лицо, — ответил Фрэнк.

Идея, казалось, понравилась близнецам, и оба заулыбались.

— Тетушка Кора тоже всегда беспокоится о своих ногтях, — продолжал мальчик. — Но если ты и дальше собираешься ездить верхом, то лучше забыть об этих бабских штучках.

— Это вовсе не бабские штучки, — возразила Фрейя.

Впервые Дженнни услышала голос девочки. Если бы здесь разгорелась битва полов, то Дженнни бы точно знала, на чью встать сторону.

— Когда Фрейя вырастет, — произнесла Дженнни, — она тоже будет ухаживать за своими ногтями, и всем ее парням будет нравиться, что она выглядит так хорошо. Маникюр делает руки девочек красивее.

Дженнни подняла упавшие бутылочки с лаком и снова поставила их на колени. Она была рада поговорить с близнецами. Когда она осенью войдет в свой класс — третий класс из двадцати пяти человек, — то у нее за плечами будет маленький опыт общения с детьми.

— Фрейя уже сейчас следит за ногтями, — пробурчал Фрэнк.

Малышка поднесла руки к лицу, улыбаясь через растопыренные пальцы. Оба были такими очаровательными! Дженнни повторила движение Фрейи и засмеялась. Девушка заметила, что Фрэнк прав. Каждый ноготь на крохотных пальчиках ребенка был очищен от кутикулы и подпилен. Ногти ребенка были круглыми и не такими вытянутыми, как требует мода от взрослой женщины.

— Она хорошо следит за ними, — заметил мальчик. — Потому что она — оборотень.

Фрэнк напряженно всматривался в лицо девушки, ожидая ее реакции.

У Дженнине было уверенности в том, что ее не разыгрывают.

Она решила превратить все в шутку и рассмеялась. Каким-то образом слухи дошли и до детей. Она не могла вообразить, кто из взрослых был таким невнимательным в разговоре с детьми, что эта ужасная мысль засела в головах близнецов. Все же лучший выход из данной ситуации — шутка.

— Фрейя вовсе не оборотень, а хорошенькая маленькая девочка, а ее братишко любит пугать людей.

— Нет, — возразила Фрейя, ее мягкий голос звучал очень четко. — Он прав, я оборотень.

Никто из детей не улыбался.

Они выжидающе смотрели на девушку.

Как бы Дженнине хотелось схватить того неразумного взрослого, кто позволил слухам дойти до детей! Естественно, это не Ричард. Он уверен, что разговоры об оборотнях — это суеверная чепуха. Тетушка Кора могла бы поверить в долю правды, содержащуюся в сплетнях. Но даже она понимает, что, пичкая детей подобными идеями, ничего хорошего этим не добьешься. Остаются Гарольд и Анна. Дженнине плохо знала эту пару, но сомневалась в их безответственности.

— А откуда известно, что ты оборотень? — спросила девушка у детей, в надежде полу-

чить столь же глупое предположение, как и вся эта ерунда.

— Я долго сплю, а в это время волки воют и убивают кого-нибудь.

— Но ты же спишь, ты же не волк, — возразила Дженни.

Фрейя горестно склонила головку, слегка тряхнув золотыми кудрями.

— Нет, я — волк. Вампир, живущий во мне, покидает мое тело, когда я засыпаю, и превращается в волка. Потом он начинает охотиться.

Фрэнк положил руку на плечо девочки, выражая братское понимание и солидарность:

— Она не навредит тебе, Дженни. Правда, Фрейя?

Они так и стояли. Солнце освещало их волосы, джинсы слегка запачканы грязью на коленках, лица в веснушках — типичные американские дети, сошедшие с картины Рокуэлла Кента, здоровые, подвижные, похожие друг на друга, как две пуговицы.

— Я не причиню тебе вреда, — согласилась Фрейя. — Я врежу только кроликам.

Неожиданно Дженни стало холодно на этом согретом солнцем камне. Неужели она в самом деле верит в эту чепуху об оборотнях и проклятии? Неужели она хоть на минуту могла допустить мысль, что душа этого милого ребенка выходит из нее и рвет на части кроликов? Да это просто смешно!

Хотя она хорошо помнила предупреждение, полученное во сне: «*Остерегайся того — неведомого. Жди того — внезапного...*»

- Кто рассказал вам все это?
- Никто нам ничего не говорил, — ответила девочка. — Мы знаем — вот и всё.

Дженни не собиралась отступать так легко.

- Кто-то должен был подкинуть вам эту идею, — настаивала она.

— Никто.

— Вы, видимо, подслушали разговор Коры и Ричарда...

Фрэнку наскучил этот разговор, и он быстро, как это бывает только у детей, переключил свое внимание и энергию на другой объект. Мальчик схватил сестру за руку и потянул за собой:

— Кто быстрее добежит до конюшни! Может быть, пони хочет погулять!

Дети убежали от Джени. Они обежали вокруг озера, вспугнули уток, которые протестующе закрякали. Фигурки близнецов становились все меньше и меньше, пока не исчезли из вида в тени конюшен.

Великолепное настроение исчезло. Что-то не так с этим ребенком? Что скажет психиатр, когда осмотрит ее? Кому в поместье «Браккер» удалось втеснить такую страшную ересь в головки двойняшек?

Дженни продолжила прерванное занятие, пытаясь отвлечься от мыслей. Но не смогла.

В тот вечер Ричард опоздал к ужину. Ни на кого не глядя и ни с кем не разговаривая, он занял свое место за столом. Он механически поглощал свою еду.

Дженни сказала бы, что он был очень рассержен, но не понимала — почему. Она сконцентрировалась на еде и молчала. Ей бы не хотелось, чтобы Ричард развеял то приятное впечатление о себе, которое произвел на нее семь лет назад. Положив разные закуски на тарелку, он впервые поднял голову и посмотрел на другой конец стола, где сидела его маечха.

— У Фрейи новый приступ, Кора! Гарольду пришлось подняться наверх и посидеть с ней. Бог знает, чем может помочь это сидение рядом с ней?

Кора опустила вилку, сделала глоток воды из бокала.

— Она принимала витамины за ужином. Я проверяла.

— Кора, — голосом полным горечи и злости сухо произнес Ричард. — Приступы Фрейи не связаны с витаминами. Не стоит избегать фактов, ей необходима помощь психиатра.

— Мы уже обсуждали это, — ответила тетушка.

— Я обсуждал, — возразил кузен. — Но я не думаю, что до тебя дошло хоть одно из моих слов!

— Ричард! — вскричала Кора. — Не смей разговаривать со мной таким тоном.

Молодой человек встал из-за стола и покинул комнату, не проронив ни слова извинений.

«Во что же я влипла?» — мысленно спрашивала себя Дженни.

Она предчувствовала, что события сгущаются, скоро произойдет взрыв. Ей бы не очень хотелось оставаться здесь, когда фитиль взрывателя догорит дотла и доберется до бочонка с порохом. Быстро развивающиеся события не поддавались ее контролю, а это значит, что она может стать жертвой. Внешне тетушка оставалась спокойной, но аппетит пропал у обеих.

Позднее Кора поднялась в комнату к Дженнини. На ней было длинное очаровательное платье желтого цвета. Оно оттеняло ее смуглую кожу и подчеркивало стройную фигуру. В душе девушки надеялась, что когда она достигнет возраста Коры, то будет такой же соблазнительной и женственной, как ее тетя.

«Если доживу», — поправила себя она.

Почти сразу же она удивилась, ну почему у нее всегда такие мрачные мысли.

— Я бы хотела поговорить с тобой о Фрейе, — произнесла Кора. Женщина присела на край кровати, положила руки на колени.

Впервые Дженнини заметила усталость и темные круги под глазами тетушки. До прихода Коры Дженнини пыталась занять себя чтением мистического рассказа, но далеко не продвинулась. Строчки бегали перед глазами, а в голове крутились мысли о прошлых событиях. Отложив роман в сторону, Дженнини села в постели.

— Мне ее очень жаль. Такая хорошененькая маленькая девочка.

Кора кивнула:

— А я думаю, что с ней все будет в порядке. Физически она здоровая. Ее осматривали лучшие врачи города. Она провела целую неделю в больнице под наблюдением двух лучших специалистов.

Дженни догадалась, что Кора хочет оправдать свой отказ пригласить психиатра.

— Если это психологическая проблема, то любовь сможет исправить это. Любовь — то, что ни один из близнецов не получал, пока они не приехали сюда. Лена была плохой матерью.

Дженни согласно кивнула. Она инстинктивно понимала, что Коре нужен человек, который сможет выслушать и пожалеть ее. Кому-то покажется странным, что взрослая, знающая жизнь женщина доверяет симпатичной, но неопытной девчонке. Однако суть в том, что они обе — женщины. Существуют определенные чувства и определенные моменты жизни, когда только женщина сможет высказать другой то, что творится у нее в душе, независимо от возраста.

— К ним относились как к мебели, — продолжала Кора. — На них не обращали внимания, у них постоянно менялись гувернантки. Их увольняли немедленно, как только они попадали в немилость к Лене. А та все время находит, к чему придаться.

— У вас в доме дети окружены заботой и любовью. Им здесь гораздо лучше, и, как я понимаю, у Лены мало шансов забрать близнецов.

— Да, мало, — согласилась Кора.

Взор женщины был направлен через незавешенное окно на улицу. Немного помолчав, тетушка спросила:

— Как ты думаешь, следует ли Фрейю показать психиатру?

— Мне трудно советовать, я здесь совсем недавно.

— Девочка очень ранима. Каждую ночь она плакала. Не думаю, что будет лучше, если какой-то чужак будет экспериментировать над ней и попытается сломить ее сопротивление.

— Она очень застенчива, — поддержала Дженни тетушку, вспомнив, что Фрэнк вел большую часть разговора, в то время как маленькая девочка только наблюдала и слушала как бы со стороны.

— Совершенно верно, она раскрывается только со мной. Для этого мне понадобилось больше года. Если бы у меня в распоряжении было бы еще несколько месяцев любить ее, дать ей почувствовать, что она нужна, думаю, что приступы пройдут. Единственное, что ей нужно, — любовь.

Дженни улыбнулась и взяла женщину за руку.

— Тогда это и в самом деле не проклятие? — спросила девушка, пытаясь внести нотку юмора в этот разговор. Но ее вопрос произвел обратный эффект. Кора побледнела, и дрожь пробежала по телу.

— Я давно интересуюсь оккультными науками и не отвергаю любое предположение,

даже идею проклятия. Возможно, если бы ты видела того мертвого кролика, найденного у парадной двери, и кровь на окне, где, по-видимому, стояло то существо, глядя в...

— Нельзя же искать нечто сверхъестественное только потому, что какой-то там волк оставил следы на земле. Должно быть, в округе много этих хищников... — горячо возразила Дженнни.

— Все так. Дело в том, что в этой части Пенсильвании волков нет уже лет двадцать. Их уничтожили охотники. Как и львов.

«Беги, беги, беги Дженнни».

Кора вздрогнула, пожала руку племянницы и выпустила ее.

— Не обращай на меня внимание. Просто я хочу, чтобы ты знала о том, как я сильно переживаю за Фрейю. И еще я бы хотела попросить тебя не обижаться на Ричарда. Он ведет себя грубо, поскольку также сильно беспокоится о девочке. Он любит близнецов и желает им всего самого лучшего. Мы просто не можем прийти к единому мнению. В целом он хороший парень. — Кора встала. — Даже если это проклятие, то мой план сработает лучше. Я много читала об этом. Много раньше... раньше, чем это произошло с Фрейей. Я знаю, что многие чары спадали под напором огромной любви. — Кора многозначительно улыбнулась и вышла из комнаты.

Дженнни плохо спала той ночью. Она думала о девочке, ее приступах, боролась с реальными и выдуманными демонами. Дважды, за-

сыпая, она вскакивала от далекого, тоскливо-го волчьего воя. Но с уверенностью сказать об этом она не смогла бы...

Когда она наконец-то заснула, ей снились плохие сны. Она была на кладбище перед могоилами. И вновь ее ушедшие родители и бабушка Брайтон просили ее бежать, скрыться. Снова она слышала шаги по тротуару — с той лишь разницей, что теперь она видела преследователя: огромный черный волк с горящими, как красные угли, глазами, с влажным языком, облизывающим острые белые зубы...

Дженни проснулась, сдерживая глубокий стон. Она села в постели; сердце бешено билось, перехватывая дыхание. За окном в то пятничное утро небо было покрыто серыми тучами, кое-где пробивалось солнце, освещая все вокруг. Девушка отодвинула портьеру, впуская как можно больше света в комнату.

Она приняла душ, высушила волосы, оделась в костюм для верховой езды и спустилась вниз.

В доме никто строго не придерживался точного времени завтрака. Хотя все уже встали и через некоторое время могли спуститься к столу. Анна хотела приготовить ей яичницу с беконом. Но Джени с трудом убедила ее, что достаточно булочки и апельсинового сока. Кухарка прочла ей целую лекцию о пользе хорошего завтрака.

На улице девушка почувствовала себя немножко лучше. Как будто всеочные кошмары остались запертыми в доме, и только хорошее

настроение сопровождало ее по дороге на конюшню.

Решив спокойно прогуляться, Дженни шла и наслаждалась красотой деревенского утра. В небе парили птицы, садились на деревья, громко чирикали среди листвы. На ветке платана, набив чем-то рот, замерла белка. Животное застыло как изваяние, пока девушка проходила мимо.

Когда Дженни наконец добралась до конюшни, она увидела, что дверь в стойло Холликросс широко распахнута. Дверь запиралась на тугую задвижку, и Дженни всегда проверяла, хорошо ли она задвинута. Видимо, вчера девушка забыла сделать это.

Она бросилась вперед в страхе, что животное могло отвязаться. Ричард как-то рассказывал, что очень трудно поймать вырвавшуюся на свободу лошадь, даже если та и не перепрыгнет ограды поместья. Дженни не хотелось доставлять ему хлопот.

Когда она подошла к стойлу Холликросс, девушка позвала кобылу по имени. Лошадь лежала на соломе.

В первые секунды Дженни подумала, что Холликросс заболела.

Затем девушка увидела кровь.

Тусклый свет конюшни, запах соломы, где-то слышно пение птиц, а она тут видит разодранное горло лошади. Горло истерзано когтями. Кровь застыла на каштановой шерсти.

Глаза лошади широко раскрыты.

Есть и другие следы насилия. Они сделаны клыками и когтями. Все выглядело так, словно огромный, хитрый волк напал на кошку и выместила все зло на ней.

Прежде чем до Дженнин дошло, что она делает, она отступила на пару шагов назад и закричала во весь голос.

Глава 5

Тетушка Кора хотела бы, чтобы Дженнин немного поспала. Пока доберутся до дома доктора Мальмонта и привезут его сюда, пройдет некоторое время. Но Дженнин отказалась принять снотворное. Во сне являются кошмары. Из страха, что она станет сонной от бренди, Дженнин отказалась от предложенного Гарольдом напитка. Не совсем подходящее время для сна.

Она не позволит выключать свет в ее комнате, поднимать портьеры на окнах и будет держать зажженной настольную лампу. Она никогда больше не останется в плохо освещенном месте. Она надеялась, что ей больше не придется выходить на улицу ночью или спать без света.

В темноте предметы бесшумно подступают к вам и неприятно удивляют вас.

Анна сидела у противоположной стены, она составляла меню на следующую неделю. Похоже было, что произошедшее не произвело на нее никакого впечатления. Хотя все чаще Дженнин замечала, как старушка смот-

рит в пустоту. Какие-то мысли отвлекали внимание Анны от отбивных, овощей и десертов. Произошедший в доме Браккеров инцидент отвлекает кухарку от сосредоточенности на ее профессии, а это значит, что ситуация серьезная.

Взгляд Джени упал на кроваво-красный переплет колдовских книг. Она быстро отвернула глаза.

«Может, это и в самом деле проклятие? — размышляла девушка. — Если это и так, то возможно, что и я — одна из тех, на кого оно наложено?» Все, кого она любила, вскоре сталкивались с несчастьем или умирали. Вначале ее родители. Затем бабушка Брайтон. Бабушке, правда, удалось дожить до тех пор, пока Джени не стала достаточно взрослой. И вот теперь, когда девушка стала привязываться к Холликросс и к их ежедневным прогулкам по поместью, лошадь тоже погибла. И в этот раз смерть была насильственной. Возможно, душа Фрейи вовсе не одержима. Может быть, это Джени Брайтон несет всем несчастье.

В этот момент дверь открылась. Вошла Кора и мягко прикрыла ее за собой:

— Тебе лучше, Джени?

Вид у Коры был изможденным.

— Немножко, — соглашается Джени.

Кора присела на край кровати, погладила племянницу по колену.

— Мы послали за доктором Мальмонтом. Через пятнадцать минут он будет здесь.

Голос женщины был настолько слаб, что Дженнини почувствовала вину за доставленное беспокойство, а волнений у тетушки и так уже было предостаточно. Девушка приподнялась с подушек и выпрямилась. Она отбросила волосы, спадавшие на лицо. Она попыталась улыбнуться, но предпочла не делать этого, поскольку улыбка получилась бы напянутой.

— Вы выглядите уставшей, Кора. Пусть доктор Мальмонт даст вам успокоительное.

— Со мной все в порядке. Но я клянусь, что, если еще какой-нибудь торговец хоть на метр подойдет к поместью, я отлуплю его метлой! — Тетушка потерла утомленные глаза и улыбнулась. — Хотя они и не виноваты, они всего лишь выполняют свою работу. Мы им много раз говорили, что не хотим продавать поместье. Можешь представить себе картину, что все эти земли будут застроены мотелями, заправочными станциями, чтобы обслуживать это ужасное шоссе? Как только представляю себе подобное да плюс еще наши беды, меня сразу начинает тошнить от всего!

— Что сделал Ричард с... Холликросс? — поинтересовалась Дженнини.

— Он вызвал ветеринара из города. Они только что погрузили ее в грузовик. Ричард как-то таинственно ведет себя. Он никого не выпускает в конюшню, не разрешает Гарольду убрать там. Фактически он отдал конкретные приказания ничего не трогать и чтобы там оставалось все как есть.

Странно. Чем скорее смоют кровь и набрасывают свежей соломы, тем быстрее исчезнет аура ужаса, которая сейчас висит над каждым из них.

— В конюшне на замок можно запереть и верхнюю часть двери стойла. Ричард планирует скрепить замки цепями на ночь и заберет ключи с собой. Он уверен, что кто-то открыл дверь для... для волка или еще кого-нибудь.

— Если только это не тот самый волк, — тихо проговорила Дженни. — Тогда и дверь-то никому не надо открывать, правда?

— Ричард не верит в проклятия.

Анна не вступала в разговор, она вновь склонила голову над почти составленным меню на следующую неделю.

— А вы — да, — произнесла Дженни.

— Да. Верю.

Дженни не была полностью уверена, что она тоже верит в проклятие. У нее в голове все перемешалось, и трудно было выбрать преобладающую мысль.

— Есть одна деталь, — проговорила Кора, она, не отрывая взгляда, смотрела на полуденное солнце. — Вчера вечером мы ничего не слышали. Во время этой ужасной битвы между Холликросс и этим нечто мы не слышали ни звука. Лошадь даже не ржала. И даже если она и пыталась отбиваться, никаких свидетельств нет. Там нет никаких повреждений от копыт.

У Дженни было достаточно времени обдумать значение этих деталей, прежде чем приехал доктор Мальмонт. Поднимаясь наверх,

он пыхтел и ворчал, источая ругательства по поводу лестницы особняка «Браккер».

— Должно быть, люди раньше были здоровее и крепче, — пожаловался он. Лицо доктора стало пурпурным, он швырнул свой портфель на стул у кровати Дженни. — Если вы будете бегать вверх и вниз по этой лестнице, вы скоро станете здоровой как бык!

Мальмонт выглядел комично — возможно, он специально старался быть таким, — но он помог отвлечь мысли Дженни от темных и необъяснимых событий в поместье.

— Может быть, тогда люди не ездили на машинах, не пили слишком много мартини и не ели слишком много высококалорийной пищи. Разве были у них, ну, например, картофельные чипсы? — сказала Дженни.

Мальмонт опустил глаза на свое выпяченное брюшко, затем с наигранной серьезностью посмотрел на девушки:

— Юная леди, вы намекаете, что я недостаточно строен физически?

— О нет! — воскликнула Дженни.

Мальмонт пожал плечами:

— Ну, возможно, я и не придерживаюсь каждой буквы собственных советов. Но уверен, что мои пациенты меня слушают.

Врач измерил температуру и давление. Проговорил зрачки, послушал биение сердца и сосчитал пульс. Движения его были быстрыми и точными, обращаясь с профессиональными инструментами так, как если бы они являлись частями его тела.

— У вас легкий шок. Физическое состояние хорошее. Я бы посоветовал сытный, горячий ужин. Пусть вам принесут еду в комнату. Ешьте не вставая с кровати. Анна, не трудно вам будет сделать это?

Кухарка подняла глаза, удивленная тем, что к ней обратились:

— Никаких проблем, доктор.

— Отлично. Посмотрите развлекательную программу по телевизору или почитайте что-нибудь легкое. Никаких мелодрам. Пораньше лечь спать.

Из портфеля Мальмонт достал бутылочку со снотворным.

— Мне нужно пить таблетки? — поинтересовалась Дженнни.

— Вы уже взрослая девочка и нечего упрямиться, — коротко отрезал врач, записывая указания на белом пакетике.

— Я не хочу спать. Мне будут сниться всякиеочные кошмары. Я это точно знаю!

— После этих таблеток вы уснете так крепко, что не проснетесь, даже если вокруг будет рушиться мир.

Больше она не спорила. Пока ей не снятся страшные сны, ей предпочтительнее больше спать, чем бодрствовать.

В обед Дженнни и Анна играли в карты. Анна настойчиво старалась сделать все, чтобы время шло незаметно. Пожилая женщина пыталась направить мысли девушки в другую сторону от ужасных событий. А Дженнни и не сопротивлялась. Если у Анны получится от-

влечь ее, то это будет прекрасно. Один Господь знает, как она не хотела больше думать о Холликросс, о родителях, о бабушке, о вое и медленном движении во мраке.

Когда кухарка ушла готовить ужин, Дженини осталась одна. Она смотрела старую комедию по телевизору. Фильм был бессмысленным, но он на время развеял ее мрачные мысли.

Анна принесла поднос, уставленный несметным количеством тарелок с едой, и еще на десерт два больших куска шоколадного торта со сливочной начинкой. Пока Дженини смотрела новости, она съела почти все, что ей принесли. Она думала, что не сможет съесть ни крошки. Но, как оказалось, страх и перенесенные за день волнения забрали гораздо больше сил, чем она предполагала.

Вечером, около семи, она услышала, как ссорятся Кора и Ричард. Дженини воспользовалась дистанционным пультом управления и убавила звук телевизора. Она прислушалась. Девушка не улавливала отдельных слов, но поняла причину спора. Ричард настаивал, сильнее, чем раньше, на психиатрическом обследовании Фрейи. Кора упорно сопротивлялась.

Дважды их спор перерастал в грубый скандал. Услышав, как Ричард пытается подчинить мачеху, Дженини чувствовала, как в ней самой нарастает злость.

Неожиданно громко хлопнула дверь, и крик прекратился.

Затем послышалось хлопанье дверями где-то в другом конце особняка.

Стук шагов по полу.

Сдержанное рыдание Коры.

Что, в конце концов, происходит в этом доме?

Она начала вставать с кровати, но передумала. Помочь она все равно ничем не сможет. Собственно, это не ее дело. Вместо того чтобы подняться с теплой, удобной кровати, она поглубже залезла под одеяло.

Дженни снова включила телевизор и попыталась сосредоточиться на просмотре. Через двадцать минут, пощелкав по всем кабельным каналам, она неудовлетворенно отбросила пульт в сторону. Стало труднее сдерживаться от размышлений над странными событиями, происходящими в особняке и вокруг него.

Взгляд девушки упал на кроваво-красный переплет двухтомника. Она внимательно просмотрела на корешки, затем встала с постели и достала с полки оба колдовских тома. Она забралась на кровать, открыла один из них, бегло пролистала и, наконец, с неподдельным интересом начала читать.

Есть только один путь разрушить страх — знание. Сложно испугаться чего-то, когда понимаешь, с чем имеешь дело. Она просмотрела содержание томов и стала отмечать галочкой все, что касалось проклятий и оборотней.

В восемь тридцать вечера в комнату поднялся Гарольд, чтобы забрать поднос, и поинтересовался, не хочет ли она съесть чего-

нибудь перед сном.. Казалось, все эти волнения его не особо интересуют. Он был такой же спокойный и величественный, как и до этого.

Дважды Дженни прозрачно намекала Гарольду о перепалке между Корой и Ричардом.

Каждый раз он притворялся, что не понимает, о чем идет речь.

— О чём они там спорили? — наконец спросила она напрямую.

— Спорили? — переспросил Гарольд, подняв вверх белые как снег брови.

— Я слышала сама, — настаивала Дженни.

— О! Вы имеете в виду дискуссию между миссис Браккер и Ричардом?

Старик был настолько джентльменом, что не мог допустить и мысли о том, что его хозяева ругались как на базаре.

— Именно это, — довольная собой, ответила девушка.

— Они спорили по поводу мисс Фрейи.

Он взял поднос, осмотрел комнату в поиске брошенной салфетки, но ничего не нашел.

— Ну и?..

— Миссис Браккер дала согласие на приезд психиатра в дом и чтобы он здесь лечил ребенка. После Ричард обсудил этот вопрос с доктором Мальмонтом.

Она почувствовала, что старик не желает беседовать о подобных делаах. Он считал, что это предательство доверия хозяев, даже если крик стоял по всему дому. Убедившись, что Дженни ничего не хочет, он удалился.

Некоторое время Дженнى лежала и думала, а стоит ли подвергать такую маленькую девочку столь изнурительному психиатрическому исследованию. Девушка больше склонялась на сторону Коры. Любовь может для маленькой девочки сделать больше, чем холодное, профессиональное лечение.

Дженнى убедила себя, что ничего не сможет предпринять.

Она вернулась к своему занятию. Книги встревожили ее, но не помогли найти ответы на мучавшие вопросы. Если раньше идеи о чем-то сверхъестественном и об оборотнях вызывали у нее смех, то книги дали ей дополнительный материал для размышлений. Было тревожно узнать, что церковь в Европе не высмеивала слухи об оборотнях, о вервольфах, о людях-волках и в действительности проводились ритуальные службы по изгнанию нечистой силы. В наши дни румыны, русские, поляки и югославы в той или иной степени верят в такие неприятные истории о превращении людей в волков, в вампиров и вурдалаков. Дженнى также вычитала, что многие румыны спят в домах, где над каждым окном и дверью прибивают высушенные головки чеснока. Они делают это с целью отогнать тварей с клыками, после захода солнца рыщущих по окруже в поисках жертвы.

Подобные поверья живы даже в нынешний индустриальный век. Кто сможет утверждать, что они менее правдивы, чем верования христианской церкви?

Она читала допоздна. Портьеры на окнах плотно задернуты. Тьма не сможет наблюдать за ней.

Легенды всех европейских стран — и не только, между прочим, описываемые истории происходили до конца 1960-х — были настолько увлекательными, что девушка уснула с раскрытым книгой в руках.

Сон Джени был прерывистый. Много раз она приподнималась с подушек, сердце бешено билось, и снова забывалась беспокойным сном. Она хныкала и сбрасывала с себя одеяло, которое, подобно тяжелым крыльям, тянуло ее вниз.

Утром она почувствовала, что уже дошла до ручки. Как будто бы она стоит перед какой-то огромной игрушкой «попрыгунчик в коробочке» и напряженно ждет, когда вдруг оттуда внезапно выскочит *нечто* на толстой пружине и смерит ее злобным, плотоядным взглядом...

Глава 6

На следующее утро она приняла душ, оделась, слегка подкрасила губы и глаза. Джени уже точно знала, что ее единственное желание — это покинуть поместье «Браккер». Если нечто решит напасть на нее, то этот проклятый дом — наиболее подходящее место. Голоса из ее сновидений вернулись. Она слышала их постоянно. Они умоляли ее спасаться, бежать.

Она приехала сюда с надеждой, что окажется среди близких, любящих людей и станет частью их жизни. Те, кто искренне и нежно любил ее, ушли в прошлое, они умерли. Теперь ее надежды на светлое будущее, заполненное любовью, нежностью и пониманием, были связаны только с Корой и Ричардом. Но к сожалению, в данный момент и у них крупные неприятности: болезнь Фрейи, вечные стычки друг с другом, Ричард с каждым днем становился все грубее. Постоянные набеги спекулянтов недвижимостью выводили Кору из себя. Да еще эта воцарившаяся в поместье атмосфера *того самого — неведомого...* Переживания и проблемы не оставляли времени на обычные радости жизни. Неожиданно у Джени появилось ощущение, что она квартирантка в чужом доме.

Затянувшееся страстное стремление к стабильности, обычной жизни, любви, овладевшее ей после смерти бабушки Брайтон, в этом доме не сможет воплотиться в жизнь. Какая может быть стабильность в проклятом месте, где хозяйничают оборотни, где властвуют семейные проклятия! Рутину повседневности легко нарушают какой-то там вой в夜里, всякие растерзанные лошадиные трупы, необъяснимые приступы у малышей! Атмосфера, пропитанная ожиданием зла, душит всякую любовь. Джени здесь только и получила, что невзгоды да обострившийся страх!

Как бы все это объяснить Коре?

Дженни не хотела причинить боль тетушке или добавить в список ее бед еще и свои несчастья. Хотя Дженни и не нравилась идея жить в этом доме, она подумала, что нужна Коре. Она припомнила, как Кора несколько раз поднималась к ней в комнату, чтобы обсудить происходящее. Тетушка хоть чуть-чуть доверяет ей. Возможно, Дженни давала Коре возможность высказаться, стала для нее своеобразной отдушиной.

Все равно хочется уехать.

Безнадежно.

В субботу утром, размышляя над своими проблемами, она спускалась по главной широкой лестнице. На ней были комнатные тапочки, в них она беззвучно ступала по ступеням. Она больше не одевалась для верховой езды, так как в памяти все еще свежи были воспоминания о погибшей лошади. С тех пор она старалась не проходить вблизи кошюшен.

Ричард не слышал и не видел, как она спускалась. Хотя девушка и не пыталась подкрасться к нему. Кузен разговаривал по телефону, который находился на площадке перед последним пролетом ступеней. Он говорил торопливо и чуть ли не шепотом.

— Что нам с ней делать? — спросил Ричард неизвестного собеседника.

Дженни почему-то остановилась. Обычно она не одобряла подслушивание чьих-то личных бесед. Все-таки времена-то сейчас странные. Шепот кузена добавил лишних волнений.

ний. От манеры, с которой он говорил, как задал вопрос, кровь застыла в ее жилах...

Несколько секунд он, тяжело дыша, напряженно слушал.

Затем он проговорил:

— Не знаю, сможем ли мы, не вызывая подозрений, справиться с этим.

Он вновь замолчал.

«Избавиться от чего?» — удивилась Дженн. В какой разговор она влезла? Что бы это ни было, оно заставило девушку стать еще подозрительнее. Голоса умерших уговаривали спасаться бегством, их мольба стала еще настойчивее.

— Да, я согласен. Лекарство само по себе не станет ключом. Слишком много людей смогло бы за него ухватиться, чтобы сделать это средство непревзойденным. Убийца счел бы себя весьма трудноуловимым.

Опять молчание. При упоминании убийцы Дженн едва покачнулась. Под давлением руки деревянные перила заскрипели. Резкий скрип, подобно взрыву динамита, разорвал неестественную утреннюю тишину дома.

Ричард был настолько увлечен беседой, что не услышал шум. Он не взглянул наверх и не проявил беспокойства.

Она ждала и боялась отступить назад — осознав, что теперь она не может идти вперед, не выдав себя.

«Пожалуйста, только, пожалуйста, не дай ему увидеть меня», — просила она, не совсем понимая, кому она адресует свою короткую и смятенную молитву.

— Позволь мне подумать над этим. Не стоит спешить, раз ты освободишься только послезавтра. — Он слушал и кивал. — До свидания.

Ричард как можнотише повесил трубку. После он прошел по коридору и через раскачивающуюся белую дверь вошел в кухню. Скрип петель эхом прокатился по безмолвному холлу. Прошло несколько долгих секунд, пока воцарилась абсолютная тишина.

Только после этого Дженнни решилась спуститься вниз к завтраку.

Ричард сидел за длинным блестящим столом и пил кофе. Обычно здесь Анна готовила свои кулинарные шедевры. Но сейчас поблизости не было ни кухарки, ни ее мужа. Возможно, Кора долго не могла заснуть и была в своей комнате. Близнецы играют на улице.

Дженнни и Ричард оказались одни.

— Доброе утро, — поздоровалась Дженнни с кузеном. Она пыталась говорить весело и легко, но опасалась, что выдаст свое волнение.

— Трудный день сегодня.

Она налила себе кофе из кофеварки.

— Да?

— Сегодня на машине приезжает доктор Уолтер Хобарт. Он подъедет к полудню. Он будет лечить Фрейю.

— Слышала, что Кора согласилась на привезд психиатра, — начала она осторожно.

— Неужели?

Он бросил на кузину взгляд поверх чашки. Он как бы прикидывал, какое место она займет в его планах.

— Я спросила, и Гарольд рассказал мне об этом вчера вечером.

— Понятно.

Ей захотелось спросить: с кем он разговаривал по телефону? Что это за беседа об убийце и лекарствах? Но она почувствовала, что подобные расспросы могут оказаться смертельно опасными...

— Не едешь кататься верхом сегодня?

— Нет. Только не сегодня.

— Просто пошатаешься по дому, да?

Ей стало неловко. Он как будто бы подводил ее к вопросу, который хотел задать ей.

— Думаю, займусь чтением, — ответила Дженни.

— Я привык слышать звон шпор на твоих сапогах. Думал, что и сегодня утром ты придешь сюда в них. — Он улыбнулся. — Но я не услышал твоих шагов, пока ты не вошла сюда.

Она знала, что его интересует, подслушивала ли она его разговор по телефону или нет. Что он с ней сделает, если узнает правду? Ничего? Или она неверно поняла, о чем он говорил?

— Разве ты не слышал, как я едва не свернула себе шею на лестнице? — Она поразилась, как ей быстро удалось сочинить ложь.

— Не ушиблась? — осведомился он, хотя казалось, что это его не сильно заботит.

— О, ты издеваешься надо мной, да? Ты слышал и теперь дразнишь меня. Эти чертобы тапочки очень большие. Один носок загнулся, и я почти полетела вниз по последним пяти ступеням. Я кое-как удержалась на ногах, и мне удалось не загрохотать.

Он явно успокоился:

— Возьми новые. Или позаимствуй у Коры, если размер подойдет. Эти ступеньки достаточно крутые. Если ты каждый раз будешь спотыкаться, то с тобой постоянно будут случаться неприятности.

— Спрошу, какой у нее размер, — ответила Дженнини.

Он допил свой кофе и встал.

— Прошу прощения, но у меня дела в городе. Мне нужно все уладить до приезда доктора Хобарта. Если он прибудет до моего возвращения, пусть займет ореховую комнату в восточном крыле.

— Он остановится у вас? — поинтересовалась Дженнини.

— Да. Одна из привилегий, которую дает богатство Браккеров. Мы можем позволить пригласить психиатра к себе, вместо того чтобы ехать к нему. — Ричард улыбнулся. Улыбка его казалась вполне обворожительной и веселой, но Дженнини не была убеждена в ее искренности. — Если серьезно, то мы думаем, что он недели две или три должен будет поработать здесь. Он один из тех современных психиатров, которые лечат гипнозом. Он заставляет больного вызывать в памяти те события, которые бы тот не

хотел вспоминать. У него не займет много времени исследовать воспоминания ребенка. Особенно если он собирается проводить сеансы каждый день. Кроме того, у Коры твердый характер. Она не хочет снова отсылать Фрейю из дома. Врач вынужден был приехать к нам, иначе никакого психиатра и в помине не было бы. К счастью, Мальмонту удалось убедить доктора Хобарта в том, что случай уникальный и заслуживает такой траты его драгоценного времени. Думаю, что и предложенная нами оплата также сыграла свою роль.

— Ты и в самом деле убежден, что Фрейе действительно нужен психиатр? Ты уверен, что он поможет ей?

Несколько секунд Ричард молча смотрел на нее. По лицу пробежала черная тень. Однако ответил он совершенно уверенно:

— Безусловно, ей помогут. У нее психологические проблемы, Дженн. Какого черта... ты веришь в этот бред о сверхъестественном, который до безумия любит Кора?

— Нет-нет, — поспешила ответила девушка.

В действительности она не знала, во что верит больше: в оборотней и семейные проклятия или в современную психиатрическую медицину.

— Надо полагать, ты прочла кое-какие книжки Коры.

— Да, парочку.

— Моя мачеха замечательная женщина. Но она тяготеет к простым объяснениям. Ее

аргументы постоянно сводятся к оккультизму, духам и призракам. Если ты веришь в сверхъестественное, тогда сложное функционирование всего мира может стать простым. Ты можешь утверждать, что зло — результат козней злых духов. И будешь игнорировать сложную природу порока в самих людях. Когда умер мой отец, она еще сильнее увлеклась подобными вещами. Я пытался разубедить ее. Вера в тысячу различных суеверий пагубно отражается на здоровье.

— Полагаю, что это не так, — возразила девушка.

— Да ничего ты не полагаешь.

Дженни не ответила. Ей показалось, что он пытается втянуть ее в какой-то спор. Она видела, что кузен несколько разгорячен, но не понимала, в чем причина его постоянной готовности к спорам и ссорам. Возможно, такая нервозность и есть более важный признак психической неуравновешенности, чем необъяснимые и длительные приступы Фрейи?

— Уже и близнецы прослышали об этом, — произнес Ричард.

Похоже, что он добавил чуточку бренди в свой кофе.

— Ты знаешь, кто рассказал им?

— Мне бы чертовски хотелось это знать! — Он ударил кулаком по ладони другой руки.

— Они говорят, что им никто не рассказывал. И утверждают, что сами узнали о том, что Фрейя оборотень, что она одержима демоном.

Зачем она задерживает его, задает назойливые вопросы, когда единственное, чего ей хочется, — это держаться подальше от него? Неужели она надеется вынытать что-нибудь? Но что? А что, если он проколется или как-то по-другому поведет себя? Какие она даст объяснения этому? Каким образом все это прольет свет на подслушанный утренний разговор?

— Глупости, — проговорил он. — Это еще раз доказывает, насколько подобные глупости отрицательно влияют на детей. Если Фрейя и в самом деле поверит в такое глупое объяснение причин ее приступов, то работа доктора Хобарта усложняется в десятки раз.

С последними словами он повернулся и вышел из дома через заднюю дверь. Кузен направился к гаражу, где хранился его темнобордовый «корвет». Ричард сильно нажал на педаль акселератора, и через минуту машина буквально вылетела из гаража.

Дженни, растягивая слова, произнесла:

— Мне известно об одном совершенно не суеверном факте, Ричард. Тот разговор по телефону о лекарстве и убийце. Это все реально. Это вовсе не работа моего возбужденного воображения и не букет глупых суеверий Коры. Я в самом деле слышала это. Как же ты сможешь объяснить, Ричард, что все это значит? Что же ты скажешь? А?

Но как бы ей ни хотелось, он никогда в жизни не осмелится заговорить на эту тему.

Глава 7

Доктор Уолтер Хобарт был высокий, смуглый, красивый мужчина. Похожий на тех, которых цыганские гадалки предрекают своим клиенткам. При росте метр восемьдесят его вес не превышал семидесяти килограмм. Несмотря на сидячую работу, он не набрал лишнего веса и сохранил юношескую гибкость и подвижность. Ему было тридцать один или тридцать два года. Возраст, который можно назвать интригующим сочетанием опыта и молодости, и в душе доктор наверняка сохранил страсть к приключениям. Голубые глаза резко контрастировали со смуглой кожей лица и темными волосами. Его речь была четкой, спокойной и убедительной. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки.

Первая встреча Дженини с доктором произошла во время обеда в субботу и произвела на нее глубокое впечатление. Общая атмосфера за столом в тот вечер волшебным образом переменилась и была более приятной, чем это было раньше со времени ее приезда в имение. Возможно, изменения произошли благодаря тому, что Ричард и Кора не спорили больше друг с другом. А может быть, потому, что все почувствовали облегчение из-за того, что наконец были предприняты конкретные меры для лечения ребенка. Даже Кора, которая с недоверием относилась к психиатрам, расслабилась. Теперь-то ее не за что было винить. Но дружелюбие и хорошее настроение не являлись резуль-

татом изменившейся ситуации. Причиной был Уолтер Хобарт, привнесший юмор и хорошее настроение в мрачный особняк. Доктор оказался веселым и остроумным собеседником. Казалось, что у него подобраны анекдоты на все случаи жизни. Развлекая всех, он старался не перехватывать инициативу у остальных. Дженн подумала, что он мог бы стать великолепным гостем вочных телевизионных ток-шоу. Даже в те минуты, когда он говорил не совсем интересные вещи, он все равно приковывал к себе внимание слушателей.

Время от времени мысли Дженн возвращались к нечаянно подслушанному телефонному разговору Ричарда. Речь шла об убийстве и лекарствах. А может быть, все это показалось ей. Трудно судить о важности разговора, если услышала только его половину. И, кроме того, она не могла знать реплики собеседника Ричарда на другом конце провода. А сейчас она сидела за установленным блюдами столом и слушала новую историю из жизни Хобарта в колледже. А ее кузен показался ей тихим, очаровательным юношей, кто поддержал ее в трудную минуту семь лет назад и чью легкую, эффектную фигуру она была рада увидеть на автовокзале.

Поймав себя на том, что думает о Ричарде, она заставила себя прислушаться к Хобарту. Во что бы ни был вовлечен ее кузен, она не позволит ему испортить этот вечер, единственное светлое пятно в ее жизни за столь долгий срок.

Позже, оставшись одна в комнате и перебирая в памяти разговор во время ужина, она отметила, что доктор уделял ей особое внимание. Если он вел себя хорошо по отношению к остальным, то к ней он относился просто великолепно. Его глаза теплели в беседе с Корой и Ричардом, но они с особой силой загорались, когда он обращался к Дженни. Уолтер спокойно отреагировал на красоту тетушки, но красота Дженни привела его в восторг.

А возможно, это просто ее фантазии.

Девушка нахмурилась, рассматривая свои ногти. Ее внимание привлек один заусенец. И теперь оторвать ее от этого занятия не смог бы даже выстрел из пушки.

Она не одобряла тех женщин, кто смотрит на жизнь с ложным оптимизмом. Не стоит притворяться и говорить, что дела твои лучше, чем на самом деле. Женщина должна быть реалисткой. Она считала романтиками тех, кто с улыбкой встречает неприятности. Но если вы всегда живете с ожиданием несчастья, то когда оно вас настигнет, это расстроит не так сильно. И наоборот, если вам хоть чуть-чуть повезет, вы примете это как самое большое счастье.

Итак, что там с доктором Хобартом?

Любая женщина может попасть под обаяние этого джентльмена. Мужчина, в котором великолепно сочетаются образованность, ум и красота. Тетушка Кора, должно быть, подумала, что и ей Хобарт уделил особое внимание.

И даже Анна, без сомнения, вздохнет у себя на кухне, вспомнив его взгляд. Осознавал это Хобарт или нет, но ни одна из женщин не думала о нем плохо.

Тем не менее особое внимание он уделял Дженнин. Вот почему ей следует лучше заботиться о ногтях и о манере одеваться.

Девушка засмеялась, сбрасывая странное оцепенение, охватившее ее. До тех пор пока доктор Хобарт останется в поместье «Браккер», все женщины будут ухоженными и красивыми.

Целых полчаса она потратила на маникюр.

После Дженнин раз сто провела щеткой по волосам. Эта привычка появилась у нее совсем недавно.

Ночью она впервые хорошо спала.

Ей не снились кошмары.

В воскресенье она трижды сталкивалась с Хобартом. Всякий раз она чувствовала, что здравый смысл покидает ее. Какая-то теплота разливалась по ее телу при разговоре с доктором. Необъяснимая взвалмошность переполняла Дженнин, что совершенно было на нее не похоже.

Первая встреча произошла утром на кухне. Он сидел за большим рабочим столом, заставленным едой. Перед ним стояла тарелка с яичницей из трех яиц с беконом, три куска хлеба с маслом, справа стояла кружка с дымящимся кофе. Слева блюдо с печеньем и прямо перед ним тарелка оладий.

— Итак, вы в руках Анны! — засмеялась Дженни.

Доктор улыбнулся, показывая ямочки на щеках:

— К счастью, нет необходимости лгать. Все превосходно!

— А ты садись рядом, Дженни, — предложила Анна. — Я никогда не могу заставить тебя позавтракать как следует. Но это не значит, что я отчаялась.

Дженни села по левую руку от Хобарта. Старушка поспешила к холодильнику и пли-те. Ее мысли были поглощены очередным кулинарным шедевром. Кухарка мурлыкала какую-то популярную песенку, готовая скормить им как можно больше оладий и яиц, довольная признанием ее способностей.

— Вы сегодня приступите к осмотру Фрейи? — поинтересовалась Дженни.

— Да, в час дня. Вчера перед ужином я беседовал с ней и Фрэнком. Накормил и рассказал ей сказку перед сном. Похоже, мы поладили.

— Я так и думала.

Она была уверена, что он сможет поладить с любым ребенком. К тому же Фрейя принадлежит к женской половине человечества. А Хобарт — один из тех, кто умеет очаровать любую девушки или женщину.

— Да? — хмыкнул он.

Дженни вспыхнула и почувствовала себя глупышкой.

— Вы вчера так весело нас развлекали. Воображаю: если вы в таком же духе рассказы-

вали им сказку, как и нам — анекдоты за обедом, то детишки были в восторге.

— Неужели я так много болтал? — спросил он, поддев вилкой кусочек яичницы.

— Нет-нет, что вы! Вчера был самый прекрасный обед с тех пор, как я здесь.

К тому времени как завтрак Дженнин был готов, Хобарт разделся со своим. Он налил еще кофе, и, пока девушка ела, доктор развлекал ее своими разговорами. Всего лишь учтивость, но весьма приятная.

Или это нечто большее, чем учтивость? Может быть, он уделяет Дженнин особое внимание?

«Предположи отрицательный вариант, — приказала она себе. — Не хватало еще, чтобы и с этой стороны тебе причинили боль».

Позже она встретилась с ним в полдень. После того как он провел первый сеанс с Фрейей. Дженнин сидела под деревом в рощице, которая была сразу за домом, и наблюдала за прыгающими с дерева на дерево белками. Хобарт так тихо подошел к ней, что она испугалась.

— Как дела? — поинтересовалась Дженнин.

— Она как натянутая струна. Скрытная маленькая девочка. Думаю, что вы поступили мудро, пригласив профессионала, прежде чем ухудшилось ее состояние.

— Кора считает, что любовь и внимание помогут малышке.

Хобарт нахмурился и покачал головой:

— Дело обстоит гораздо хуже. Ее страхи, неврозы зашли слишком далеко. Я провел с ней полуторачасовой сеанс гипноза. Конечно,

это был всего лишь пробный сеанс. Но к сожалению, я не смог отыскать ни малейшей щелочки в ее броне. Девочка почти уверена, что проклятие действует.

— Что вы хотите этим сказать? — переспросила Дженнни. В душе она точно знала, что он имел в виду.

— Даже под гипнозом она упорно повторяет одну и ту же байку об оборотне.

Дженнни повернула голову и, прямо смотря в его глаза, спросила:

— Неужели это так необычно... придерживаться своей точки зрения даже под гипнозом?

— Пожалуй. Естественно, я не рассчитывал на скорейшее излечение. Но по крайней мере, я надеялся увидеть простое заблуждение, а не полную уверенность в своих сверхъестественных способностях. Как она говорит, в определенные ночи она покидает свое тело и рыщет по округе, как волк.

Несколько минут они молчали.

Белки прыгали по деревьям, играя в салочки. Начало лета — единственное время отдыха, когда им не надо делать запасы на зиму.

Наконец Дженнни прервала молчание:

— Вы слышали про то, что по имению бродит волк?

— Так, кое-что.

— А про лошадь? Про Холликросс?

— Краем уха. Полагаю, что это был гризли. Это ведь вы обнаружили ее?

— Да.

Дрожь прошла по телу Джени при упоминании об этом. Вкратце она рассказала ему обо всем, опустив в рассказе подробное описание трупа лошади.

- Довольно интересно, — заметил Хобарт.
- Вы не думаете, что...
- Что?
- Нет ли здесь связи?

Рядом на дереве запела птица. Издавая горьевые звуки, она призывала своего друга.

— Между волком и манией Фрейи? — Он улыбнулся. — Не вижу здесь прямой связи. Обычное совпадение. Но поскольку в голове ребенка проросли семена этого глупого суеверия, присутствие настоящего волка, бродящего по имению, может только усилить эту веру. И это самое жуткое совпадение.

— Ричард утверждает, что сам волк не смог бы открыть дверь к Холликросс. — Джени совершенно непроизвольно упомянула имя кузена. Она не знала мнения Хобарта о молодом человеке. И ей бы не хотелось, чтобы доктор думал, что она одобряет импульсивные действия Ричарда.

— В таком случае дверь не была заперта как следует, — возразил доктор, передернув плечами.

Девушка прикусила губу, опустила взор, уставившись в землю, покрытую коричневыми хвойными иглами.

Доктор фыркнул:

— Я слышал, вы были последней, кто ездил на лошади до ее гибели?

Хобарт помолчал. Дженни нехотя кивнула.

— Ну, в таком случае, — усмехнулся он, — дверь, должно быть, была закрыта тщательно! Другого от вас я не мог бы и ожидать! Даже если бы речь шла о волке, у которого есть руки.

Она засмеялась:

— В самом деле не так уж это и смешно. Если бы я действительно была виновата в ее гибели. И Холликросс погибла, потому что я...

Теплой сухой рукой он погладил Дженни по плечу. Его юмор сменился братской симпатией.

— Вы слишком переживаете, Дженни. Холликросс не вернуть. Есть ли в этом ваша вина? Едва ли... Ну, может, самая малость. Даже если бы вы и были виновны, самобичевание не приводит ни к чему хорошему. Вы произвели на меня впечатление человека, который все делает очень продуманно и редко совершает ошибки. Но мы все небезгрешны, и нам всем предстоит отвечать за свои грехи.

— Вы не имеете права на ошибку, — поспешило возразила Дженни. — Если вы допустите ошибку и не будете внимательны, это проникнет к вам, откуда вы совсем его не ждете.

Дженни взглянула в его холодные голубые глаза.

Хобарт спокойно встретил ее взгляд и спросил:

— Что проникнет, Дженни?

— Я не знаю. Все, что угодно. Смерть, возможно.

— Но мы не можем идти по жизни как кошки, выгнув спину дугой и принюхиваясь к возможной опасности.

Голос доктора был глубокий, мягкий и почти гипнотический.

— А я вынуждена так жить! — воскликнула Дженни. — Мама, папа, бабушка не смогли уследить за этим. А я должна!

Она моргнула, смахивая слезу. И отвела взор от его глубоких, блестящих глаз.

— Ну и?.. — выдохнул доктор, вынуждая ее продолжить разговор.

— Наша беседа напоминает мне разговор психиатра и пациента.

— Неужели?

Она взглянула в его глаза и улыбнулась:

— Вы прекрасно знаете это. И вы здесь не для того, чтобы выслушивать болтовню легкомысленной девчонки.

— Угу. Но вы далеко не легкомысленны.

— Все равно. Давайте прекратим этот разговор.

— Отлично.

Хобарт был хорошим психиатром. Он знал, когда нужно остановиться.

Белки вновь привлекли к себе их внимание. Внезапно в глубине леса раздался низкий, животный рев. Дженни не поняла, был ли это вой волка или нет. Кому бы это ни принадлежало, прозвучал он громко и угрожающе.

Доктор выглядел удивленным и слегка напуганным.

— Может быть, нам лучше вернуться в дом, — предложила Дженнни.

Он быстро взял себя в руки:

— Не вижу необходимости в этом. Если где-то и бродит волк, то он не решится выйти сюда днем. Как и любое животное, волк немного труслив. Он нападает только тогда, когда уверен в победе. Если он давно обитает в этих местах, то уже хорошо изучил людей и знает, что их тяжело победить.

— Все равно я хочу пойти домой. Я хочу отдохнуть перед обедом и не желаю пропустить новости.

— Вы не против, если я останусь здесь?

— Нет, — ответила Дженнни. — Наслаждайтесь природой. Лес такой прекрасный, а белки ужасно забавные.

Она поднялась, стряхнула с джинсов прилипшие хвойные иглы. В этот момент она заметила Ричарда Браккера на открытой веранде. Он пристально смотрел на лужайку, где сидели Дженнни и доктор. Поняв, что она увидала его, кузен поспешно ушел с веранды и скрылся за массивными дверями. Это могло означать, что он либо разозлился, либо очень спешит.

Подойдя к входной двери, она не обнаружила Ричарда поблизости.

Девушка повернулась и посмотрела в сторону, где остался сидеть Уолтер Хобарт. Доктор был на том же месте и внимательно вглядывался в лес. Он склонил голову, как бы прислушиваясь к чему-то. Дженнни пока-

залось, что он не наблюдает за белками, а вглядывается в глубину леса, пытаясь разглядеть нечто скрытое в густой листве.

За ужином доктор подробно доложил им о своем первом сеансе с малышкой. Дженнни обнаружила, что ей интересно слушать о методах, которые он планирует применить при лечении Фрейи. Мысли Хобарта о человеческой психике, о том, что заставляет людей быть такими, какие они есть, очень успокаивали Дженнни. После того как он дал свои разъяснения о поведении человека, она стала лучше понимать людей. Действия человека стали казаться гораздо менее загадочными и более благоразумными, чем это было раньше.

Ей так хотелось, чтобы Уолтер объяснил ей суть поступков Ричарда. На протяжении всего ужина кузен сидел мрачный, погруженный в свои мысли. И только шутки доктора отвлекали его. Часто Дженнни ловила на себе взгляд Ричарда. Молодой человек следил за ней со странным и загадочным выражением лица.

«Интересно, что у него на уме?» — подумала она.

Без четверти десять Хобарт извинился и откланялся, сославшись на то, что ему необходимо записать на магнитофон размышления о первом сеансе, чтобы не растерять первые впечатления и использовать их в дальнейшем. Вслед за ним ушла и Кора. Она направилась на кухню переговорить с Анной и отдать необходимые распоряжения. Дженнни и Ричард остались одни.

Почти сразу кузен начал разговор, как будто он весь вечер только и ждал возможности остаться с ней наедине.

— Ты слышала вой волка в обед, когда вы были в лесу? — поинтересовался он.

Девушка поняла, что это не то, о чем он в самом деле хотел спросить. Он задал этот вопрос с тем, чтобы прервать молчание.

— Я не уверена, был ли это волк. — Дженнни пыталась придать голосу более дружелюбный тон, но это удавалось с трудом. Она надеялась, что двоюродный брат не заметит ее смущения.

— Завтра приезжает Ли Саймингтон — тот ветеринар, которому я отвез труп Холликросс.

Девушка понимала, что кузен пытается втянуть ее в разговор.

— Зачем? — удивилась Дженнни. — Чего еще ему здесь надо?

— Я не знаю. Но любая вещь может помочь делу. Возможно, он даст ключ к разгадке того, что это еще за волк такой, какой разновидности.

— Ну а какая польза от уточнения разновидности волка?

Ричард нахмурился:

— О, это может существенно помочь. Пока я не могу сказать, что я имею в виду. Я только... только хочу, чтобы ты знала о приезде Ли. Только ты, и никто больше. Даже Кора. Если это возможно, я хочу, чтобы все оставалось так, как есть.

— Зачем же меня посвящать в это? — удивилась Дженнни.

Все настолько неожиданно. Маленькая деталь, но она насторожила ее.

— Тебе нравится Хобарт? — поинтересовался Ричард.

— Да. Он очень мил. Особенно когда рассказывает свои истории.

— Надеюсь, он поможет Фрейе, — проговорил кузен. Но в его голосе было больше печали, чем надежды.

— Он надеется пробить ее «броню», — согласилась Дженини.

С кухни доносился звон посуды. Наверху открыли кран, и шум воды, протекающей по трубам, гулом разносился по всему дому.

— Послушай, Дженини... — продолжил Ричард, с видом заговорщика он наклонился к ней.

В этот момент вернулась Кора и прервала его.

Сразу после этого Дженини извинилась и поднялась к себе. У нее вошло в привычку перебирать в памяти все события дня, подытоживая плюсы и минусы.

Больше всего плюсов было связано с именем доктора. Она все больше и больше проникалась уважением к этому человеку. Никогда в жизни ни один человек не привлекал ее так сильно. Так приятно находиться с ним в одной комнате, слушать его рассуждения и объяснения.

Объяснения...

Да, именно это нравилось в нем больше всего. Он мог легко и кратко дать объяснение

ния мотивации человеческих поступков. Он был так уверен в своем видении мира и в своем отношении к остальной части общества, что казался девушке непоколебимой скалой. В его присутствии Дженини ощущала себя защищенной, чего она не испытывала ранее. Интуитивно ей казалось, что пока она рядом с ним, то никакая беда не страшна.

Девушка не могла бы простыми словами объяснить, что происходит с ней. Мысли роились у нее в голове и не поддавались описанию. Она только испытывала неопределенное и успокаивающее воздействие.

А какие чувства, интересно, она вызывает у Хобарта?

Она была почти уверена, что в его внимании к ней проявляется какая-то особая нежность. Он ждал, пока Дженини закончит свой завтрак. Он пришел, присел рядом на лужайке и стал наблюдать за белками. Естественно, в этом что-то есть.

Но не стоит надеяться. Она ничего не хочет. Потому что когда чего-то очень хочешь и надеешься на что-то, то никогда не получаешь желаемого.

Когда она уже собралась спать, кто-то тихо постучал в дверь. Потом еще раз. После третьего раза стало ясно, что это не Кора, поскольку тетушка после второго стука сразу входила.

Накинув халат на ночную рубашку, Дженини приоткрыла дверь и увидела Уолтера Хобарта. Он курил трубку; и у табака был при-

ятный вишневый аромат, а не тот отвратительный запах, что присущ большинству сигарет.

— Я не разбудил вас? — участливо поинтересовался он.

— Нет. Вовсе нет.

— Я заметил ваш интерес к психологическим приемам, и у меня возникла идея пригласить вас завтра на сеанс с Фрейей.

— Правда? — удивилась Дженнни. Предложение взволновало ее. Частично это доказывало, что доктор ей доверяет.

— Правда, — улыбаясь, ответил он.

— А это не повредит Фрейе... если кто-то еще будет присутствовать?

— Вовсе нет. Большую часть сеанса она будет под гипнозом.

— Ну, если вы уверены...

— Абсолютно. Завтра в час дня в библиотеке. Я считаю, что это место больше располагает к сеансу, чем спальня. Там меньше ассоциаций, связанных с болезнью. И она меньше пугает ребенка.

— В час дня. Хорошо, я буду.

— Прекрасно. Приятных сновидений, Дженнни.

Доктор повернулся и пошел по коридору в свою комнату.

Она закрыла дверь, не запирая ее на крючок, что было против ее правил. У нее было состояние, как будто бы она выпила немногого гарольдовского бренди. Еще один плюс за сегодняшний день. Конкретный знак того, что Уолтер проявляет к ней несколько больший

интерес, чем обычно позволяют хорошие манеры.

Она села на кровать, спать и вовсе расхотелось. Ей есть над чем поразмыслить. Настало время проанализировать ее чувства к молодому психиатру.

Она много слышала и читала про любовь. Для всех это была любимая тема для обсуждения. Рассказы о великой любви становились бестселлерами. Песни о любви были всегда в десятке самых популярных. Но до этого девушка никогда не ощущала что-либо подобное тому, о чем все поют или пишут.

Да, конечно, Дженин любила отца, мать, бабушку. В меньшей степени она любит Кору и Ричарда. Но это совершенно другая любовь. Не потому, что ее меньше, а просто это другая любовь.

Затем острой болью отзывались в ней все те любовные истории с печальным концом, что она сумела припомнить. В них все заканчивалось смертью. И то, что это была любовь другого рода, вовсе не значит, что она закончится как-то иначе.

Дженин отказалась от удовольствия погрузиться в дальнейшие романтические размышления.

Она закончила приготовления ко сну, немного посидела, остужая свой пыл. Она думала о том, что возьмет да и случится, разбив вдребезги ее мечты. Пессимизм был ее второй натурой, и Дженин этого не отрицала. Сейчас не время меняться.

Все равно приглашение на этот сеанс — уже плюс.

Этого нельзя отрицать.

Прежде чем выключить свет, Дженні решила задвинуть шторы на окнах. Утром Гарольд всегда раздвигал их и завязывал золотистым шнуром. Она подумала, что слугу нужно предупредить, чтобы не делал этого.

Как только была опущена первая половина бархатных портьер, Дженні похолодела. Ее сердце бешено забилось в груди, ладони стали холодными и влажными от страха. Там на газоне в этот поздний час она заметила мужчину, крадущегося вдоль забора в направлении конюшен. Он старался двигаться как можно незаметнее.

Девушка замерла за портьерой, продолжая наблюдать за ним.

Мужчина двигался по направлению от дома, а не к нему. Он шел не скрываясь в тени и старался как можно быстрее пересечь освещенные участки. Прямо перед ним находилось достаточно широкое, освещенное фонarem пространство. Приблизившись к месту, незнакомец быстро перебежал эту площадку, втянув голову в плечи.

Это был Ричард.

Она наблюдала за ним, пока он не дошел до конюшен и не скрылся в их тени. Дженні еще пятнадцать минут постояла у окна, надеясь, что увидит, как он возвращается назад. Возможно, он даст ключ к разгадке своего столь странного поведения. Но кузен не возвращался.

Почему он шел крадучись? Конюшни принадлежат ему. И естественно, если бы захотел, он бы не скрываясь прошел туда.

Она подождала еще двадцать минут.

Но он все еще не появлялся.

Наконец она задвинула шторы, выключила свет и забралась в постель. Еще один минус за сегодняшний день.

Как бы ей хотелось, чтобы Уолтер тоже видел это.

Он наверняка сумел бы объяснить ей все так, чтобы это было обычным и непугающим.

Первая половина ночи прошла без завываний волка. И это тоже хорошо. Вторую часть ночи Дженнинг проспала.

Глава 8

Утром, когда Дженнинг вновь завтракала в обществе Уолтера Хобарта, в кухню вошел Ричард. Он выглядел взволнованным и нервно поигрывал ключами от машины. Хобарт прервал свое долгое и интересное повествование о работе в качестве армейского психолога в Северной Каролине и поздоровался с молодым Браккером.

Ричард предельно кратко ответил на приветствие, словно не имел особого желания соблюдать приличия. Нельзя сказать, что он сознательно хотел проявить грубость. Но ему стоила большого труда концентрация на таких мелочах, как соблюдение этикета.

Кузен обратился к Дженнингс:

— Я бы хотел, чтобы ты сделала мне одолжение.

Он тщательно подбирал слова. Видно было, что он не хотел начинать этот разговор в присутствии Анны и Хобарта. Хотя ни та ни другой и не собирались слушать их.

— В чем дело?

Не та ли это тайна, которую он хотел поведать ей вчера вечером, когда Кора, вернувшись из кухни, прервала их?

— Мой друг приезжает сегодня в одиннадцать.

Дженнингс непонимающе взглянула на кузена.

— Тот, о ком я говорил вчера.

Дженнингс вспомнила разговор о приезде ветеринара и кивнула.

Ричард нервно усмехнулся:

— Вполне возможно, что он будет заниматься своими делами, не требуя помощи. Но если у него возникнет такая необходимость, я сказал ему, чтобы он обращался к тебе. Ты не против?

— А чем я могу ему помочь? — озадаченно спросила Дженнингс.

Поигрывая ключами от автомобиля, Ричард повторил:

— Как я уже говорил, возможно, ему не потребуется никакая помощь, но если понадобится, тебе следует помочь ему. Я бы и сам это сделал, но мне придется уехать в город. Я приглашен на ленч к одному банкиру. Сегодня одно из очередных заседаний инвестиционного совета. Ну что, поможешь?

Дженни никак не могла взять в толк, в чем же важность прибытия ветеринара. Но все же согласилась:

— Да. Думаю, смогу.

— Большое спасибо, Дженни. — Он кивнул Хобарту, закончившему свой завтрак. — Извините за беспокойство, доктор.

— Ничего страшного, — бросил Уолтер в след уходящему молодому человеку.

Дженни сделала несколько глотков кофе, приводя в порядок свои нервы. Кажется, Ричард способен разрушить прекрасное настроение и вывести ее из себя.

— Странный молодой человек, — заключил Хобарт.

Девушка кивнула. Ей не хотелось осуждать собственного кузена. И не важно, до какой степени ее мнениеозвучно мыслям Хобарта.

Уолтер фыркнул:

— Его друг, наверное, какой-нибудь рыцарь плаща и кинжала, что-то вроде агента ФБР.

Дженни рассмеялась. В какой-то степени поведение Ричарда было комичным, глупым и мелодраматичным. Она ответила:

— Всего-навсего ветеринар.

— Да?

Она вспомнила, что кузен просил держать приезд ветеринара в секрете. Возможно, ей следовало держать рот на замке в беседе с Хобартом. Хотя какой вред от того, что она поддержала шутку? Она поведала ему о попытке Ричарда еще раз осмотреть конюшню

в поисках ответа на вопрос о волке, который напал на лошадь.

— Мне бы хотелось забыть об ужасном зре лище, — поежившись, произнесла Анна. — Каждый раз, как вспомню разодранное горло лошади... — Она не закончила.

— Последние события расстроили Ричарда, — перебил кухарку доктор. — Впрочем, это легко понять. Думаю, он, наверное, искренне заботится о близнецах. Но может быть, и ревнует.

— Ревнует? — переспросила Анна.

— Потеряв мать в раннем возрасте, Ричард перенес всю свою любовь на Кору. Теперь, когда в доме появились дети, а отец его умер, бедняга мог почувствовать, что его место в том, что касается любви, узурпировано.

— Совершенно не похоже на Ричарда, — возразила Анна, защищая Ричарда как собственного сына.

Дженни же не была в этом столь уверена. Она находила большую долю истины в словах Хобарта.

— О! Вы не поняли меня, — неожиданно примирительно проговорил доктор. — Я не думаю, что Ричард сознательно ревнует близнецов. Речь идет о подсознательном уровне. И это ни в коей мере не портит его, Анна. В подобной ситуации такие чувства могут возникнуть у любого. Просто у Ричарда сейчас очень сложный период.

На этот раз казалось, что доктор сочувствует Ричарду. И Анна согласилась.

В час дня Дженни робко постучала в дверь библиотеки, где ее уже ждали Фрейя и Уолтер Хобарт. Ли Саймингтон — тот самый ветеринар — не зашел в дом. Даже если он и был на конюшне, то прибыл туда очень скрытно. Дженни совсем позабыла о нем и о кузене. Теперь она настроилась на будущие впечатления от сеанса и решила понаблюдать, как Уолтер собирается использовать психологические чары на Фрейе.

— О! Вы как раз вовремя. Впрочем, иного я от вас и не ожидал.

— Вы и меня изучаете доктор?

Он улыбнулся:

— Извините, если это так. Это профессиональная привычка. Мы анализируем поведение каждого, с кем знакомы: друзья, родственники, случайные люди. И пожалуйста, зовите меня просто Уолт.

Дженни показалось, что она покраснела. Но она очень старалась выглядеть невозмутимой и сдержанной. Однако просьба доктора называть его просто по имени взволновала Дженни. Еще один плюс в пользу доктора.

— Входите, — предложил Уолтер. Он проводил ее в библиотеку и закрыл за ней дверь. — Присаживайтесь на кушетку.

— Привет, Фрейя.

— Привет, — ответил девочка. Она лежала на черной кожаной кушетке, стараясь не показывать, что ей страшно. Но поза Фрейи была напряженной и неестественной, что выдавало ее скрытую боязнь.

Уолтер присел на стул рядом с кушеткой и заговорил с Фрейей. Он говорил в основном о незначительных вещах. Он задавал вопросы о ее любимой телепередаче, о музыке, в какие игры она любит играть, что любит из еды. Когда девочка созналась, что любит спагетти, доктор тут же рассказал ей смешную историю о первом опыте приготовления этого итальянского блюда. Он, оказывается, тогда и вообразить не мог, что спагетти в ходе приготовления способно увеличиваться в объеме. В результате он приготовил столько, что хватило бы накормить шестнадцать человек. К концу рассказа Фрейя уже смеялась и выглядела спокойной.

— Ну а теперь, — проговорил доктор, вытаскивая несколько странных предметов из своей сумки, — давай поиграем в ту же игру, что мы играли вчера.

— Хорошо, — согласилась девочка.

Дженни увидела, что доктор держит в руках толстый квадратный кусок картона. На одной его стороне был изображен особый, притягивающий взгляды геометрический рисунок. Глаза Дженни сошлись в одной точке, едва она взглянула на рисунок. На другой стороне картона была приделана ручка, за которую доктор мог держать картон и манипулировать им.

Беседуя с Фрейей, он медленно двигал квадрат, то приближая его к лицу ребенка, то отводя его обратно. Казалось, что геометрическое изображение завертелось все быстрее и быстрее, как только доктор стал двигать пред-

мет с большей скоростью. Черные и зеленые линии закрутились вокруг друг друга, они перехлестывались и вихрились, уводя взгляд все глубже и глубже в чернильное марево...

Дженни почувствовала, что засыпает. Движения картона загипнотизировали и ее!

Девушка отвела взор от предмета, тряхнула головой и пришла в себя.

Уолтер говорил ровным, спокойным и глубоким голосом, вводя девочку в транс.

Наконец психиатр прекратил вращать картонку и замолчал. В комнате повисла внезапная тишина. Доктор спрятал картон в сумку, взглянул на Джени и улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ. Он еще раз посмотрел на Фрейю и мягким, спокойным голосом спросил:

- Ты спишь, Фрейя?
- Да.
- Ты счастлива?
- Да.
- Ты ничего не слышишь, кроме моего голоса. Правда?
- Да.
- Скоро я захочу, чтобы ты смогла уснуть, когда я тебя попрошу об этом. Ты уверена, что сделаешь это?
- Я попробую.
- Естественно, ты уснешь. Ты ведь хорошая девочка, да?
- Нет.

Дженни это напугало. Но Уолтер не обратил на это внимания. Он словно ждал подобного ответа.

— Ты плохая девочка?

— Да.

— Мне трудно поверить в это.

Фрейя ничего не ответила.

— Ты можешь объяснить мне, почему ты плохая?

— Я ребенок-демон.

— Неужели?

— Да.

— Ты доверяешь мне, Фрейя?

Девчушка заерзала на кушетке, словно хотела проснуться.

— Да.

— Если я смогу доказать тебе, что ты не оборотень, ты поверишь моим доводам?

Долгая пауза.

В коридоре у двери в библиотеку послышались шаги.

Наконец девочка произнесла:

— Да.

— Помнишь, когда волк убил Холликросс?

Ты помнишь, когда это случилось?

— В пятницу ночью.

— Очень хорошо. Что ты делала?

— Я была в коме. — Голос девочки больше походил на голос взрослой женщины, чем на голосок семилетнего ребенка. — Я вышла, пока была в коме... И я убила Холликросс.

— Нет, — ответил Уолтер. — И я докажу тебе, что ты ошибаешься.

Он говорил не спеша, с дружеской теплотой.

— Ты не можешь доказать мне это. Потому что это правда, — сдержанно-сухо, слов-

но констатируя непреложный факт, ответила Фрейя.

От тона, которым говорила девочка, у Дженинги пробежал мороз по коже.

— Подожди. Я докажу тебе, что ты не права. — Доктор, собираясь с мыслями, помолчал. И затем спросил: — Какой сегодня день недели?

— Понедельник.

— Давай-ка вернемся назад. Растворимся во времени. Видишь, сейчас утро, ты только что проснулась. Какого цвета на тебе пижама?

— Желтая, с голубыми пуговицами.

— Ты зеваешь и потягиваешься, — проговорил, зевая, Уолтер. — Ты трешь глаза, встаешь с постели. Ты смотришь на часы. Какое время они показывают?

Сонным голосом, как будто она и в самом деле только проснулась, девочка ответила:

— Без десяти девять.

Хобарт мягко продолжал:

— Ты припоминаешь, в какое время ты легла спать в воскресенье, да? Ты действительно очень устала, правда? В какое время ты легла в воскресенье?

— Тетушка Кора уложила нас в восемь пятьдесят.

— Какое одеяло?

— Текущее. Хотя середина немного колючая. Оно шерстяное. Мне оно не нравится.

— Ты болтаешь с Фрэнком в темноте, да?

— Да.

— Что ты ему говоришь?

Вот так, с легкостью, доктор вернул ее в прошлую ночь. С большой осторожностью он заставил ее вернуться к пятничному вечеру. К тому моменту, когда она прошла по ступеням наверх.

- На что она похожа? — спросил Хобарт.
- Темная.
- Ты спала?
- Да. Ждала.

Уолтер нахмурился:

- Ждала кого?
- Чтобы тот дух застыл во мне.
- Какой еще дух?
- Демон.
- Нет никакого демона, — мягко настаивал доктор.
- Демон-волк.

Хобарт взглянул на Дженнини, покачал головой. Казалось, он вообще не ожидал ничего подобного. Левой рукой он потер нос, о чем-то размышляя. Через несколько секунд он задал очередной вопрос:

- Ничего подобного не было. Тебе все приснилось. Ты спала. Там ничего не было, только темнота, правда же? Не ври мне, Фрейя. Не было никакого духа-волка, правда?

— Был.

Доктор снова помолчал, собираясь с мыслями. И решил поддержать игру ребенка, чтобы посмотреть, насколько она доверяет ему:

- Расскажи-ка мне о том духе-волке, Фрейя? На что он был похож?

— Он был внутри меня. Он целиком помещался во мне. Но когда я спала, он вылетал. Точнее, медленно выползал из меня. Вы бы его не увидели, если бы были там. Он выходил из дому и какая-то часть меня уходила с ним.

— Куда вы отправлялись?

— В лес. В лес, в темноту. Он отращивал себе шкуру, морду и лапы, чтобы бегать.

— Отращивал? Как это? Откуда?

— Из тумана, — ответила Фрейя. Голос девочки звучал слабо, отрешенно, словно шел из каких-то глубин внутри нее.

— Но это же глупости, правда? — Доктор усмехнулся, создавая желаемое настроение.

Дженни подумала, что Уолт просто великолепен. Он способен совладать с чем угодно — каким бы ужасным и необъяснимым оно ни было. Вот бы сесть к нему поближе. Тогда бы не было так зябко и так жутко.

— Это не глупости, — возразила Фрейя.

— Но как же он мог создавать себе плоть и кровь из тумана?

— Он же демон, — отзвалась девочка.

Казалось, она совершенно уверена в себе. Глаза ребенка были закрыты, но под тонкой кожей век было видно, как подергивается глазное яблоко.

— Что же он сейчас делает?

— Бегает по лесу. Ему нравится бегать и быть свободным. Он унюхивает кроликов и белок и идет по следу. Найдет какую-нибудь нору да и выгонит оттуда кролика. Вот он

преследует кролика между деревьями, ветки деревьев хлещут его по бокам. Он прекрасно чувствует себя. Он загоняет кролика в угол. Глазки у кролика алые-алые. Глаза волка тоже горят алым пламенем. Он прыгает на кролика, подминает его под себя, слушает его визг. Разрывает кролика на части. Кровь такая вкусная.

Свет в комнате был слабый. Тени подползали все ближе, словно укутывая сидящих черными мантиями.

- Посмотри на волка, — приказал Уолтер.
- Он ест кролика, — ответила Фрейя.
- Нет. Он снова превращается в туман.

Он вновь превращается в дымку, правда?

Дженни понимала, что он желает разбить галлюцинации ребенка. Но девочка стойко стояла на своем.

— Нет, — заявила Фрейя. — Он *вовсе* не превращается в дымку. У него черная шерсть. А с белых зубов капает кровь. Много крови. Ему нравится вкус крови и хочется ее побольше.

- Он тает, исчезает, — настаивает Уолтер.
- Нет.

— Он не хочет больше убивать никого. Он очень устал от погони и охоты. Он старый, уставший волк. Он хочет где-нибудь свернуться калачиком и поспать.

— Нет. Он жаждет крови. Он хочет убить Холликросс. И выходит из леса. Он перебегает по газону, вниз по дороге к живой изгороди. Он бежит очень быстро.

Хобарт предпринял новую попытку вывес-ти девочку из ее фантазий. Но она опередила его и заговорила. Теперь ее голос звучал гром-че, слова быстрее слетали с губ, иногда каза-лось, что они идут сплошным потоком. Это больше походило на истерику.

— Волк у конюшни. Он обнюхивает дверь. Ищет Холликросс. Он ищет только ее. Он знает, что на лошади завтра будут ездить. Дженнни найдет лошадь, и все узнают, что волк на свободе. Он хочет, чтобы все узнали о нем. Он хочет этого так сильно, как и ра-зодрать горло лошади.

— Волк не может знать, что Дженнни каж-дое утро ездит на Холликросс, — возразил Хобарт.

Фрейя продолжала, как будто бы ее и не перебивали. Тоненькие ручки девочки сжима-лись в кулачки. Грудь поднималась и опуска-лась, ребенок часто и глубоко дышал.

— Волк стоит на задних лапах перед две-рью в стойло Холликросс. Лапами отодвига-ет щеколду. Потому что у оборотней появля-ются пальцы, когда они захотят. Он входит в стойло... Видит Холликросс. Лошадь тихо ржет. Она напугана! У нее широко раскры-ты глаза. Губы оттопырены. Ей нужна по-мощь! Но ей неоткуда получить ее. Волк знает об этом. Он прыгает ей на спину и впи-вается зубами в шею. Кровь. Ему нравится кровь. Он рвет Холликросс на части. Валит ее на пол. Она бьет его копытами! Он отска-кивает!

— Достаточно, — сказал Уолтер.

Дженни поддержала его в этом.

Но Фрейя продолжает, теперь ее голос звучит устрашающе:

— Сердце Холликросс разрывается. Изо рта бежит кровь. Она умерла от страха! Волк продолжает рвать ее. Он рычит. Зубами и клыками рвет плоть лошади. Ему нужна кровь!

Девочка теперь уже сама выла, шипела, рычала, почти как волк. На губах выступила пена. Хорошо ухоженными ногтями девочка впивалась в кожаную поверхность кушетки.

— Фрейя! Проснись! — приказал Уолт.

Она продолжала рычать:

— Волк жует бедро Холликросс. Он терзает ее ногу, пробует мясо.

— Достаточно! — резко прервал ее Хобарт. И более сдержаным тоном спросил: — Ты знаешь, кто это, Фрейя? Это доктор Хобарт. Я приказываю тебе проснуться. Ты сейчас осторожно, медленно откроешь глаза. Осторожно и медленно...

— Волк воет! Кровь на его морде, на шее, стекает с губ, с носа...

— Фрейя, проснись!

— Теперь он хочет напасть на человека. Ему надоели кролики. Кровь человека другая. Вкус другой. Запах лучше и чище. И она приятнее...

— ФРЕЙЯ! ПРОСНИСЬ! — приказал Уолтер.

Девочка очнулась и села на кушетке. Ее глаза были широко открыты. Она хотела что-

то сказать, но не могла преодолеть неожиданное онемение.

— Ты проснулась? — поинтересовался Хобарт. Он взял ее маленькую ручку в свою большую и сухую ладонь.

Она не ответила.

— Ты проснулась, Фрейя? — повторил он.

Девочка кивнула. Затем она вдруг разразилась рыданиями. Слезы катились из ее прекрасных глаз и текли по покрытым веснушками щекам.

— Я... я бо-боюсь...

Уолт обнял девочку, посадил ее к себе на колени и стал покачивать, убаюкивая. Он вел себя так, словно это его собственная дочь. Он что-то шептал ей на ушко, пытаясь успокоить девчушку и избавить от переполнявших ее ужасов. Держа дрожащее тельце у груди, он взглянул на Дженни:

— Может быть, вам лучше уйти?

Дженни встала, кивнула ему и вышла. В коридоре между ней и этой маленькой девочкой захлопнулась дверь. Дженни чуть не упала. Ее ноги дрожали; колени подгибались. Она оперлась о стену, собираясь с силами.

Где-то там, вдали, рыдала Фрейя.

«*Беги, Дженни! Беги, беги...*»

«Держи себя в руках, — подумала девушка. — Не дай панике овладеть тобой. Не поддавайся искушению прекратить рациональное осмысление этих иррациональных событий. Начнешь паниковать — и тогда с тобой все кончено. Поддашься панике — на-

делаешь ошибок. А так и до беды рукой подать».

Но голоса умерших родных все продолжали настойчиво твердить: «*Беги, беги, беги прочь отсюда...*»

Глава 9

Дженни лежала на кровати в своей комнате, уставившись в потолок. Тиканье старинных часов у кровати напоминало частые удары молота по железу. Было двадцать минут пятого. Все это время, после того как Дженни выбежала из библиотеки, она провела в размышлениях об этих холодных демонических видениях Фрейи. Дженни попыталась дать им логическое объяснение, как это сделал бы Уолт. Дженни восхищалась его разумным отношением к миру и окружающим его людям. Но сама она была лишена подобного таланта. Страх остался. Она продолжала разглядывать потолок, чей белый, нейтральный цвет в какой-то степени мог помочь ей забыть, где она находится.

Интересно, а для других людей жизнь также трудна, так же полна вопросов и всевозможных катастроф? И если да, то как им удается жить с этим? Как они вот так смело встречают каждый новый день, зная, что единственное, что можно назвать определенным, — так это неопределенность?

Неужели они не осознают опасность?

Возможно, так и есть. Если бы они заранее знали о ловушках, расставленных на тропах повседневной жизни, то жизнь не казалась бы им столь трудной. Они бы жили счастливо и не думали бы о том, что может случиться с ними в любой момент.

Не значит ли это, что они более благоразумны, чем она? Может быть, лучше не думать о том, что может произойти? Возможно, что чем меньше размышляешь об этом, тем легче жить. И прежде чем несчастье настигнет тебя, ты получишь от жизни все удовольствия.

Но такая жизнь не для нее. Дженнى познала тяжелую правду жизни через горе и одиночество. И была постоянно настороже, готовая к неожиданностям. Осторожность стала жизненно необходимой, как процесс пищеварения и дыхание.

Следовательно, она не может оставаться в этом доме. И не может притворяться, что развивающиеся события не выходят за рамки обычного. Каждый неизвестный звук, каждый шаг в коридоре, каждый темный закоулок, сквозь мрак которого не проникает взгляд, — все это вызывает у нее страх. Каждая минута — затишье перед бедой. Каждый спокойный час — затишье перед бурей. Если она останется здесь, ее нервы расшатаются вконец еще до того, как она поймет, что легче и разумнее сбежать отсюда, чем остаться.

Волки. Какие-то проклятия. Одержимые дети. Она не может жить среди всего этого и нормально все это воспринимать.

Однако еще опаснее бежать отсюда.

Бег от проблемы никогда не решит ее. Бабушка Брайтон была уравновешенная, мужественная женщина. И кое-что из ее характера передалось внучке.. Если кто-то желает победить, то ему следует встречать опасность лицом к лицу.

Дженни вспомнила сон, приснившийся ей в автобусе. Это случилось всего лишь неделю назад. В том сне она бежала с кладбища, а ее невидимый враг преследовал ее. Джени выбежала прямо на дорогу, по которой с большой скоростью двигался автомобиль. Это, должно быть, предупреждение. Если она попытается убежать прочь от своих страхов, то попадет в еще более страшную беду.

Но как ей выдержать и как бороться с проклятиями? Как ей бороться с демоническими духами, вселившимися в юное и напуганное существо?

Может, это знает Уолтер? Может, он объяснит ей план битвы своим приятным, хорошо поставленным голосом? В состоянии ли он направлять ее в борьбе и в то же время защищать ее?

Он бы смог. Она уверена в этом. Уолтер никогда бы не струсил перед таким боем. У него и мысли бы не возникло удратить. Лучше всего остаться рядом с ним, с этим убежищем в непогоду. Он как центр циклона — всегда остается спокойным, в то время как все вокруг бешено кружится.

«Я схожу с ума? — спрашивала она себя. — Я что, ненормальная — лежу здесь и думаю о таких чудовищных вещах? И даже поверила в проклятия, в оборотней?»

Нет. Она не сходит с ума, решила девушка. Она где-то читала, что сумасшедшие всегда уверены в здравости своего рассудка. Но раз она спрашивает себя о своем здравомыслии, то она абсолютно здорова.

В это время в дверь резко постучали.

Дженни соскочила с кровати, не чувствуя ног. То маленькое ощущение покоя исчезло и сменилось страхом, который всегда таился в ней, выжидая.

- Да, кто там? — отозвалась девушка.
- Это Гарольд, мисс Дженнини.
- В чем дело, Гарольд?
- Будьте добры спуститься вниз, в гостиную.
- Сейчас?
- Да.
- Зачем?
- Приехала полиция, — ответил Гарольд. Он сухо сообщил об этом, как будто бы это было совершенно обычным явлением.
- Полиция?
- Да, мисс Дженнини.
- Они хотят поговорить со мной?
- Мне приказали пригласить вас вниз. Детектив Мэйбрэй хотел бы переговорить с вами. — Слуга колебался и закончил: — Он сказал: безотлагательно, немедленно.
- Зачем ему понадобилась я? Что случилось?

- Я не могу вам сказать.
- Вы не знаете?
- Знаю. Но он приказал ничего не говорить вам.
- Гарольд...

Она не договорила, так как услышала шаги слуги. Он удалился по коридору и стал спускаться вниз по лестнице.

Теперь она сидела на кровати, напряженная и сжав кулаки. Точно так же, как это делала Фрейя, вспоминая под гипнозом свои ночные кошмары. Кровь застыла в жилах. На бледной, тонкой шее дико пульсировала вена.

В голову неожиданно пришла мысль, что разразилась гроза. И разразилась по одной конкретной причине. «Если разразится гроза, то молния обязательно поразит и меня».

Дженни надела туфли, подошла к зеркалу и расчесала волосы. В уголках глаз она заметила морщинки, следы усталости. Единственное, что портило ее прекрасное лицо. У нее не было времени переживать по этому поводу. Она вышла из комнаты и направилась вниз.

Спускаясь по лестнице, она дважды останавливалась и цеплялась за гладкие, красного дерева перила. Ноги подкашивались, и она даже не могла идти. Но ей не хотелось возвращаться в свою комнату: это будет похоже на трусивое бегство. Она останется прямо здесь, балансируя на грани краха. И никогда не сделает финальный бросок через порог, и все будет прекрасно. Она будет стоять здесь и разглядывать золотую роспись дорогих обоев, под тонкой рукой будет

ощущать шероховатость деревянных перил. Пройдут дни, недели, месяцы, годы, а с ней, с Дженнини, все будет в порядке...

Она тряхнула головой, отбрасывая нездоровые фантазии, и продолжила свой путь...

Она прошла через холл к занавешенной арке, ведущей в гостиную. Здесь всего неделю назад, в первый день своего приезда, она пила кофе, ела бутерброды и беседовала с Корой, Ричардом и близнецами. Стоя под аркой, Дженнини почувствовала прилив свежих сил и без колебаний шагнула вперед.

В комнате находилось четыре человека. В дальнем углу чопорно и благопристойно стоял Гарольд. Он трижды обвел глазами окружающих и остановился на Дженнини. Ричард сидел в массивном, тяжелом кресле коричневого цвета. Под глазами кузена легли черные круги. С первого взгляда казалось, что его руки спокойно лежат на подлокотниках, но затем она увидела, что он вцепился пальцами в ткань с такой силой, что побелели kostяшки. На длинной темно-зеленой софе сидел незнакомый мужчина. Он был в костюме и в галстуке. Он был лысый и полный, на вид ему было лет сорок пять. Мужчина сидел скрестив ноги. В руках он держал блокнот и карандаш. Последним, кого она заметила, был детектив Мэйбрэй. Она почувствовала это инстинктивно. Детектив был высок, широкоплеч, мускулист. Лицо широкое, греческий нос, квадратный подбородок, большие темные глаза и густые брови.

Он шагнул ей навстречу и улыбнулся.
Улыбка была отвратительной. Она напоминала пасть крокодила, который собрался наброситься на жертву: вот-вот вольется всеми зубами в плоть.

Жаль, что Уолтера здесь нет.

— Мисс Брайтон?

— Да, это я.

Он вновь улыбнулся. Вдруг также неожиданно улыбка слетела с его лица.

— Кто убил Ли Саймингтона? Это сделали вы или кто-то, кому вы звонили?

Глава 10

— Черт побери, минутку, детектив... — начал Ричард, вставая со своего удобного кресла. Лицо кузена покраснело от злости. В глазах сверкнула ярость.

— Сядьте, — сказал Мэйбрэй, не сводя глаз с Дженни. Голос полицейского был холодным и монотонным. В нем звучали командные нотки, которые подчеркивали, что этот человек не привык, когда не выполняют его приказы.

— Я никогда не думал, что вам следует...

— Заткнитесь!

Стены комнаты содрогнулись от резкого окрика.

Ричард был взбешен. Но теперь его холодный тон сменился официальным. Не глядя на Дженни и вообще ни на кого, он вернулся на

свое место. Он уставился на ковер, как будто впервые увидел его. Он сел и вновь стал теребить драпировку кресла.

Мэйбрэй улыбнулся и снова переключился на молодую женщину, стоящую перед ним:

— Я задал вам вопрос, мисс Брайтон. А когда я задаю людям вопросы, я обычно получаю ответ.

— Я... я не поняла.

Она чувствовала головокружение. Но не хотела показывать слабость. Эта горилла не получит удовольствие, видя, как дрожит Дженин Брайтон. Она не собирается доставлять ему подобное наслаждение.

На лице «крокодила» появилась и исчезла улыбка.

— Я спросил: это вы убили Ли Саймингтона или же это сделал тот, кого вы наняли?

— Вы с ума сошли! — выдохнула девушка. Ее словно ударили обухом по голове. Она приложила руку к груди и чувствовала, что ее сердце бьется, подобно сердцу какой-нибудь маленькой птички или зверушки. — Вы отдаете себе отчет!..

— Да! — Он тщательно разглядывал ее лицо, пытаясь заметить следы виновности. — Сегодня утром ветеринар по имени Ли Саймингтон работал в этом поместье. В полдень его нашли мертвым у конюшен. Помимо Ричарда Браккера, вы единственная, кто знал об этом. А алиби мистера Браккера безупречно.

В комнате повисла тишина.

Дженни поняла, что все ждут, когда она заговорит. Но она не знала, что сказать. Как будто бы чья-то ледяная рука стиснула ее мозг и медленно сковывала его.

Она вся дрожала. Она терпеть этого не могла.

— Кому ты проговорилась об этом, Дженни? — спросил Ричард уже более спокойно и дружелюбно.

Она бросила на него взгляд.

Мэйбрэй продолжал в упор смотреть на нее.

— Доктору Хобарту, — выдавила она. — Я сообщила ему об этом за завтраком.

— Хобарту! — вырвалось у Ричарда. Кузен даже подскочил на кресле.

— Кому-нибудь еще? — спросил Мэйбрэй.

— Анне. Она в тот момент была на кухне.

Она могла слышать нас.

— Ну как? — повернулся детектив к Ричарду.

— Если знала Анна, то она передала Гарольду, так? — Он обратился к старику.

— Да, сэр.

— Почему же вы нам не сказали об этом, а? — поинтересовался полицейский.

— Я не знал, что Дженни обвинят в подобном преступлении, — ответил слуга. — Вы не дали объяснения своим довольно необычным методам, когда пригласили ее вниз.

— Вы сообщили Коре, так? — обратился Ричард к старику.

— Да.

— Гарольд — один из тех старомодных слуг, кто считает своим первейшим долгом сообщать обо всем хозяйке или хозяину дома.

— Все ясно, — произнес полицейский, сидящий на кушетке. Он захлопнул свой блокнот.

— Не все, — возразил Мэйбрэй. — Каждый должен предоставить нам свое алиби, сообщить, что он делал в момент убийства. Если из этого ничего не прояснится, тогда все.

— Когда это случилось? — спросила Дженнини.

Мэйбрэй сообщил:

— По словам судмедэксперта, между двенадцатью тридцати и двумя часами.

Девушка чувствовала, что детектив все еще настойчиво вглядывается в ее лицо.

— В четверть первого у меня был небольшой ленч. Я сидела в кухне и болтала с Анной до часу.

— Затем?

— Потом я отправилась в библиотеку и находилась там вместе с доктором Хобартом почти до двух. Он пригласил меня на сеанс гипноза с Фрейей. Сеанс прошел неважно. Я расстроилась и сразу после этого направилась к себе.

— В два она была в своей комнате, как и говорит, — подтвердил Гарольд.

— Это так? — В голосе Мэйбрэя прозвучало сомнение: детектива не убедишь без предоставления фактов.

— Да, — невозмутимо произнес Гарольд, не обратив внимания на грубость полицейско-

го. — Я возвращался из комнаты Коры после того, как отнес ей поднос с ленчом. Я видел, как Дженнинг вошла в свою комнату и закрыла за собой дверь. В последующие полчаса она не спускалась. В это время я как раз полировал перила лестницы.

— Я — чиста? — поинтересовалась Дженнинг.

— Как родниковая вода, — ответил Мэйбрэй.

— Тогда это сделал волк, — сделал вывод второй офицер. — Я с самого начала утверждал, что это не убийство.

Детектив Мэйбрэй обратился к Ричарду:

— Вы все еще уверены, что это совершил кто-то другой, а не волк?

Ричард вздохнул и откинулся на спинку удобного кресла.

— Я не знаю. Я был настолько уверен... Так много странного произошло. Но может быть, это и в самом деле волк. А возможно, это совпадение, из-за которого все остальное кажется липой, когда в действительности все совершенно не так. Больше я ничего не могу сказать.

— Ладно, пригласим сюда миссис Браккер и кухарку. Посмотрим, смогут ли они подтвердить свое алиби.

— Я могу поручиться за Анну, — проговорил Гарольд. — Если вы посмотрите на то, что она приготовила, вы убедитесь, что она не могла ни на минуту покинуть кухню и дом.

Через несколько минут Мэйбрэй опросил Кору и Уолтера и удостоверился, что у этих

двоих тоже железное алиби. С ними он вел себя так же холодно, как и с Дженни. Казалось, он надеется напугать кого-то, говоря о том, о чем они могли умолчать.

— Первое, что следует сделать, — теперь Мэйбрэй обращался ко всем более любезно, так как он знал всех присутствующих в комнате и более-менее мог доверять им, — так это организовать охоту на волка. Одному богу известно, что может произойти в более заселенных районах. Его надо поймать. Я выделю два отряда конных полицейских. Вместе со своими обученными лошадьми они прибудут сюда утром. Вы можете попросить соседей принять участие в поиске животного. Через день зверя обнаружат.

— Да, надо сделать именно так, — согласился Ричард.

— Я бы также хотел, чтобы вы позвонили Гейбу Этчисону и попросили его приехать сюда со своими охотничими псами. Вы знакомы с ним?

— Да, я раз или два принимал участие в ежегодном заседании клуба любителей охоты на лис, — ответил Ричард.

— В таком случае до утра, — произнес Мэйбрэй. Он вежливо поклонился и величаво покинул комнату.

Ричард и второй, так и не представившийся полицейский проследовали за ним.

— Я принесу кофе, — предложила Анна. — И немногих булочек.

Она направилась на кухню. Ее муж поплелся за ней.

— Просто ужасно, — заговорила Кора. — Этого беднягу, мистера Саймингтона, разодрали на куски.

— Всегда получается так, — рассеянно произнес Уолтер, — что только произошедшая трагедия указывает верный путь. Охоту следовало начать еще тогда, когда появились убитые кролики. И естественно, сразу после гибели Холликросс. В любом случае послезавтра ситуация улучшится. Если мы покажем убитого волка Фрейе, то кое-какие засевшие у нее в голове фантазии исчезнут.

— Не уверена, — с сомнением произнесла Дженнни. В голове у нее только что промелькнула ужасающая мысль. И она потрясла девушку.

— Но она не могла убить Саймингтона, пока была одержима демоном! — Хобарта на-смешило подобное предположение. — Во-первых, сегодня днем она не была в коме. Во-вторых, еще за день до этого волк и не рыскал по этому лесу.

— Если коронер не ошибся и точно установил время смерти, — высказала Дженнни, — то получается, что волк появился возле конюшен как раз в тот момент, когда девочка была под гипнозом. Как раз в тот момент, когда она вспоминала о своем ночном кошмаре. Вспомните, Уолт, она утверждала, что теперь волк желает отведать человеческой крови?

Он посмотрел ей в глаза и медленно отвел взгляд в сторону:

— Глупости все это.

Впервые она заметила, что он немного встревожен «всеми этими бреднями о проклятии».

Как бы ей хотелось, чтобы он крепко сжал ее руки в своих ладонях! Как бы ей хотелось, чтобы он сказал, насколько лишены смысла ее страхи. Как бы ей хотелось, чтобы он воспользовался своим логическим мышлением и убедил бы ее в безосновательности ее опасений, которые съедают ее изнутри.

Но он молчал.

После чашечки кофе Дженні ушла из комнаты, где велась натянуто-оживленная беседа. Девушка с трудом поднялась по лестнице и прошла в свою спальню. Ей было не легче, не хуже, чем час назад, когда она спустилась вниз на допрос.

Как только она открыла дверь в комнату, из спальни в другом конце коридора вышел Ричард и окликнул ее. Она обернулась и уви-дела, что кузен приближается к ней. Она до-гадалась, что он, видимо, поджидал ее.

— Зачем ты рассказала Хобарту?

Пока он говорил, он заламывал свои руки.

— Рассказала о чем? — переспросила девушка. Рядом с ним она чувствовала себя неуютно, как будто бы он мог наброситься на нее.

— О том, что сегодня приезжает Ли, конечно.

— Не будь таким противным.

Он говорил с ней так, будто она достойна только презрения.

— У меня есть на это право. Я просил никому не говорить об этом. Но ты разболтала. И теперь он мертв.

— Я не сообщала об этом волку, — дерзко заверила она кузена. — Если ты пытаешься обвинить меня в чем-то — забудь об этом.

— Послушай, Дженинни... — начал он, хватая ее за руку. Он так сильно сжал кисть, что ей стало больно.

Она попыталась вырваться, но не смогла.

— Нет уж, это ты послушай, — зло прошипела она. Ее страх перед ним ввел ее в ярость. — Ты единственный, кто должен за многое ответить.

— Я?

Ей и в самом деле было очень больно. Но его, казалось, не очень-то беспокоило это, и он еще сильнее сжал ее руку.

— Да, ты! — Лучший способ защиты — нападение. — Ты на полчаса опоздал, когда встречал меня на вокзале. Ты рылся в моих вещах в первый день моего приезда. Ты отвратительно относишься к своей мачехе! А с кем это ты разговаривал по телефону в субботу утром... когда говорил о лекарствах и убийце?

— Ты... ты подслушивала! — прорычал молодой человек.

— Я нечаянно услышала, — защищалась она. Прежде чем он открыл рот, Дженинни продолжала: — А куда это ты крался вчера ночью, когда двигался от дома в сторону конюшен? Почему ты не хотел, чтобы тебя увидели?

Он выглядел подавленным.

Она почувствовала, что его хватка ослабла, он был шокирован. В этот самый момент она

выдернула руку и влетела в комнату. Она захлопнула дверь перед его носом и быстрым движением руки задвинула щеколду.

Она прислонилась к дверь и заплакала. Несколько секунд она удивленно прислушивалась к какому-то шуму. Затем до нее дошло, что это звуки ее рыданий. Она зажала рот рукой, заставляя себя сбраться с силами.

Ее сердце болело. Лицо пылало от волнения. Теперь она высказала все. Что же будет делать Ричард?

Несколько мгновений он стоял и ждал. Он был слишком ошеломлен, чтобы думать и двигаться. Затем он шагнул вперед и постучал в ее дверь. Стук был громким и сильным.

— Убирайся! — выкрикнула Джени.

Он постучал вновь.

Дверь задрожала, как будто бы он тарабанил в нее двумя кулаками.

— Убирайся! — повторила девушка.

Он подергал за ручку и понял, что дверь заперта на щеколду. Он долго рвал ручку, надеясь, что защелка вылетит.

Закричать ей или нет? А не усугубит ли это ситуацию?

— Открой! — приказал он.

— Нет.

— Открой!

— Убирайся!

Он помолчал, но не ушел. Она слышала его прерывистое дыхание, тяжелое, частое дыхание, которое говорило о том, что он в состоянии сильного возбуждения.

Она заново спросила себя, следует ли ей звать на помощь. Но как она объяснит им, что это Ричард угрожает ей? Все-таки он ее кузен. Он же не сможет серьезно навредить ей. Естественно, он разозлился, что она шпионила за ним. Хотя оба раза — когда она подслушала его разговор по телефону и когда она видела его крадущимся вдоль живой изгороди вчера ночью — все случилось совершенно случайно. Но он не поймет.

— Пожалуйста, Дженини, позволь мне объяснить.

— Убирайся! — непроизвольно вырвалось у нее.

Может быть, дать ему шанс? Если она откроет дверь, что, кроме объяснений, он выкинет еще? Глупо думать, что ее двоюродный брат собирается причинить ей вред.

Неожиданно он вновь дернул ручку двери.

Последнее развеяло все ее сомнения насчет того, следует ли ей открывать или нет.

— Через десять минут я смогу все объяснить.

Теперь в его голосе звучали утомленность и мольба. Теперь он говорил как отчаявшийся, одинокий ребенок. Но возможно, он специально изменил тон, чтобы добиться успеха.

— Я не хочу разговаривать с тобой, Ричард, — твердо отрезала Дженини.

Ричард был непредсказуем. Его настроение, его секретные замыслы и странное поведение заставляли ее с подозрением относиться к нему. Она точно знала, что с Уолтером она будет в

безопасности, все с ним будет прочным и надежным. С Ричардом же, напротив, всякое может произойти, может грянуть любая беда.

Он еще несколько минут постоял под ее дверью. Но когда он наконец понял, что она и не собирается открывать, повернулся и пошел прочь. Девушка прислушалась к его удаляющимся шагам. В коридоре воцарилась тишина. Она отошла от двери, подошла к кровати, забралась на нее и, свернувшись клубочком, легла в изголовье. Как ребенок в руках матери.

Пусть у нее и нет матери. Впервые за столько времени боль этой потери напомнила о себе. Дженини заплакала, повернулась и уткнулась в подушку. Она рыдала, пока у нее не осталось слез и не заболел живот.

Она поднялась с постели и направилась в ванную. Там она умыла лицо и стала прикладывать холодную воду к воспаленным глазам. Затем она раз сто провела щеткой по волосам. Мерцающая красота прекрасной шевелюры заставила ее подумать об Уолтере Хобарте. До чего же ей хочется хорошо выглядеть перед ним. Раздумья об Уолтере подняли ей настроение.

«Несмотря ни на что, — подумала она, — я в безопасности в запертой на замок комнате. Никто не войдет в эту дверь. Это прочная и толстая дверь. Никакой волк не доберется до окна на втором этаже по этим каменным стенам. Я в безопасности до той поры, пока я не выйду одна на улицу или останусь один на один с Ричардом».

И до тех пор, пока Уолтер Хобарт здесь, она будет стоять до конца. Ничего не случится с ней, пока рядом любимый человек.

Любимый?

Она что, и в самом деле влюблена в него? Если она случайно подумала об этом, должно быть, это действительно так. Теперь ей в голову пришла мысль, что ей следует постараться, чтобы и он почувствовал то же самое по отношению к ней.

Она улыбнулась своему отражению в зеркале.

«Я красивая, — подумала она, — и умная. Я буду прекрасной женой для психиатра».

Она подошла к шкафу и вытащила самое красивое платье. Она наденет это. Духи с запахом лимона. И она свежа, великолепна и привлекательна. Он заметит. Он обязательно обратит на нее внимание. Сегодня. За ужином.

Неожиданно по туалетному столику пробежал паук. Он бешено перебирал восемью лапками. Это знак. Предостережение о том, что случится...

Глава 11

Рано утром в четверг Дженнি разбудил осторожный стук в дверь. Она зевнула, перевернулась и взглянула на будильник. Часы показывали без пяти восемь. Всю эту неделю Дженнি просыпалась поздно — неслыханная роскошь, которую она позволила себе, живя в доме семьи Браккер.

Никто не должен докучать ей так рано. Кто это может быть?

— Кто там?

— Это я, Уолтер. Охоту планируют начать в девять. Я подумал, что вы могли бы воспользоваться свободной лошадью и поехать с нами.

— Одну минуту. — Она накинула халат и открыла дверь. — Но они не хотят, чтобы женщина принимала участие в охоте, — возразила Дженни.

Хобарт был одет в джинсы, ботинки и рубашку с короткими рукавами. Как всегда, он был с трубкой в зубах; от табака исходил вишневый аромат.

— О, да в этом нет никакой опасности, — заверил он ее. — Какая опасность рядом с гончими, готовыми разодрать любую тварь, и с множеством вооруженных мужчин? Мы будем держаться все вместе во избежание любых опасностей.

— Я и не знаю, следует ли мне ехать?

— О, давайте, Дженни, соглашайтесь! Будет так интересно!

Девушка не могла представить себя лицом к лицу с волком-убийцей, какой бы безопасной ни была ситуация. Совершенно очевидно: Уолтер хочет, чтобы девушка поехала с ним. Еще один знак проявления его интереса к ней, и было бы глупо не замечать этого.

— Да, но я хочу принять душ.

— Времени хватит на все, если поспешить. Встретимся в девять у конюшни. Я распоряжусь, чтобы вам приготовили лошадь.

Когда Дженни, одетая в удобные джинсы, голубой свитер и коричневые сапоги для верховой езды, добралась до конюшни, все были в седлах, готовые к охоте. Восемь мужчин — добровольцев с соседних ферм выразили желание принять участие в привычном для них деле. Несмотря на то что Дженни считала это неприятным занятием, для других это было скорее развлечение, чем охота. Большинство мужчин, какими бы воспитанными и светскими они ни были, любят поохотиться. Первобытная жажда крови живет в душе каждого мужчины — и женщины, — как бы они ни отрицали этого. Помимо природного зова, большинство присутствующих были рады оказаться в числе избранных. Все эти люди — бизнесмены, судьи — сдержали свои фермы не для проживания, а в большей степени чтобы поддержать статус землевладельца. Быть приглашенным семьей Браккер для участия в охоте являлось признанием их аристократического положения в округе. Они приняли приглашение с чувством самодовольства и самоуверенности, которые проявляют нувориши, когда их приглашают на званный вечер от старинного рода Рокфеллеров или Вандербильтов.

Здесь были и те двое полицейских, одетые в голубую форму для верховой езды, с черными нашивками на рукавах. Крупные, но весьма проворные мужчины. Они восседали на великолепных, каштановой масти жеребцах — огромных созданиях с мощной грудью, толстой шеей и сильными задними но-

гами. Таких Дженнин никогда не видела. Лошадь и наездник составляли единое целое, как будто они были частями одного организма — что-то вроде кентавров.

Здесь был и Ричард. Он ехал на черной кобыле. Он разговаривал с одним из соседей, согласившимся принять участие в охоте. Собеседник кузена из-за своей седой шевелюры и пышных бакенбардов был похож на какого-нибудь англичанского барона.

Дженнин обратила внимание на невысокого жилистого мужчину на гнедой кобыле, возле которого кружилась свора гончих; он сдерживал их, подавая тихие команды.

Дженнин догадалась, что это Гейб Этчисон.

Уолтер сидел на крапчатом, черно-коричневом жеребце. В руках он держал поводья второй оседланной кобылы. Лошадь была без всадника. Девушка узнала ее: эту лошадь звали Тьюлип¹. Ее стойло находилось рядом со стойлом погибшей Холликросс.

— Сюда, скорее! — позвал он Дженнин. — Мы готовы начать.

Девушка подбежала к лошади, вставила ногу в стремя и взлетела на спину Тьюлип. Лошадь фыркнула, дрожь прошла по ее крупу, однако она не стала проверять, насколько Дженнин искусна в верховой езде.

— Я первый раз вижу полицейских на лошадях, а не в патрульных автомобилях, — заметила девушка.

¹ Тьюлип (tulip) — тюльпан (англ.).

— Полагаю, что полицейские штата Пенсильвания самые подготовленные в мире. Они учатся использовать все, что попадет им под руку. Вон тот парень, Хэллиуэлл, рассказал мне, что у них даже есть команда чемпионов по верховой езде. Они только и занимаются, что путешествуют по свету и принимают участие в различных международных соревнованиях. И, как правило, они чаще выигрывают, чем проигрывают.

Оба офицера проверяли подпруги и крепления карабинов к седлам. Они выглядели весьма ловкими наездниками, и Дженнини почувствовала себя в безопасности.

— Волнуетесь? — поинтересовался Уолтер.

— Немного.

— Не стоит. С таким количеством оружия зверя в клочья разнесут, прежде чем он попытается напасть на нас.

Лишь сейчас Дженнини заметила, что вооружены не только полицейские. Оружия не было только у нее и у Уолтера.

Девушка взглянула на небо. Погода могла быть и лучше. Низкая ровная облачность закрыла горизонт. Ее серый цвет не грозил дождем, но и не обещал солнца. Утро было довольно прохладным для июня. Девушка предположила, что скоро будет очень жарко и тогда все они будут задыхаться от повышенной влажности.

К ним подъехал, придерживая свою лошадь, Ричард. На нем были черные бриджи и такого же цвета рубашка с короткими рукавами.

— Что ты здесь делаешь? Тебя кто-то пригласил?

Вопрос был задан чисто риторически, поэтому Ричард и не ждал ответа.

— Да.

Ее ответ удивил молодого человека.

— Кто?

— Я, — поспешил ответил Хобарт, не давая Ричарду возможности сказать что-нибудь. — Не вижу в этом никакой опасности. Если мы и доберемся до зверя, то мы с Дженнин будем держаться подальше

— Думаю, женщине здесь не место, — возразил Ричард.

— А где мне место?

Кузен промолчал.

— Послушайте, Ричард, все это больше смахивает на игру. Взгляните на этих здоровых мужчин. Они все здесь из спортивного интереса. И если один из них ожидает хоть какой-то опасности, я буду весьма удивлен.

— Я жду опасностей, — произнес Ричард.

— Вы? — удивился Хобарт.

Ричард взглянул на Дженнин, явно собиравшуюся что-то сказать, и пожал плечами:

— Хорошо, оставайся.

Он дернул поводья лошади вправо и вернулся в головную часть колонны.

Уолтер наклонился и погладил правую руку девушки.

— Он пугает меня, — произнесла Дженнин, хотя и не собиралась признаваться в этом ни Уолтеру, ни кому-либо еще. Она не желала

оказаться в дураках, если бы выяснилось, что за грубостью Ричарда не скрывается ничего зловещего, кроме плохих манер.

— Кто? Ричард?

— Да.

Хобарт бросил взгляд в сторону молодого Браккера:

— Думаю, он очень замкнут. Мы все должны быть открытыми по отношению к окружающим.

Ричард обернулся и обратился к наездникам, которые ехали позади него:

— Мы поедем за собаками. Мы будем держаться одной группой, если собаки не побегут в разные стороны. Затем Хэллиуэлл, Гейб, Руди, Сэмсон и я поскакаем отдельной группой. Остальные образуют вторую группу. Доктор Хобарт и Дженин останутся во второй группе. У них нет оружия, они только наблюдают за происходящим, при необходимости присматривайте за ними.

Все украдкой взглянули на них.

Ричард повернулся и обратился к Гейбу Этчисону:

— Они готовы?

— Более чем.

Ричард обратился к остальным участникам охоты:

— Запомните: никакой беспорядочной стрельбы. Если мы нападем на его след, собаки будут преследовать его по пятам и загонят зверя в угол. Подстрелим его, как кабана в загоне.

Мужчины закивали.

Ричард вновь взглянул на Гейба Этчисона:

— Отлично. Дай им разгуляться.

Этчисон что-то прокричал — словно на каком-то иностранном языке. Собаки откликнулись на зов. Вся это визжащая масса хвостов, лап и морд, наталкиваясь друг на друга, рванула вперед — и все в том же направлении, по полям, на север от конюшен, в густой лес.

— Нет такого густого леса, чтобы там гуськом не проехать опытным всадникам, — крикнул Ричард.

Тут его группа скрылась из вида.

Разом зацокавшие лошадиные копыта произвели такой грохот, что у Дженнин застучали зубы. Ее кобыла рванула галопом вслед за остальными, и земля задрожала под ударами ее копыт.

Уолтер махнул девушке рукой и склонился к шее своего скакуна. Очевидно, происходящее доставляло ему удовольствие.

Дженнин решила, что и ей самой следует получить удовольствие. Она покрепче села в седле и пустила свою лошадь во весь опор. Они неслись в сторону темного леса по самому краю длинного поля...

Глава 12

Гончие псы достигли границы леса и бежали вдоль линии деревьев. Собаки опустили носы к земле, длинные уши животных болтались из стороны в сторону. Псы едва увора-

чивались друг от друга. Со стороны гончие выглядели забавно. Но ужасная задача, поставленная перед ними, стирала это впечатление. Псы то и дело останавливались и принюхивались, бегали взад-вперед, пытаясь взять след. Затем они вновь бросались вперед, вытянув носы и завывая. Они преследовали свою жертву.

Для тех, кто ехал верхом, зрелище было волнующим и утомительным. В некоторые моменты они пускали своих скакунов вперед во весь опор с тем, чтобы не отстать от стаи гончих псов. Затем собаки резко останавливались, вынуждая охотников сдерживать поводья, обозначать шаг на месте, пока вновь не срывались в неистовый бег.

Дженни не так сильно, как другие, возмущалась такими паузами. Она не привыкла к подобным бешеным гонкам и нуждалась в коротких минутах отдыха, чтобы восстановить дыхание и поудобнее сесть в седле. В то же время передышки давали возможность поболтать с Уолтером. Они обменивались первыми впечатлениями об охоте и об этих краях. Для нее это было самым ценным. Каждый раз они разговаривали и перебрасывались шуточками. Она меньше всего опасалась за оставшуюся часть дня и особенно за то, чем он завершится для них.

После того как преследователи около пяти сот ярдов проехали вдоль опушки леса, свора своим поведением удивила следовавших за ней людей. Псы резко бросились в кусты и за

деревья. Они почти исчезли из вида, оставляя за собой дрожащие кусты магнолий. Теперь собаки истошно вопили и выли, в спешке наскакивали друг на друга, каждая собака стремилась первой схватить жертву. Они как-то умудрялись не потерять объект преследования из виду.

Запах усиливался: волк где-то рядом!

Полицейский Хэллиуэлл вел процессию вдоль узкой, пройденной загонщиками тропе между вязами и соснами. Где-то далеко впереди, в темном тоннеле из листьев, виднелась последняя из стаи собака. Хэллиуэлл пришпорил своего скакуна. Остальные охотники по одному проследовали за ним. Многие мужчины начали отстегивать карабины и вытаскивать прикрепленные к седлам ружья.

— Похоже, что возиться придется недолго, — заметил Уолт. Он сказал это за несколько секунд до того, как Дженин въехала в лес. — Тетвари лают уже где-то на холме. Через минуту все будет кончено.

Лошадь перед ней рванула вперед, и девушке пришлось проследовать за охотниками в тень деревьев, где солнечные лучи едва пробивались сквозь плотную листву. За ней, наслаждаясь собой, двигался Уолтер Хобарт.

Но он ошибся. Охота и не собиралась заканчиваться. Они еще целый час гонялись за сворой шумных собак. Они петляли по опасным, узким лесным тропам, заставляя своих лошадей обходить низкие ветви деревьев. Иногда они выезжали на открытую местность

только для того, чтобы вновь въехать в лес, но уже с другой стороны.

Вскоре, в десять тридцать, они обнаружили пещеру.

— Что это? — удивился Хобарт, придерживая своего скакуна. Они ехали рядом. Уолтер вытер пот с широкого лба.

Дженни и доктор выехали в центр леса и оказались перед прогалиной. Участок был полукруглый и приблизительно двести метров в ширину. С трех сторон он был окружен лесом. Справа от них высилась скалистая грязда высотой около ста двадцати метров. У подножия и находилась пещера с достаточно большим входом. К ней вела извилистая тропа, которая уходила куда-то в глубь багрового мрака.

— Да это прямо берлога какая-то, — заметила девушка.

— Почему собаки возвращаются назад?

Дженни посмотрела в сторону Гейба Этчисона, который спешился, чтобы отдать приказ своим гончим.

— Думаю, он отзывает их назад, подготавливает их.

Этчисон трепал собак по голове, почесывал их за ухом. Он обладал неограниченной властью над гончими. Единственное, чего сейчас желали собаки, — так это ворваться в пещеру и разодрать врага. Но они побороли свой звериный инстинкт и прислушались к голосу своего хозяина. Глаза животных смешно вращались, языки вываливались изо рта; псы

отчаянно скребли землю лапами. Пока Этчисон не даст гончим команду броситься в пещеру и выгнать наружу зверя, собаки останутся на месте.

Этчисон присел на корточки.

Двое полицейских держали ружья наготове. Все встали полукругом у входа в пещеру. Только Дженнни и Хобарт, оба безоружные, остались на месте.

— И не узнаешь ведь, бешеный он или нет, — обратился к ним Хэллиуэлл. — Но мы все равно продолжим.

Мужчины закивали.

Серые облака сильнее сковали небо, и показалось, что на землю набросили покрывало.

— Отлично, — сказал Хэллиуэлл.

— Гейб, — произнес Ричард, давая добро.

Гейб бросил несколько резких, громких команд гончим и быстро вскочил в седло.

Свора бросилась вперед и исчезла внутри сырого каменного тоннеля.

— Они вообще ничего не боятся! — восхищенно восклекнула Дженнни.

— Еще как боятся! — возразил Хобарт. — Собаки от страха не спасаются бегством. От страха они, наоборот, бросаются в атаку. Они могут обратиться в бегство только при ощущении ранения. Собаки природные оптимисты. Они никогда не настроены на трагический исход.

Дженнни подумала, что хорошо бы и ей обзавестись подобными качествами. Конечно, собаки сами бегут навстречу неприятностям из-за

своего оптимизма. Их никогда не учили избегать опасностей благодаря осторожности.

Сейчас они в любой момент могут выскочить оттуда, преследующие волка или, наоборот, преследуемые им.

Она сильнее скала поводья.

Ужасный шум внутри пещеры заставил всех подойти ближе к краю. Гончие больше не завывали возбужденно, а неистово рычали. Запах преследуемого ими противника был теперь настолько силен, что, возможно, жег им носы.

Через пять минут после того, как стая вбежала в пещёру, бешеный шум неожиданно стих. Через минуту из норы показалась первая собака. Она принюхивалась к земле и была очень равнодушна к злым упрекам со стороны ожидающих в седлах людей. Все были немного озадачены.

Одна за другой стали появляться и остальные собаки.

— Что это значит? — спросил один из мужчин.

— Волк ушел, — ответил Хэллиуэлл. — Это самый проворный паскудник из всех, что мне когда-либо попадались. Смылся отсюда лишь в самый последний момент, когда услышал нас, — вместо того чтобы удратить и держаться от нас подальше.

Люди стали прятать ружья в чехлы. Они напоминали группу детей, приехавших в кинотеатр в субботу и обнаруживших, что на дверях висит вывеска: «На этой неделе показа не будет».

Собаки заново взяли след и направились в противоположную сторону прогалины. Охота началась вновь.

— Ну хорошо, может быть, повеселимся, — проговорил Уолтер.

Дженни не была уверена в этом. Она подумала, что у нее другое понимание «веселья», чем у мужчин. Но и она намеревалась присоединиться к ним. Она не сбежала только потому, что Уолтер остался и она не хотела выглядеть трусишой в его глазах.

Позже, когда оказалось, что охота затянулась, все собрались на лужайке за особняком Браккеров, чтобы перекусить. Дженни предпочла отказаться от дневной погони за зверем. Она сказала, что у нее кое-какие запланированные дела, некая неотложная работа, и она надеялась, что они поймают зверя утром, а после обеда она займется своими делами. Но так как они потерпели неудачу, она отказывается от удовольствия вновь ловить вместе с охотниками момент триумфа.

Уолтер все понял, и от этого ей стало легче.

Казалось, Ричард доволен, что Дженни собирается остаться дома. И эта его радость чуть было не заставила девушку передумать и продолжить охоту вместе со всеми.

Позже, когда все вернулись в семь часов вечера, когда они за все это время абсолютно ничего не нашли, она была рада, что не поддалась мгновенному импульсу.

Несмотря на то что им не повезло, большинство мужчин были в приподнятом настро-

ении. Они понимали, что сам факт охоты намного важнее, чем ее результат. Они болтали, весело жаловались на синяки и ссадины. Они с устрашающей скоростью поглощали все, что приготовила Анна. Столы вновь были накрыты на лужайке за домом. Большинство разговоров касалось неуловимого зверя. Но ни на одного из охотников не произвел никакого впечатление факт, что волк-убийца, возможно взбесившийся, исчез недалеко от их собственных домов.

Двое полицейских вели себя немного по-другому. Они держались как люди, которые проделали огромную работу, но труд которых не был вознагражден. Они быстро поели, немного выпили и покинули поместье, загрузив лошадей в служебный грузовик. Они уехали задолго до того, как другие разделались с ужином.

Уолтеру было о чем рассказать по поводу охоты. Все были тронуты его особым остроумием и совершенным чувством комического преувеличения. Кора и Дженни постоянно смеялись, пока он описывал ужимки охотников. «Гораздо лучше слушать Уолта, чем самой принимать участие», — подумала Дженни.

Как обычно, Ричард испортил уже овладевшее всеми веселое настроение. Он подступил к доктору и прервал его:

— Никак не уразумею, чему тут особо радоваться.

Все обернулись и взглянули на молодого человека. Их взору предстал усталый мужчина, который еле-еле, стиснув зубы, сдержи-

вает свой гнев. Казалось, что за последние шесть недель Ричард постарел лет на десять. Под глазами у него лежали темные круги, щеки ввалились, кожа приобрела нездоровий желтовато-бледный оттенок.

— Мы должны смеяться над миром, — возразил Уолтер, вытаскивая трубку изо рта. — Если мы не будем смеяться, он нас всех сломит.

— Волк все еще свободно разгуливает по округе.

— Возможно, — ответил Хобарт. — А может быть, вся эта возня с собаками и лошадьми загнала его как можно дальше в горы.

— Хотелось бы верить, — фыркнул Ричард.

— А чего вы от нас хотите? Здесь только две женщины и психиатр. Нам что, сойтись со зверем в рукопашной схватке?

Ричард свирепо взглянул на него и зашагал к дому. Они видели, как за ним закрылась дверь. Но стоило им отвернуться, как Ричард вдруг вновь открыл ее и шагнул на веранду.

— Капканы, — крикнул кузен. — Если мне понадобится, я расставлю тысячу капканов, прежде чем откажусь от идеи поймать его.

С этими словами он вернулся в дом и при этом так сильно хлопнул дверью, что задрожали стекла.

К тому моменту охотники ужинали почти полтора часа. Солнце медленно садилось. На востоке, подобно чернилам, расползлась темнота. Некоторые уже прощались со всеми, собираясь уехать.

В тот момент, когда неприятная сцена стала постепенно забываться, все вдруг изменилось в одно мгновение. Всех неожиданно ошеломил, заставил застыть в оцепенении один-единственный звук — невыносимый, холодный, сводящий с ума звук, который свалился на них, как первый ледяной, насквозь пронизывающий ветер.

Это был злобный волчий вой...

Глава 13

В ту ночь во вторник Фрейя впала в очередной транс. Приступ случился с ней за несколько минут до того, как, пугая всех на лужайке, раздался вой одинокого волка в глубине леса. В полдень в среду, как сообщил им Уолтер, Фрейя подробно описала свои действия в качестве оборотня. На этот раз Уолтер рассказывал об этом без тени юмора. Этот свежий ужасный приступ был больше связан с убийством Ли Саймингтона, чем с кончиной Холликросс.

Фрейя вспоминала — или притворялась, будто вспоминает, — как оборотень напал на ветеринара, добрался до его горла и наслаждался вкусом крови...

В тот вечер Кора на своем старом «кадиллаке» вернулась из города. Она привезла новые книги по оккультизму, купленные в книжном магазине. Сразу же после ужина она заперлась в своей комнате. Свет просачивался под щелью двери, и лучи падали вдоль слабо освещенной

лестницы. Свет не гас до утра, пока она не прочла книги от корки до корки.

Утром в четверг она выглядела усталой, с черными кругами под глазами. В походке ее появилась странная, какая-то маниакальная спешность. Ее руки тряслись, а глаза перебегали от одного предмета на другой, не задерживаясь ни на чем.

Она извела всех рассказами о страшных случаях, которые она вычитала в этих новых книгах. Так, она поведала им о девушке-француженке Женни Сорье, на которую при свидетелях напал какой-то невидимый зверь, на нееся ей кровоточащие раны. Кора рассказала им о Роберте Лундквисте, британском служащем. Эта история произошла в начале 50-х годов XX века. Его схватили в тот момент, когда он раскапывал могилу, чтобы вкусить мяса свежепохороненного покойника. Дженни понимала, что эти истории не следовало бы издавать — и конечно же не стоило рассказывать их за завтраком!

Было ужасно наблюдать, как Кора становилась все более и более возбужденной. Дженни понимала, что рано или поздно нервы пожилой женщины не выдержат в такой идиотской атмосфере, как эта. Но хотя она и любила тетушку, ей было немного стыдно за нее. Очевидно, мужество, которым обладала бабушка Леона Брайтон, не сказалось на ее дочери.

Дженни не удивилась, узнав, что у Коры нервный срыв. Послали за доктором Мальмонтом, врач приехал и дал женщине седа-

тивные препараты. Он приказал Анне убрать все оккультные книги из комнаты тетушки и немедленно избавиться от них.

— Мне плевать, кто и что читает, — объяснил он. — Но когда это вредит здоровью, то тут уж пора подвести черту.

Затем он и доктор Уолтер Хобарт минут на пятнадцать уединились в библиотеке. Когда Мальмонт уехал, Уолтер передал Дженнину разговора с ним.

— Я собираюсь уговорить Кору встретиться со мной завтра. Перед сеансом с Фрейей.

— Вы хотите заняться ее лечением? — поинтересовалась Дженнини. — Боюсь, она будет возражать. Она не считает себя больной и не нуждается в психиатре.

— Каждому нужен психиатр.

— Каждому?

— Да.

— И даже вам?

Уолтер улыбнулся, взял ее за руку и с чувством пожал ее:

— Да, даже мне. Никому из нас не избежать социального давления, по мере того, как мы взрослеем. А в дальнейшем это приводит к различного вида неврозам.

И опять он все разъяснил, и снова все встало на свои места. Дженнини чувствовала спокойствие и тепло рядом с ним и внимательно слушала его.

— Но если кому-то и приходится обратиться к психиатру, то это вовсе не значит, что человек не в здравом уме или на грани сумасшествия.

существия. Вообще-то такие люди более здоровы, чем большинство вокруг, — хотя бы потому, что они нуждаются в помощи и охотно принимают ее.

— Думаю, да, — согласилась девушка.

— В действительности я и не собираюсь лечить Кору психоанализом. На это потребуется огромное количество времени. Да и в действительности приступать к лечению лучше позже, когда обстоятельства не будут давить на нее так сильно.

— В таком случае я не совсем понимаю, чем вы можете ей помочь?

— Гипнозом, — ответил он, широко раскрыв глаза и размахивая руками перед лицом Джени. — По крайней мере, я попытаюсь разобраться в путанице у нее в голове и смогу воспользоваться некоторыми внушениями, чтобы помочь ей справиться со всем. — Уолтер отпустил руку девушки и присел на стул. — Если у меня получится внушить ей, что все происходящее легко объяснить естественным путем и что ничего сверхъестественного с ней не произойдет, то она сможет избавиться от некоторых страхов.

«Интересно, а сможет ли он мне помочь преодолеть мои страхи? — промелькнуло в голове у Джени. — Неужели он и в самом деле думает, что все эти неприятности с волком не результат сверхъестественного. Если бы это не было взаимосвязано, возможно, его гипнотическое воздействие на Фрейю было бы более успешным».

Дженни не стала высказывать свои мысли вслух. Она не желала видеть его потерявшим уверенность в себе или пессимистичным. Наоборот, он должен быть хладнокровным и сохранять рациональный подход к жизни. Если ему приходится игнорировать некоторые вопросы, возникшие в результате этих странных событий, и если это единственный способ поддержать свою железную хватку, то пусть так и будет.

Он никогда не должен быть нерешительным.

Он — опора.

Он тверд как скала.

В нем есть все, чего так не хватает ей. Он единственная точка в пространстве ее существования, где *оно, неведомое и внезапное*, не способно влиять на нее.

Он ее спасение.

На следующий день, в пятницу, Хобарт провел первый сеанс гипноза с Корой и продолжил лечение Фрейи. Коре не стало лучше после целого часа, проведенного под гипнозом доктора. Но Уолтер заверил Дженни, что понадобится два или три дня на изменение состояния тетушки.

Иногда по дому пробегал Ричард, он носился то туда то сюда по каким-то только ему известным делам. Когда он иногда сталкивался с Дженни, то мрачнел и молча смотрел на нее. Он знал, что ее лучше не трогать. Она дала ему ясно понять, что не желает разговаривать с ним. В среду утром произошла ужас-

ная сцена, которая возвела кирпичную стену между ними.

В субботу и в воскресенье Фрейя и Кора вновь прошли сеанс гипноза. После того как девочка встала с кушетки после сеанса в библиотеке, доктор Хобарт пришел к некоторым выводам и решил сообщить о них за ужином.

После десерта, за второй чашкой кофе, в гостиной витал дух ожидания.

— Ну, Уолтер, что вы хотели сообщить нам? — начала Кора. Она была напряжена, ожидая услышать наихудшее. Несмотря на лечение, она была натянута как струна.

Хобарт откинулся на спинку стула, достал из кармана пиджака трубку и табак.

— Она весьма сложный ребенок, — сказал он. — То, что я узнал о ее прошлом, о жизни с матерью... Удивительно, что ей не стало еще хуже. Возможно, Кора, в будущем вам ответят благодарностью за то, что вы взяли детей к себе.

Тетушка кивнула.

— В таком случае вы отбрасываете всякую идею о сверхъестественном, — заметил, улыбаясь, Ричард. Дженини подумала, что он впервые улыбнулся за последние несколько дней.

— Абсолютно, — ответил Уолтер.

— Но... — Кора не закончила.

— Теперь послушайте, Кора, вы прекрасно понимаете, что я прав. Все совершенно поддается логическому объяснению — все эти последние события. Присутствие в ваших местах настоящего волка, да еще в это время, —

чрезвычайно неудачное совпадение, и только. Разумеется, ничего сверхъестественного в этом нет.

В этот раз Кора не спорила, хотя было совершенно очевидно, что ей стоит больших усилий сдерживаться.

— В то же время идея проклятия все еще усугубляет наши проблемы.

Уолтер набил трубку табаком, закрыл табакерку, спрятал ее в карман. Выудив оттуда спички, он продолжал:

— Фрейя верит в существование некоего проклятия. И использует эту идею для создания своих фантазий, направленных против окружающего реального мира.

Уолтер раскурил трубку, сделал несколько быстрых затяжек и выпустил дым с запахом вишни изо рта.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Ричард.

— Прожив несколько лет с такой матерью, Фрейя воспринимает мир как нечто неустойчивое, непостоянное, подобное жидкости, способной в любой момент измениться — часто в худшую сторону. Время, проведенное в вашем доме, в стабильной атмосфере, частично сняло ее нервозность, хотя и не до конца. Понадобится как минимум два или три года, прежде чем она начнет постигать, что далеко не всякую жизнь можно прожить в условиях реактивного самолета.

Несколько минут он молча курил трубку, собираясь с мыслями.

Дженни изменила положение своего тела в кресле. За окном было темно. Никакого воя волка. Она подумала, что, как только Уолтер объяснил ей причины болезни Фрейи, она больше ни разу не слышала волчьего воя.

— Ну так вот, — продолжал Хобарт, — когда маленький ребенок пытается справиться с проблемой изменчивости мира и когда его мир рушится от постоянно изменяющихся условий, то такой ребенок склонен фантазировать, чтобы уходить от реальности. Это называется шизофренией. Ребенок начинает жить своими иллюзиями и будет принимать каждую их частичку за действительность. Если не избавить ребенка от подобных фантазий на ранних стадиях, то тогда его поместят в клинику до совершеннолетия, а может быть, и до старости.

— Но у Фрейи никогда не было подобных фантазий до ее приезда сюда, — возразила Кора. — Когда она жила с матерью, она была нормальным ребенком. Она не впадала в глубокий сон, в эти комы. Все началось здесь, после того как она несколько месяцев назад приехала в поместье «Браккер».

— Ваши доводы не опровергают того, о чем я вам рассказываю.

Уолтер держал трубку в руке, другой он помешивал кофе в своей чашке.

«Объясни, Уолт, — подумала Дженни, — объясни нам все». Она почувствовала себя глупой, поверив в проклятие.

— Первые шесть месяцев, проведенные с вами, Кора, — самый долгий период стабильно-

сти в ее жизни. До этого каждые два или три месяца, иногда даже две или три недели она кочевала из пентхауса одного отеля в другой, из одной европейской столицы в другую. Первые три месяца здесь она ждала, что в любой момент ночью или днем ее заставят сменить место жительства. Но чем дольше она оставалась на одном месте, тем больше она привязывалась к вам, тем больше любила вас. Она полюбила поместье и стабильную жизнь, которую вы ей смогли дать. В то же время чем сильнее она привязывалась к этому месту, тем больше она боялась. Теперь для нее стало более мучительным, чем когда-либо, срываться с места и перелетать куда-то еще. Каждый день она ждала, что за ней вдруг приедет Лена. Напряжение нарастало, а ведь оно было закупорено в девочке, как пар в котле, и ни крупицы не выходило наружу. В конце концов, разрядка стала происходить по ночам. Девочка просыпалась легенду о существовании семейного проклятия и впитала ее в себя как губка. Она нашла выход и стала фантазировать. В своих фантазиях она была беспощадным, сильным волком, она была сама себе хозяйка, и Лена не могла причинить ей вред.

Все сидели, притихшие.

- А комы? — спросил Ричард.
- Это способ сделать фантазии реальными. Это скорее кататония, чем настоящая кома.
- А вы можете помочь ей избавиться от иллюзий?

— Очень на это надеюсь! К тому же это моя профессия! — воскликнул Уолтер.

— Но как?

Кора не проронила ни слова. Хотя сейчас она была меньше напряжена, чем несколько минут назад. Но она все еще не расслабилась.

Хобарт задумался. Он вынул трубку изо рта и выдохнул дым:

— Прежде чем я сделаю вам предложение, я обязан вам кое-что объяснить относительно моих идей по этому вопросу. Почему я начал раздумывать в этом направлении. Я хочу, чтобы вам стало ясно: я даю вам рекомендации, потому что... я осведомлен о ваших семейных финансовых вкладах. Обычные дорогостоящие виды лечения ничего не дадут, и шансы на коренное улучшение состояния Фрейи будут равны нулю. То, что я хочу предложить, потребует от вас значительных денежных затрат, но это поможет достичь желаемых результатов по отношению к ребенку.

— Деньги не проблема, — ответила Кора.

— У нас их достаточно, и порой мы не знаем, куда их девать. Наши торговые дела и другие акции в геометрической прогрессии увеличивают благосостояние семьи. Сколько бы это ни стоило, это не будет для нас слишком дорого.

По этому пункту Ричард согласился с доводами своей мачехи.

— Случай с Фрейей весьма серьезен, — произнес Уолтер. — Я никогда не сталкивался с пациентом, который так отчаянно цеплялся

ется за свои иллюзии. Даже находясь под гипнозом, ребенок все равно хватается за них. — Он кивнул в сторону Дженнингс: — Вы присутствовали на втором сеансе. Не могли бы вы объяснить им, как вела себя девочка?

Все повернулись и посмотрели на Дженнингс, отчего она смущилась. Тем не менее девушка постаралась кратко рассказать о том, что происходило перед ее глазами в прошлый понедельник. Она попыталась передать ту ужасную уверенность, с которой говорила Фрейя о тех часах, когда ее душа переселялась в большого черного волка.

— Так повторялось на каждом сеансе, — продолжал Уолтер. — Я то и дело обнаруживаю слабое место в ее броне. Мне удалось раскопать кое-что. Но в работе с ней я по-прежнему выбиваюсь из графика. Она самый трудный пациент, который у меня когда-либо был.

— Вы хотите вызвать еще одного психиатра? — поинтересовался Ричард.

— Я не думаю, что в этом есть необходимость или что это поможет. Когда поваров куча, хорошей каши не сваришь. То же самое и с психиатрами.

— Все, что бы вы ни предложили, — к лучшему, — согласилась Кора.

— Я не исключаю вариант с приглашением других врачей. Если вы чувствуете, что следует пригласить второго психиатра, то я не против. Я не капризная примадонна, которая даст вам жару за такие дела. Если вы знакомы с кем-то, чье мнение вы уважаете, пригла-

сите его сюда. Или я сам могу посоветовать вам трех или четырех отличных специалистов в этой сфере, кто с удовольствием проконсультирует меня по этому случаю.

— В этом нет необходимости, — высказалась Кора.

— Очень хорошо, — ответил Хобарт. — Тогда вот вам мой совет... и я надеюсь, вам он не покажется слишком горькой пилюлей.

Снова глубокая затяжка.

Клубок дыма.

— Я прочел и понял, что в проклятии упоминается о том, что чары могут быть разрушены только тогда, когда это поместье и дом будут переданы из рук семейства Браккер кому-нибудь другому. Там так же говорится о том, что отец Сары Марианны слишком ревностно относился к своей собственности, и таким образом Сара решила наказать его — она дала знать, что проклятие будет действовать, только пока эта драгоценная земля принадлежит семейству Браккер.

Кора кивнула, соглашаясь с его интерпретацией прочитанной в старых книгах истории.

— Но каким образом это связано со всем этим? — недоумевал Ричард. — Мы говорили, что проклятие — глупая выдумка. И все согласились с этим.

— Вот именно. Фрейя тоже прочла или где-то услышала пассаж о смене владельцев. Она искренне верит, что будет находиться под воздействием проклятия до тех пор, пока дом и земля носит имя семьи Браккер. Са-

мым трудным будет сломать этот блок ее иллюзий. Может быть, это и есть главное обоснование развития шизоидной личности.

— Продать особняк и землю? — воскликнул Ричард. — Абсолютно абсурдная идея!

— Нет-нет, вы не поняли меня! — возразил Уолтер, положив трубку на опустевшую тарелку.

Ричард в гневе вскочил со стула, как будто бы собирался схватить стол и перевернуть его. Мрачное настроение вернулось к нему. Он немного успокоился, но его напряжение до конца не спало. Весь его вид говорил о том, что человек крайне удивлен.

— Что вы имеете в виду?

— В случае с Фрейей огромную роль сыграет тот факт, если Кора найдет дом в городе и переедет туда с детьми. Там можно устроить временную резиденцию, а детям можно сказать, что поместье продали. Но естественно, вы этого и не сделаете. Тогда, если Фрейя и в самом деле следует своим фантазиям, она должна будет понять, что проклятие разрушено. Она потеряет интерес к своим выдумкам и даст мне возможность при дальнейшем лечении психоанализом проникнуть в ее мысли и вытеснить все ее иллюзии.

— Как долго Кора будет жить далеко от дома? — спросил Ричард.

— Год, может быть, два. Мы сможем потом не спеша объяснить девочке, что поместье никогда не продавали. К тому времени ее восприятие мира будет достаточно устойчи-

вым, и она переварит этот факт без душевной травмы.

Ричард взглянул на мачеху:

— Что ты думаешь об этом? Пойдешь ли ты при необходимости на это?

— Мне не нравится мысль, что придется ей лгать, — ответила Кора. — Через два года, когда девочка поймет, что ей солгали, она никогда больше не поверит нам.

— Она поймет, что все делалось ради ее блага, ради ее выздоровления. Правда ведь, доктор?

— Естественно. Она не слишком рассердится на вас.

— Нет, она нам больше не поверит, — без всякого выражения произнесла Кора.

— Кора.... — начал Ричард, но она перебила его:

— Я знаю детей. Она никогда больше нам не поверит.

— Уолтер, а может так случиться, что произойдет рецидив, после того как она узнает, что мы ей лгали?

Уолтер закашлялся и что-то промямлил, очевидно затрудняясь с ответом.

— Может такое случиться или нет? — настаивала тетушка.

— Небольшой риск есть.

— Насколько он мал?

— Один шанс из ста, что у нее будет рецидив после двух лет лечения психоанализом.

— Риск слишком велик, — настаивала Кора. — Если случится рецидив, она никог-

да не будет доверять нам, и нам не удастся во второй раз преодолеть ее недоверие.

— Что же мы еще можем сделать? — спросил Ричард.

— Я собираюсь продать поместье и землю. — Губы Коры дрожали, хотя выговорила она это твердо.

— Нет! — закричал Ричард.

— Я сказала, что мы поступим так. Я владелица поместья, Ричард. Что тебе дороже, Ричард? Здоровье детей или земля?

— Это нечестно!

— Неужели?

— Кора, эта земля принадлежит нашей семье почти сто двадцать пять лет. Даже больше. Это дом моего отца, дом, в котором родился я. Я не хочу, чтобы его продавали!

— Мне очень жаль, что я вызвал здесь кое-какие трения. Это совершенно не входило в мои намерения.

Дженни с сочувствием посмотрела на Уолтера, она понимала, что ему ужасно неприятен разыгравшийся у него на глазах скандал, косвенной причиной которого стал он сам, предложив идею улучшения состояния Фрейи. Он был настолько джентльмен, что выглядел ошеломленным при виде бешеного гнева Ричарда.

— Ричард, не смущай нашего гостя. — Это был лишь малейший проблеск злости, проявленный Корой.

— Я не рекомендовал бы вам продавать землю или особняк. Я настоятельно прошу вас подумать, Кора. Все, что я просил, —

так только сделать вид... — проговорил Уолтер.

— Я продам. В этом доме я была счастлива со своим мужем. Но в последнее время особняк вызывает у меня несколько иные ассоциации, чем прежде. Я никогда не смогу войти в конюшни, не вспомнив Холликросс и Ли Саймингтона.

Уолтер попытался обсудить с ней менее радикальный план. Ноказалось, что она еще больше укрепилась в своем решении. Она немного порозовела. Она выглядела свежее, чем раньше. «Возможно, — подумала Дженни, — Коре даже больше, чем Фрейе, будет полезнее уехать из дома».

В конце концов, ссора между мачехой и пасынком разгорелась с новой силой. Лицо кузена покраснело от гнева, он стучал кулаками по столу, выражая свое недовольство. Затем он, неистово ругаясь, отодвинул стул от стола и проговорил:

— Я буду судиться с тобой. Я постараюсь заставить их защитить эту землю и этот дом, обратить дело в мою пользу, в пользу моего наследования. У меня весьма небольшой шанс, но, возможно, я смогу получить временное, сдерживающее распоряжение против тебя.

С последними словами он резко повернулся и с силой ударил ладонью по столу. Блюдо с жаренным в тесте картофелем с шумом упало на толстый ковер. Содержимое рассыпалось по шикарному шерстяному покрытию.

Он не остановился, чтобы осмотреть нанесенный ущерб, и зашагал прочь из комнаты.

Кора была потрясена:

— Возможно, я еще немного все обдумаю.

Может быть, день или два.

— О? Я думал, что минуту назад вы определились в своем решении.

— Нет, не сейчас.

— Поступайте так, как считаете нужным, Коря. Не давайте мне или кому-либо еще повлиять на вас.

— Два дня. Затем я приму окончательное решение.

— Ваше собственное мнение так же важно, как и все остальное, с чем мы имеем дело.

— Два дня.

Наверху Ричард сильно хлопнул дверью своей комнаты.

Глава 14

На следующий вечер исчезла Фрейя.

В середине того дня грозовые тучи полностью затянули небо. Большие черные массы воды, падая на землю, превращались в пар и низко зависали над горами, направляя вниз тонкие щупальца серого тумана, постепенно покрывающего землю. Огромные капли воды падали на высущенную землю. Они с силой ударяли по оконным стеклам и, подобно топоту тысячи пар крохотных ножек, барабанили по шиферной крыше. Ливень все еще был где-

то вдали. Как бывалый артист, он ожидал подходящего момента для выхода на сцену.

Дженни целый день просидела в своей комнате. Она только и делала, что читала, да дважды спускалась на кухню поболтать с Анной и совершила небольшие набеги на холодильник. Она сделала маникюр, с удовольствием отметила, что несильно повредила ногти.

В половине шестого вечера стало ясно, что грозы не избежать. Облака медленно и очень низко проплывали по небу. Где-то там слышались приближающиеся раскаты грома. Листья деревьев бились о ветви, выставляя их обратную светло-зеленую сторону.

В десять минут седьмого Уолтер отправился в город по своим личным делам. Он сказал, что пообедает в ресторане. Показалось, что дом опустел. Когда Хобарт был здесь, настроение Дженинн улучшалось, даже если они и не встречались с ним. Ей было достаточно знать, что он рядом.

В двадцать минут седьмого Гарольд накрыл стол для близнецов и направился в комнату к детям, чтобы пригласить их спуститься вниз к ужину. Он выяснил, что Фрейи нет в ее спальне, где ей следовало быть, готовясь к обеду. Фрэнк не видел сестру с той поры, как без четверти шесть отправился принимать душ.

В шесть тридцать Гарольд осмотрел все комнаты на втором этаже, побеспокоив при этом Дженинн и Кору, хотя он и не сообщил

им, в чем дело. Он весьма долго прослужил в этом доме, чтобы быть таким легкомысленным и пугать всех раньше времени. Вначале он решил осмотреть все сам.

В шесть тридцать пять он исследовал весь третий этаж. Неиспользуемые и покрытые паутиной апартаменты были теперь царством пауков и пыли. Фрейя должна быть где-то здесь, но ее не было. Гарольд спустился вниз, позабочился о том, чтобы запереть дверь, ведущую наверх, так как она не была на замке.

В шесть сорок пять он обследовал все комнаты первого этажа, узнал у Анны, видела ли она девочку, и через парадную дверь вышел из дома, чтобы осмотреть площадку вокруг.

В шесть пятьдесят он вернулся с конюшни. Он все еще не обнаружил ни единого следа ее присутствия, все лошади были на месте, включая пони, на которой она обычно каталась.

Было без пяти семь, он осторожно постучал в дверь Коры. Он содрогнулся, услышав ее измученный голос:

- Да, Гарольд.
- Плохие новости, мадам.
- В чем дело?
- Фрейя пропала.

Вскоре после этого все шестеро прочесывали все вокруг, осматривая те места, которые Гарольд мог пропустить, включая стенные шкафы и кладовые. Даже несмотря на то, что дверь в подвал всегда заперта, они спустились вниз, туда, где хранились ящики с фруктами, в холодные кладовые, они проби-

рались сквозь массивные блоки известняка, на которых держался фундамент дома, — и всюду искали девочку.

Они звали ее.

Она не отвечала.

Они заставили Фрэнка составить список мест, где они вместе любили играть.

Но и там, ни в одном из этих мест, ее не нашли.

Дженни страстно желала, чтобы Уолтер был сейчас с ними. Он бы мог сделать умное предположение и объяснил бы, что в исчезновении девочки нет ничего экстраординарного, как и в том, что каждое утро восходит солнце. Дженни нуждалась в атмосфере стабильности, окружающей Хобарта. С особой силой эта необходимость проявлялась, когда Дженни во время поисков каждый раз оказывалась в компании Ричарда.

После исследования ближайшего участка она вновь столкнулась с ним за домом. Гром сотрясал небеса, первые молнии разрывали облака и вонзались в землю. Дождь еще пока не начался, но с минуту на минуту ураган со всей мощью мог обрушиться на них.

— Где она может быть? — беспокойно спрашивала Кора. От волнения она заломила руки.

— В лесу, — ответил Ричард.

— Откуда ты знаешь?

— Это единственное место, которое мы не обыскали. Если ее и там нет, то она где-то вне границ владений. Хотя я с трудом могу пред-

ставить, как она перелезла через забор у главных ворот. Она должна быть где-то здесь.

— Но почему? В этом нет никакого смысла. Почему она захотела убежать от нас?

— Узнаем, когда найдем ее.

Ричард обратился к Гарольду:

— Принеси мой плащ, сапоги и какую-нибудь шляпу, чтобы не промокнуть. Я начну с леса за домом.

— Тебе помочь? — предложила Дженн. По правде говоря, ей не хотелось покидать уютный и теплый дом — особенно во время грома, и, конечно, не для поиска одержимого ребенка в мрачных лесах. Но, как и всегда, уроки Леоны Питт Брайтон помогли девушке справиться с охватившим ее страхом. Беда становится только хуже, если убегать от нее, — и отступает, когда ты поворачиваешься к ней лицом.

— Посмотрим, — ответил Ричард. — Я проповерю ближайший лес. Если ее там не найду, если она убежала куда-то дальше, нам понадобится помочь всех.

— И полиции? — взволнованно спросила Кора.

— Очень даже возможно. Но вначале позволь мне осмотреть ближайший лес.

Вернулся Гарольд и принес одежду. Ричард быстро оделся. Он прошел на кухню, остальные проследовали за ним, и вышел через заднюю дверь. Молодой человек начал осмотр с длинной лужайки, гроза разразилась новыми молниями и громом, а стены дождя почти скрыли Ричарда из вида.

Они наблюдали, как он шел вдоль кромки небольшой сосновой рощи. Он шарил по зарослям молочая, горной магнолии, рододендрона и змеиного винограда. Ветер доносил звук его голоса, когда он звал девочку по имени. Убедившись, что ребенка здесь нет, Ричард скрылся в тени деревьев.

Свет молнии осветил лужайку. В отблеске грозы трава из светло-зеленой становилась серой, а сосны отбрасывали длинные тени на лужайку.

«Интересно, нужно ли было идти с Ричардом? — спрашивала себя Дженн. — Наверное, нужно было настоять и идти с ним?» Она не испытывала особой уверенности в том, что будет в безопасности, отправившись с ним на поиски девочки. Она припомнила телефонный разговор о лекарствах и убийце. С тех пор так много испытаний сконцентрировалось вокруг Фрейи. Не похоже ли на то, что Ричард пытается втянуть и ее, Дженн? Если это так, не причинит ли он ей вред для достижения своих целей, где бы они ни оказались?

Почему она не сообщила полиции о его странном поведении? Почему она тянула до настоящего времени, когда Фрейе понадобились все друзья, чтобы справиться с проблемой?

Над домом прогремел гром.

Жуткая мысль мелькнула у нее в голове, злая и невообразимая, от которой Дженн в ужасе содрогнулась, которая сковала ее так, что, узнай она — ей на голову сейчас обру-

шится крыша — все равно бы и с места не сдвинулась.

Что, если Ричард сам организовал исчезновение Фрейи? Что, если в его туманные планы входило причинить вред девочке — и она, может быть, уже пострадала?

Он, должно быть, демонстрирует сейчас озабоченность, находясь там, под дождем, промокший до костей, он раздирает до крови руки и лицо о колючие кусты ежевики — и все это для того, чтобы показать, как сильно он беспокоится за девочку, и для этого он первый бросился в лес в поисках пропавшего ребенка.

Она хотела рассказать всем о своих предположениях, но не осмелилась. Сейчас, в этом доме, она чувствовала себя абсолютно чужой для всех.

Время тянулось ужасно медленно. Каждая минута казалась часом. Дженни поймала себя на мысли, что часто смотрит на часы. Каждые три-четыре минуты казались ей вечностью. Она надеялась, что прошло достаточно времени и что из леса вот-вот появятся Ричард и Фрейя. Но каждый раз, отводя взгляд от циферблата часов и посмотрев на лужайку, девушка никого не видела. Там ничего не двигалось, кроме дождя.

Они около тридцати минут отстояли на кухне у окна, устремив свои глаза вдаль, когда в переднюю дверь вошел Уолтер Хобарт и проследовал к ним. Прошло всего несколько минут после восьми.

— Джентльмена, которого я собирался посетить, не оказалось дома, — объяснил он. Все повернулись и ошеломленно уставились на него. — Я ужинал в ресторане. Ужасная гроза!

— Фрейя пропала, — сообщил Гарольд.

Все остальные молча смотрели на него. Дженни подумала, что они похожи на зомби. Она попыталась улыбнуться ему.

— Пропала?

— Я поднялся к детям, чтобы пригласить их спуститься к ужину, — объяснял Гарольд. — А ее не было.

— Когда это было?

— Двадцать минут седьмого. Я отчетливо помню это.

— Вы, естественно, обыскали дом.

— Сразу же, — ответила Кора. Ее голос дрожал, а в глазах стояли слезы. — Нам давно следовало переехать, Уолтер. Нам нужно было уехать из этого дома сегодня утром, как вы говорили. Если с ней что-нибудь случится, это будет полностью моя вина. Я виновата во всем!

— Глупости! — фыркнул Уолтер. Тон его голоса был столь неестественно резким и громким, что она моментально замолчала. Тетушка была поражена. — Вина полностью лежит на мне. Я не понял ребенка. Мне следовало предугадать такое.

— Нет, только я одна... — начала Кора.

— О, успокойтесь, Кора! — перебил он, прикинувшись расстроенным. — Если бы это

была ваша вина, я бы с радостью позволил взять вину на себя. Я никогда не думал, что с людьми надо нянчиться.

Дженни видела, что он сознательно старается быть резким с ней, а в действительности он держит себя в руках. Он понимал, в каком состоянии находится пожилая женщина, и выбирал надежный путь, чтобы успокоить ее.

— Вы осматривали конюшни? — спросил он у Гарольда.

Старик в деталях рассказал о предпринятых шагах. Когда он закончил, все увидели, что возвращается Ричард. Он шел по лужайке. Его не заметили раньше, так как внимание всех было приковано к другому.

— Нет и следа ее, — произнес он, войдя в дом.

— Что будем делать? — спросила Кора.

— Звоните в полицию, — приказал Ричард. — Позовите соседей. Для них это хорошая реклама — быть дважды в неделю приглашенными сюда. Они в любом случае получат удовольствие — даже если мы слишком поздно найдем ее.

— Слишком поздно? — воскликнула Дженни. Вопрос прозвучал так, будто бы это не она задала его, а кто-то другой.

— Ты, наверное, помнишь, что здесь бродит волк, — напомнил Ричард.

— О боже мой! — выдохнула Кора.

— Мы несколько дней не слышали его, — заметил Уолтер. — Со дня охоты. Вероятно, он испугался и ушел отсюда.

— Хотите воспользоваться случаем? — спросил Ричард. Вода стекала с него, образуя лужицу у его ног.

— Конечно нет! — отозвался Уолтер. — Я за то, чтобы начать поиски прямо сейчас. Но я не уверен, что нам следует поддерживать все эти лишние страхи в женщинах. В этом нет никакой пользы.

Ричард промолчал. Вместо этого он повернулся к Гарольду и выпалил имена мужчин и женщин, которых следовало пригласить для организации поисковой партии. Как только он закончил, Уолтер сказал:

— Подождите минуточку! Кажется, я сообразил кое-что. Черт бы меня побрал, как я раньше не подумал об этом.

— В чем дело? — спросил Ричард.

— Во время последнего сеанса в библиотеке, когда Фрейя была под гипнозом, она говорила о карстовых пещерах в северной части поместья. Она говорила, что волк свою добычу тащит туда и ест там. Однажды он утащил человека и сожрал его там. Это весьма кровожадно и неприятно, но она верит в это.

— *Мне* она никогда не рассказывала об этом, — раздался тихий голосок из угла, рядом с микроволновой печью. Там стоял маленький и напуганный Фрэнк.

— Что ты сказал, дорогой? — переспросила Кора.

— Она никогда не рассказывала мне о пещерах и о том, что волк любит туда ходить.

— Может быть, она позабыла, дорогой. —
Кора подошла к нему и крепко обняла его.

— Она мне рассказывала обо всем. Она не могла забыть об этом, — всхлипывая, выдавил мальчик.

— Хотелось бы, чтобы она не забыла, — сказал Уолтер. — Видите ли, она говорила это под гипнозом. Возможно, это был подсознательный фрагмент ее систематических иллюзий. В действительности она и не задумывалась об этом. Более того, она и не могла сообщить ему.

— Я поеду туда на лошади, — произнес Ричард. — Если идти туда пешком, понадобится полчаса. Верхом вдвое короче.

— Я поеду с вами, — предложил Хобарт. — Будет лучше, если мы вдвоем осмотрим пещеры и впадины.

— Я тоже поеду, — настойчиво произнесла Дженни.

— Ну уж нет, — возразил Уолтер. — Погодка подходящая, чтобы подхватить пневмонию. Мы с Ричардом и сами справимся.

— Так давайте же отправляться, — предложил Ричард.

— Я вызову доктора Мальмонта, чтобы он приехал и был готов осмотреть ребенка, — произнес Уолтер. — Я объясню ему ситуацию, чтобы он знал, что брать с собой. Затем я сбегаю наверх и надену сапоги. Идите вперед, я вас догоню.

Ричард вышел на улицу, закрыл за собой дверь и побежал за дом по направлению к конюшне.

Уолтер позвонил доктору Мальмонту и вкратце объяснил, в чем дело. Он положил трубку и, перескакивая через две ступени, взбежал по лестнице на второй этаж. С минуту он искал свои сапоги и затем сбежал вниз, на ходу застегивая пуговицы плаща.

— Гарольд, не знаешь ли ты, взял ли Ричард с собой оружие?

— Зачем вам понадобятся ружья? — спросила Кора, прижимая к себе Фрэнка.

— Так, на всякий случай.

— Волка там не...

— Я и не говорил, что он там.

— Нет, у Ричарда нет оружия с собой, — отозвался Гарольд. — Но у него есть ружье в конюшне, там, где стоит Тьюлип. Хотелось бы, чтобы он вспомнил о нем. Если он его не возьмет, захватите ружье для него. Патроны в коробке, в металлическом ящике, рядом с стойлом.

— Хорошо.

Уолтер повернулся и направился к входной двери, открывая ее, он впустил громыхающие звуки грозы.

Не задумываясь о приличии, Дженин бросилась к двери и крепко обняла доктора:

— Будьте осторожны там, пожалуйста! О! Пожалуйста, будьте там очень осторожны!

— Я буду. — Он не удивился подобному проявлению ее страсти. — Не волнуйтесь, я вернусь.

Он высвободился из ее объятий и шагнул в дождь, закрыл дверь и поспешил вниз по дорожке к конюшне.

Спустя несколько минут она поняла, что почувствовала, когда обнимала Уолтера. В правом кармане его плаща. Тяжелое и смертоносное. Пистолет...

Глава 15

Дженни довольно долго размышляла над важностью своего открытия. Она стояла у окна в передней и смотрела на дождь и подъездную аллею, уходящую в темноту и туман. Остальные остались на кухне, они пили кофе и утешали друг друга. Девушка предпочла уйти в зал, чем остаться с ними. Ей необходимо было побывать одной и все обдумать.

Прошлый раз во вторник, когда они принимали участие в организованной охоте, Уолтер был безоружен. Он сказал ей, что он не имеет собственного оружия и что он против насилия.

Но сейчас у него пистолет.

Где он его взял? Неужели все эти две недели он держал оружие наготове? Если это так, то зачем?

По лужайке стремглав пробежали белочки и исчезли в ветвях вяза, скрываясь от дождя. Промокший мех животных прилип к их телам.

Она не могла себе представить, что Уолтер может солгать. Тем более, что он производил впечатление человека, не способного на ложь.

В таком случае он привез оружие из города сегодня вечером. Несомненно, это так. Он привез его с собой, потому...

…Потому что у него появились причины не доверять Ричарду!

Так вот в чем дело! Значит, это были не только ее подозрения, касающиеся неприятных поступков кузена. Эти две недели Уолтер также наблюдал и слушал и стал задумываться о том, что в поведении молодого наследника есть нечто опасное.

Но что же такое он увидел или услышал — такое, что заставило его совершить столь ужасный поступок, как покупка оружия. Видимо, ему нелегко было принять решение вооружиться, ибо это шло вразрез с его верой и моральными принципами. Чтобы пойти против своего характера, он должен был узнать нечто ужасное о Ричарде. Такое, что могло стать убедительным доказательством его вины. Но Уолтер не из тех, кто действует по прихоти или по подозрению.

Чем больше она размышляла обо всем, тем больше пугалась. Какого черта Уолтер отправился туда в такую погоду, если он не доверяет Ричарду? Он спросил у Гарольда, есть ли у Ричарда с собой ружье. Очевидно, он беспокоился, как бы Ричард не использовал оружие против человека.

Понял ли Ричард, что Уолтер поймал его на чем-то и что доктору известно, какую роль он сыграл в этих трагических событиях? Не-

ужели Ричард убьет Уолтера, чтобы тот не сказал ни слова?

В это, казалось, невозможно поверить. Однако один смертельный случай уже есть. Хотя Ли Саймингтона пригласил сам Ричард, кто осмелится сказать, что он здесь ни при чем? А если убийство совершилось, вряд ли он остановится перед другим...

Последняя мысль решила все. Девушка покинула зал и, перескакивая через две ступени, поспешила в свою комнату. Через две минуты Дженни бежала вниз по лестнице, одевая на ходу плащ, на ногах черные невысокие резиновые сапоги, капюшон плаща прикрывал голову и был завязан под подбородком. У двери она немного помедлила, в голове мелькнула мысль о том, чтобы предупредить всех, но Дженни тут же отогнала ее, так как они могли задержать и даже запретить ей покидать дом. Она открыла дверь и шагнула за порог.

Подобно крошечным, бесчисленным дробинкам, дождь бил по лицу.

Дул теплый ветер, и она вспотела в своем тяжелом плаще. Вода заливалась за ворот и стекала по шее.

Она пробежала по дорожке, обдумывая, как ей побыстрее добраться до пещер. И что ей делать, когда она доберется туда? У нее нет оружия. И даже если бы ее карманы были забиты оружием, она бы все равно не воспользовалась им. Все, на что она может надеяться, — так это добраться туда раньше Уолтера.

Если они будут с ним вдвоем, то у Ричарда останется меньше шансов предпринять что-либо и избавиться от них.

Впереди виднелись очертания конюшен.

Молния расколола непроглядную темноту.

Дождь усилил свою дробь. Второй удар грозы осветил все вокруг неземным сиянием.

Девушка задрожала, но продолжала идти. Леона Брайтон не одобрила бы трусливого поведения.

«*Берегись, Дженнни, берегись...*» — казалось, говорят ей голоса мертвых.

Добравшись до конюшни, она нырнула в затхлый и сухой воздух. Единственная электрическая лампочка освещала узкие стойла. Дженнни запыхалась, ей пришлось остановиться и передохнуть. Она смахнула капли дождя с лица.

Запах сена и овса был очень приятным, особенно в такую ночь, как эта.

Прежде всего Дженнни подошла к тому месту, где хранилось ружье, рядом со вторым стойлом, направо. Она открыла дверь, но ружья там не обнаружила, не было и пуль в ящике внизу.

Возможно, ружье забрал Уолтер, хотяомнительно. Теперь, когда у него есть свой пистолет, ружье ему ни к чему. Гарольда он расспрашивал только для того, чтобы убедиться, вооружен ли Ричард. Похоже, что да...

Два стойла были пусты. Осталась только Тьюлип. Кобыла повернула свою красивую голову и посмотрела на Дженнни умоляющим взглядом, как будто и она хотела отправиться в

позднюю прогулку, неожиданную для всех. Или же, наоборот, ее молящий взгляд означал, что она не желает выезжать в столь ужасную погоду. Что бы это ни значило, Дженни быстро оседлала лошадь и ударила ее кончиком вожжей.

Тьюлип фыркнула.

Снаружи раздался оглушающий раскат грома.

Тьюлип заржала и, встав на дыбы, заплясала на задних ногах.

Дженни погладила и успокоила кобылу. Тьюлип присмирела. Дженни села верхом, взяла вожжи и, понукав лошадь, направила ее из конюшни.

Выйдя под удары дождя, лошадь вздрогнула, но легко поддалась управлению. Дженни наклонилась к шее кобылы, чтобы при новых раскатах грома прошептать ей успокаивающие слова.

Лошадь поскакала.

Тьюлип чувствовала страх своей хозяйки. Она перешла на галоп. Дженни должна знать, куда она направляется. Но у нее не было ни единой мысли в голове по поводу того, что ее ждет...

Глава 16

Поскольку Уолтер всего лишь раз обезжал имение «Браккер», он не знал его так хорошо, как Дженни. Он мог поехать к карсто-

вым пещерам по маршруту, которым ездили во время охоты в прошлый вторник. Выбранная им дорога была длиннее. Дженнни чувствовала, что у нее есть шанс обогнать его и добраться туда минут на пять раньше.

Она дергала за уздечку и подхлестывала лошадь, заставляя Тьюлип бежать рысью.

Дженнни совершенно забыла о своих ухоженных ногтях.

К счастью, деревьев на выбранном девушкой пути было не так много. В противном случае они бы мешали ей двигаться быстро. Яркая летняя луна скрылась за облаками. На землю, подобно покрывалу, опустилась темнота. Теперь девушка видела дорогу не далее трех метров впереди себя. Если вдруг попадется препятствие, то им едва удастся преодолеть его.

Тьюлип шумно дышала и фыркала.

Дженнни вновь дернула поводья.

Она преодолела третью пути, уверенная в том, что доберется до пещер раньше Уолтера.

В небе раздались ужасные раскаты грома. Острый клин молнии вонзился в землю.

Лошадь взвилась на дыбы.

Прогрохотал второй удар грома над землей, и молния осветила края облаков.

Тьюлип обезумела от страха, ужас завладел всем ее существом.

Дженнни не сумела удержаться в седле.

Одна нога девушки выскользнула из стремени, и Дженнни судорожно пыталась высвободить вторую, чтобы лошадь не протащила ее

по камням. Она чувствовала, что теряет равновесие. Она тяжело ударились о землю. Боль пронзила левое бедро.

Каким-то чудом ей удалось увернуться от копыт, взрывающих землю в нескольких шагах от ее головы. Грязь и трава летели в лицо.

Наконец наступило затишье. Не было грома и молний, только черное небо и шелест дождя.

Тьюлип ускакала вперед в поисках убежища. Пробежав несколько метров, кобыла запуталась в поводьях и остановилась. С недоумевающим видом она огляделась вокруг, громко заржала, мотнула головой и наклонилась к сочной зеленой траве.

Дженни попыталась осторожно подняться. Она сделала несколько глубоких вдохов, пока не утихла боль, и потихоньку выпрямилась. Девушка ощупала бедро и убедилась, что ничего не сломано. Она прошлась, помахала руками, сделала несколько приседаний, восстанавливая кровообращение и дыхание. Вскоре боль и совсем прошла.

«Больше не садись на эту лошадь», — предупреждал внутренний голос.

Но выхода не было.

«Она могла убить тебя!».

Но Ричард может убить Уолтера. Дженни всеми силами старалась избежать *неведомого*, а сейчас Тьюлип и была фактором неизвестности. Она должна ехать вперед. Уолтер — ее опора, ее спасительная гавань, ее оплот про-

тив *внезапного и неведомого*. Без него она вновь окажется в плену страха и хаоса.

Девушка прошла вперед, ласково обращаясь к лошади. Дженнни улыбнулась и чувствовала себя глупо, уговаривая Тьюлип, как ребенка. Ей необходимо любой ценой успокоить кобылу.

Большими влажными глазами Тьюлип следила за хозяйкой. Животное мирно паслось, набивая рот травой и методично пережевывая ее. Нижняя челюсть лошади смешно двигалась из стороны в сторону.

Дженнни было не до смеха. Она потихоньку приближалась к Тьюлип, моля Бога, чтобы ничего не спугнуло ее снова. Она продолжала говорить ничего не значащие, успокаивающие и ласковые слова. Каждая минута была дорога, ибо она приближала Уолтера к стычке с Ричардом Браккером.

Когда Дженнни была всего в нескольких метрах от кобылы, та повернулась и трусцой на несколько метров отбежала от хозяйки. Несколько минут она наблюдала за девушкой, затем продолжила свое занятие.

Девушка разозлилась, но сдержалась. Любое проявление гнева может только спугнуть лошадь. Дженнни уговаривала ее нежно, спокойно...

В этот раз лошадь осталась стоять на месте.

Дженнни дотронулась до шеи кобылы. Лошадь вздрогнула, но не отскочила в сторону. С минуту Дженнни уговаривала и гладила Тью-

лип. Она вставила ногу в стремя и вскочила в седло.

Тьюлип не пыталась сбросить ее.

Потянув поводья, девушка направила лошадь в сторону пещеры. Она все еще бормотала ласковые слова.

Последняя часть пути пролегала через лес, и лошадь сбавила шаг. Густая крона вязов заглушала удары грома и скрывала вспышки молний.

Мысли об Уолтере Хобарте не покидали ее. Она понимала, что все его намеки в ее адрес за последние две недели выдавали его интерес к ней. Но она не сделала ничего, чтобы дать понять Уолтеру о своей симпатии к нему. Каждый раз, поднимаясь к себе и подводя итоги за день, она желала, чтобы он испытывал к ней то же самое, что и она. Но она ничем не выдала своих чувств к нему! Как глупо!

К счастью, сегодня вечером, когда Уолтер был уже готов выйти из дома, отправляясь вслед за Ричардом к пещерам, Дженин преодолела свою природную застенчивость и обняла Уолтера. Она испугалась, что он может не вернуться. Страх помог раскрыть ее чувства. Спасибо Богу за это! Если бы она не решилась обнять его, она бы не почувствовала пистолет в его кармане и никогда бы не узнала, что в этот вечер может произойти непоправимое!

Лошадь и всадница выехали из леса и сразу же ощутили сильные потоки дождя. В лесу дождь был слабее. Впереди замаячил

ужасный пейзаж известняков. Только приземистые кустарники да несколько акаций сумели пустить корни и выжить на этой земле. Но даже они выглядели хилыми, их скорченные ветви, покрытые редкой листвой, напоминали когти. Круглые камни известняка обросли мхом. В некоторых местах земля исчезала в черных проемах пещер. Травы было мало, да и та выглядела какой-то серозеленой и чахлой.

В пятидесяти метрах от себя Дженнини увидела привязанную к ветке вяза лошадь. Дерево росло на краю пустоши. Она не знала, чья это лошадь: Ричарда или Уолтера, который ее опередил. Она не видела поблизости вторую лошадь. Дженнини предпочла думать, что ей удалось приехать раньше Уолтера, хотя это вряд ли было возможно.

Она потеряла много времени из-за падения. Дженнини прошла совсем немного, когда за грудой серых камней заметила Ричарда.

— Дженнини, — удивился он, выступая вперед, чтобы лучше рассмотреть ее.

Сердце девушки забилось сильнее. Руки у него были свободны. Ружья не было. Но она догадывалась, что если он воспользовался им, то, возможно, избавился от него.

- Где Уолтер?
- Я его не видел.
- Ты уверен?

— Заверяю тебя, что нет, — с сарказмом ответил он. Инициатива перешла к Ричарду. — А ты-то что здесь делаешь?

Девушка помедлила с ответом, собираясь с мыслями. Он быстро преодолел расстояние, разделяющее их, и теперь стоял рядом. По бледному лицу стекал дождь, в темных ресницах блестели капельки воды.

— Тебе не следовало выходить в такую непогоду. Ты одна?

— Да.

— Зачем ты приехала?

Возможно, по причине плохой погоды, мрачного пейзажа, сверкающих глаз кузена, требующих ответа; возможно, падение с лошади сыграло свою роль, но Дженнери потеряла над собой контроль. Она осмелилась и высказала то, о чем никогда бы не сказала раньше в теплой и относительно спокойной атмосфере поместья.

— Я не верю тебе, — прокричала она.

— Что?

— Думаю, что никто не должен доверять тебе. Считаю, что ты или тот, кого ты нанял, виновны в происходящем. Ты или тот, кому ты заплатил, убили Ли Саймингтона.

Ну вот! Худшее случилось! Произошло то, чего она больше всего боялась! Если он нападет, она попытается сбежать.

— Ты сошла с ума! У меня твердое алиби. Ты знаешь, что и полицейские подтвердили это.

— Алиби можно подстроить заранее. С кем ты разговаривал по телефону? Ваш разговор я случайно подслушала. Кто тот убийца, о ком вы говорили? Может быть, ты сам? А, Ричард?

— Так вот почему ты так странно вела себя! — изумился он.

Дженни отступила на шаг назад:

— Думаю, что у меня есть причины вести себя таким образом. Прими это за предупреждение.

Ричард рассмеялся. Он просто заливался смехом!

Лучше бы его лицо исказилось от ненависти и гнева, чем от безудержного смеха. Дженни больше была готова к первому. Но Ричард повел себя совершенно иначе. И это странно! Неужели он сошел с ума? Почему у него такая реакция на обвинение?

— Перестань смеяться!

Но он никак не мог остановиться. Ричард вытер слезы, появившиеся от смеха. Легкий румянец окрасил бледные щеки.

— Ну, пожалуйста, Ричард, — попросила Дженни.

— Все объясняется очень просто. Ты говоришь, что подслушала мой разговор по телефону. Затем видела, как я крался к конюшне. Ну кто бы мог подумать, что я причина всех неприятностей.

— А что еще я могла подумать? — возразила девушка.

Дженни не доверяла кузену. Что, в конце концов, он думает?

— Да и я не лучше. — Он перестал смеяться, а просто улыбался ей. — Я думал, что и ты замешана во всем этом. Иначе что могло тебя заставить следить за мной и подслушивать мои разговоры?

— Это получилось случайно, — оправдывалась Дженнини.

— Да, но только не подслушивание.

— К тому времени я уже подозревала тебя, — возразила кузина.

Она совершенно не понимала, почему она оправдывается. Это он обязан объясниться.

— Единственное, в чем я замешан, — так это в попытке сохранить дом и землю. Эта собственность принадлежит нашей семье почти сто двадцать пять лет. Мне не хочется превращать все это в сеть ресторанов и бензоколонок только из-за того, что вблизи поместья прокладывают автотрассу.

Дженнини молчала. Она почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Привычное чувство неуверенности вернулось к ней. Только Уолтер Хобарт мог успокоить ее и логически разъяснить происходящее.

— Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе все, что ты видела и слышала.

Голос кузена был мягким и встревоженным. Он вновь стал прежним Ричардом.

— Да, — тихо прошептала Дженнини.

За их спинами заржали лошади.

Ричард удивленно взглядался в кого-то в темноте.

Дженнини повернулась и посмотрела в ту же сторону.

В нескольких метрах от них под деревом стоял Уолтер Хобарт. В правой руке он держал наготове пистолет. Через левое плечо было перекинуто ружье. То самое, которое

обычно хранилось на конюшне. Но вовсе не этот факт заставил Дженнни задрожать от страха. Рядом с Уолтером сидел огромный волк. Красно-желтые глаза животного ярко горели в темноте. Хищник внимательно следил за Дженнни и Ричардом. Он как бы оценивал силу потенциальных жертв.

Уолтер Хобарт погладил волка по голове. Затем доктор выпрямился и рассмеялся. Его хохот был гораздо ужаснее, чем смех Ричарда...

Глава 17

«Дура, дура, какая же я дура! — мысленно ругала себя Дженнни. — Как я могла обратить внимание не на того. И отвергла того, кто не виновен ни в чем. И самое ужасное — позволить Хобарту использовать себя. Сыграть на моих чувствах с такой безжалостной расчетливостью».

От злости Дженнни была готова рвать все, что попадет под руку. И все же, несмотря на клокочущую в груди ярость, на собственную слепоту относительно Уолтера, девушке не хотелось верить, что ее так обманули. Хобарт не может быть втянут во все это. Он не может быть хладнокровным убийцей Ли Саймингтона. Он ведь такой внимательный, вежливый, рассудительный!

— Вы? — удивился Ричард. Он не верил своим глазам и был ошеломлен не меньше Дженнни.

— Похоже, так. Я-то думал, что вы начали меня подозревать, Ричард. И разочарован тем, что вас так легко одурачить. Конечно, следует отдать должное моим актерским способностям.

— Это ваш волк? — поинтересовался Ричард.

— Это не волк.

Сейчас он держал молодого человека и Дженни на прицеле. Хотя необходимости в этом не было. Достаточно и зверя у его ног, чтобы не дать им сбежать.

— Но ведь это животное — убийца.

— О да, конечно. Правда, оно лишь частично волк. В большей степени оно — немецкая овчарка. Великолепная смесь, отлично поддающаяся дрессировке.

— Дрессировке, чтобы убивать? — спросил Ричард. Он потянул девушку к себе, чтобы в случае необходимости прикрыть ее собой. Дженни покорилась. Столь быстро меняющиеся события сбили ее с толку.

— А чего еще желать армии США от такого животного?

— Армии? — переспросил Ричард.

— Да, я был во Вьетнаме. Восемнадцать месяцев.

Хобарт наклонился и погладил собаку по голове. По всему было видно, что он и не собирается заканчивать разговор. Он явно наслаждался, рассказывая им обо всем и отвечая на все интересующие их вопросы. Подобное поведение говорило о том, что, кроме них, об этом боль-

ше никто и никогда не узнает. Единственный шанс на спасение — в том, чтобы сыграть на его самонадеянности, на его потребности рассказать жертвам, какой он умный и как он все ловко продумал. Им необходимо выиграть время и найти способ как-то обмануть его.

Но как?

Хобарт внимательно посмотрел на них и продолжал:

— Я, естественно, не участвовал в боях. Я служил психотерапевтом в госпитале. Моей задачей было лечить тех, кто потерял память после взрыва, кто страдал паранойей и прочими психическими расстройствами, связанными с войной. Однажды в госпиталь один солдат принес Брутуса. Собака была ранена в левый бок. Солдат был очень привязан к псу и хотел, чтобы мы его спасли. В тот день к нам поступило сорок девять раненых. Врачам пришлось спасать людей, а не собаку. Я единственный был свободен. Вот и занялся спасением животного.

Собака зарычала, как бы подтверждая рассказ Уолтера.

— Пес жил со мной в палате. Конечно, это было опасно. Тем более, что Брутуса приучили подчиняться своему хозяину. В тот момент от потери крови он был очень слаб и не мог обидеть даже мышь. Первые три дня я кормил его из соски, пока он не смог лакать мясной бульон самостоятельно. Потребовалось две недели на то, чтобы он начал ходить по палате. И еще две — на его полное вы-

здравление. Вскоре после ранения собаки погиб ее хозяин. Брутус больше не видел его и, возможно, решил, что хозяин его предал. Я, напротив, был всегда рядом. Облегчал его боль. Кормил. Постепенно Брутус увидел во мне друга. Когда он окончательно выздоровел, то не ушел от меня. Всю свою преданность он переадресовал мне. По окончании службы в армии я забрал Брутуса с собой. Он стал великолепным сторожевым псом. Совсем недавно он проявил замечательные, деловые качества.

Хобарт неприятно улыбнулся.

— Но ради чего? Зачем?.. — начал было Ричард.

Доктор перебил его:

— На это есть несколько причин. Первая: доктор Мальмонт знал об увлечении Коры оккультизмом. Она читала книги о сверхъестественном, о реинкарнации и о всякой подобной ерунде. Он...

— Подождите, разве Мальмонт тоже с вами заодно? — Не дожидаясь ответа, Ричард сам ответил на вопрос. — Конечно, ведь это он рекомендовал вас!

— Дайте мне закончить, — недовольно произнес Хобарт. — Мальмонт рассказал мне о фамильном проклятии и о том, что это самый быстрый способ добраться до Коры. Брутус сыграл роль загадочной, страшной волчицы, бродящей по окрестностям поместья. Мальмонт был уверен, что Кора с радостью согласится продать имение, если узна-

ет, что это решит все ее проблемы. По отношению же к вам, Ричард, проклятие могло сбыться.

— Как вам удалось использовать собаку в убийстве Саймингтона? — спросил Ричард, застывая время. — Вас не было в конюшне.

— Верно. Когда я узнал о приезде ветеринара, который располагал некоторыми фактами о гибели Холликросс, я отправился к пещере, где прятал Брутуса. И привел собаку к главным воротам. Там нас уже ждал Мальмонт. Ему я и сообщил о прибытии Саймингтона. Под каким-то предлогом Мальмонт отправился в дом ветеринара. Ему удалось вынести шляпу. Я дал Брутусу понюхать этот предмет и провел некоторое время с ним, наставливая его на убийство владельца шляпы. Затем я оставил пса с Мальмомтом. Он не подчинялся доктору, но и не нападал на него, поскольку хорошо знал его. После всего я вернулся в дом и обеспечил себе алиби. Мальмонт выждал, когда Саймингтон проведет в конюшне минут пятнадцать, и наведался туда сам. Он выяснил, что ветеринар обнаружил шерсть собаки и что после проведения лабораторных анализов Ли сможет определить вид животного. Выйдя из конюшни, Мальмонт выпустил Брутуса из своей машины. Собака сделала свою работу и вернулась в машину. Позже я забрал пса у доктора.

— Весьма ловко, — прокомментировал Ричард.

— Благодарю.

Дженни решила, что сходит с ума. В здравомыслящем мире подобные вещи не должны происходить. Из-за таких хитрых и опасных представителей человечества, как Хобарт, люди попадают в ужасные ситуации. Должно быть, ей все это почудилось. С другой стороны, она понимала, что подобное случается и с другими. Разве не умерла Леона Брайтон? А ее родители? Неужели это не доказательство жестокости мира?

— А состояние здоровья Фрейи — ваших рук дело? — спросила Дженнни. Девушка ждала услышать отрицательный ответ. Она надеялась, что к списку его и без того гнусных деяний не добавится хотя бы столь безжалостное использование ребенка для достижения своих целей.

Но он ответил утвердительно:

— Да. Хотя идея принадлежит Мальмонту — это его часть игры.

— Каким образом вам удавалось вводить ее в транс в нужное время? — удивился Ричард.

— Доктор Мальмонт поставил девочке диагноз «недостаток витаминов». Он прописал ей препараты, которые сам же и доставлял. Каждая таблетка была помещена в пластиковую капсулу. Всего в коробке их было тридцать. Каждый день приема был отмечен на капсуле. Некоторые из таблеток оказывали сильное седативное воздействие. Система не срабатывала в редкие моменты, когда Гарольд или Анна забывали дать препарат во время. Впрочем, на следующий день они за-

ставляли девочку выпить таблетку. Так называемые утренние комы, которые выбивались из обычной схемы.

— Какая жестокость! — воскликнула Дженнни.

Хобарт рассмеялся.

— Риск был слишком велик, чтобы обращать внимание на всякие сантименты, — цинично проговорил он.

— Где сейчас Фрейя? — спросила Дженнни.

— Как ни прискорбно, но нам пришлось прибегнуть к такому необычному ходу. Нам было необходимо организовать исчезновение ребенка из имения и таким образом подтолкнуть Кору к принятию решения о продаже поместья. Так как я сам занимался лечением вашей тетушки, я внушил ей мысли о продаже дома и земли как лучший способ решения всех ее проблем. Но как только она поняла, насколько эта идея неприемлема для вас, Ричард, Кора сумела отбросить мысли о немедленной продаже имения. Видимо, она очень любит вас. Только сильные эмоции помогли ей избавиться от внущенных мыслей.

— А как же Фрейя? — перебил его Ричард.

— Я как раз собирался рассказать об этом. За время моих ежедневных сеансов я нашел момент, когда она полностью поддается гипнозу. После шести я зашел к ней в комнату, она была одна, и ввел ее в транс. Под влиянием гипноза она незаметно вышла из дома и села в мою машину. С ней сейчас Мальмонт. Ему известно

слово, которое выведет девочку из транса. Но произнесет он его, только когда они доберутся до его дома. В крайнем случае он может сказать, что обнаружил ее за воротами в бессознательном состоянии. Для большей достоверности он прихватил с собой бутылочку с кровью кролика, чтобы измазать ее.

— Вы сумасшедший! — выкрикнула Дженни.

Впервые за все время Хобарт нахмурился:

— Сумасшедший? Что-то не замечал за собой такого. У меня есть цель. И если способы достижения ее не совсем обычны, это вовсе не значит, что я не в своем уме.

— Вам нужна наша земля, — проговорил Ричард.

— Каждая ее пядь, — подтвердил Хобарт.

— Но зачем? — продолжал Ричард. — Какой бы выигрыш вы ни получили, он не окупил бы того, что вы совершили. Наша семья запросила бы твердую цену. И ваша прибыль была бы совсем небольшой.

— Видите ли, — рассмеялся Хобарт, — я гораздо умнее, чем вы думаете.

Это выглядело так, словно он вынужден доказывать им свою незаурядность, свой выдающийся ум и хитрость.

— Если бы мы рассчитывали на временный доход, мы бы ни за что не взялись за сложную и опасную затею, — продолжал Хобарт. — Вышло так, что друг Мальмонта, администратор в одной из бостонских компаний, несколько месяцев назад позвонил доктору и попросил подыскать ему небольшую ферму рядом с новой

автомагистралью. Он также просил Мальмонта посодействовать в покупке. Доктор нашел ферму, но за нее запросили высокую цену. Он позвонил другу в Бостон и сообщил, что вложенные деньги вряд ли окупят себя, даже с учетом того, что после окончания строительства дороги цены на землю вырастут. Но его друг ухватился за ферму, невзирая ни на что. Это вызвало подозрения у Мальмонта. Со временем доктор вынудил своего друга рассказать ему о том, что главное управление по строительству курортов тайно ведет переговоры о покупке земли в районе горы Брайаръоук-Маунтин. Они планируют создать роскошный лыжный курорт с минеральными источниками, озером и пляжами. Курорт будет способен принимать отдыхающих круглый год. Этот район превратится в один из крупнейших центров отдыха в США. После начала строительства автомагистрали между штатами, цена на окружающие ее земли выросла втрое. Но как только станет известно о курорте, цены поползут вверх с космической скоростью. И если сейчас можно приобрести землю по стоимости пять тысяч за акр, то потом эту же землю можно будет продать по цене в тридцать тысяч за акр. Мальмонт и я покупаем ее через третье лицо, а потом перепродаляем. Таким образом мы сможем иметь от полутора до двух миллионов прибыли в год.

Ричард присвистнул. Дженин не смогла понять, была ли это реакция на слова Хобарта, либо это сделано для того, чтобы сбить Уолтера с толку.

— Да, меньше состояния семейства Браккер, но и это не мало.

— А как вы объясните тот ужасный сеанс с Фрейей, на котором присутствовала и я? Она ведь в деталях описала превращение в обратня.

В душе Дженни все еще сохранилась отчаянная надежда доказать, что Хобарт не является источником зла, и девушка пыталась найти в нем хоть что-нибудь хорошее.

Хобарт, довольный собой, засмеялся:

— Днем раньше, во время сеанса, я внушил девочке эти вещи.

— Это отвратительно! — прошипела Дженни.

— Вы опять поддались сантиментам. Из вас никогда не получилось бы настоящей деловой женщины.

— Или чокнутой!

Улыбка сошла с лица Хобарта. Несколько минут он тяжело смотрел на нее. Затем он передернул плечами и проговорил:

— Впрочем, думайте что хотите.

Неужели она любила этого человека? Как он сумел одурачить ее? Теперь она понимала, что под маской мягкости и добродушия скрывалось зло. Почему она раньше не видела этого? Почему она думала, что он совершенно безгрешен?

Небо осветилось вспышкой молнии.

Лошади беспокойно били копытами по земле.

Дженни было больно вспоминать о своих переживаниях по поводу того, что она недо-

статочно хороша для Хобарта, недостаточно умна для бесед с ним, что он вдруг заметит ее сломанные ногти.

Как же она была слепа! Не поняла, что он расчетливый и холодный делец, преследующий лишь свои гнусные цели. Где была ее интуиция? Почему голоса умерших родных не предупредили ее о том, что надо быть осторожнее с Хобартом, а не с Ричардом?

— Я вижу, что вы боретесь сама с собой, — произнес Уолтер, пристально глядя на нее. — Хотите услышать мнение психоаналитика о себе?

— Зачем? В этом нет никакого смысла. Ваш пес все равно загрызет нас насмерть или вы застрелите нас из своего ружья.

— Из ружья Ричарда, — поправил Хобарт. — Мне лучше воспользоваться его оружием. Так мне легче удастся ввести полицию в заблуждение. И отвести подозрения от себя. Хотя я и сомневаюсь, что Брутус оставит вас в живых. — Уолтер ласково погладил собаку по голове. — Я получу огромное удовольствие, проведя психологическое исследование вашего душевного состояния, Дженнини.

Девушка вопросительно взглянула на Ричарда.

— Ну давайте, начинайте, — ответил кузен.

Хобарт облизал губы. Ему хотелось курить, но он боялся опустить ружье, чтобы достать трубку. Он сделал несколько шагов вперед. Собака шла рядом. Животное ни на

минуту не спускало глаз с Дженн и Ричарда. Совершенно беспощадных, неумолимых глаз, пылающих жаждой крови. Хобарт остановился в тридцати футах от них. Брутус сел у его ног.

— Я мало знаю о вашем прошлом, Дженн, — начал Хобарт. — Мне известно, что ваши родители погибли в автокатастрофе, когда вы были еще ребенком. Четыре месяца назад неожиданно умерла ваша бабушка. Но, наблюдая за вами и зная о вас даже такую малость, я полагаю, что вижу классический пример душевного расстройства.

Он помолчал, ожидая ее реакции.

— И что же? — спросила она. Сейчас девушка была напугана больше, чем когда-либо. Дженн вовсе не хотелось, чтобы доктор копался в ее мыслях и тем более в ее прошлом. Но ей необходимо выиграть время.

— Вы отчаянно стремитесь к стабильности. Даже больше, чем Фрейя. Это и в самом деле правда. Я не лгал, когда говорил, что девочке нужна стабильность. Итак, вы, Дженн, жаждете постоянства, безопасности и надежности. Это уже граничит с мягкой формой паранойи. Вы постоянно выискиваете некую злую силу, которая вот-вот вас погубит.

— И эта злая сила — вы, — заявила Дженн.

— Но именно благодаря вашей паранойе и вашей потребности в защищенности события и развивались таким образом. Видите ли, вы боились Ричарда, потому что не понимали его.

По этой же причине вы в той или иной степени боитесь всех, кто с вами рядом. До тех пор пока вы сами не разберетесь в источнике своих проблем, вы будете вести себя подобным образом. Все умные и думающие люди не поддаются полному пониманию. Вы можете знать Ричарда всю жизнь, но все равно будете каждый раз удивляться ему и находить в нем нечто новое. Вы способны на дружбу только с глупыми людьми, с людьми столь недалекими, что вы сможете понять их полностью, а значит, почувствовать себя в безопасности. Или же...

— Или же?.. — повторила Дженнини.

— Или же вы будете искать друзей среди тех, кто захочет обмануть вас. Если кому-то захочется изобразить из себя простака, нечто стереотипное, то вы решите, что полностью понимаете такого человека, и легко подружитесь с ним. Я — идеальный пример всего этого. Вы приняли меня за приятного, понимающего, всезнающего психолога. Вы обманулись во мне. У меня такое чувство, что вы даже немного влюбились в меня. Я играл роль человека, рядом с которым вам было спокойно и безопасно. Вы очень быстро поверили мне.

— Это и есть подробный анализ?

То, что сказал Хобарт, до глубины души потрясло девушку. С болью в сердце Дженнини пришлось признать, что он прав.

— Почти. Запомните, Дженнини, неожиданное остается неожиданным, потому что оно

подкрадывается к нам в образе чего-то знакомого и успокаивающего. Как только вы подумаете, что хорошо знаете человека, с этого момента вам следует подозревать его в нечестности по отношению к вам.

— Жаль, но у нее не будет случая воспользоваться вашим советом, Хобарт, — заметил Ричард.

Он все еще обнимал Дженнин за плечи.

Конечно, неприятно слышать о себе такое. С другой стороны, она узнала всю правду.

— Да, очень жаль, — согласился Хобарт.

— Послушайте, вы же знаете, что все скрыть вам не удастся. Два новых трупа заставят полицейских вновь прибыть сюда.

— И они найдут два тела, обезображеные волком. Тем самым волком, который уже доставил им массу хлопот.

Брутус лизнул руку хозяина и обнюхал его, как простой домашний пес. Но в то же время он мог в любую минуту по приказу хозяина разорвать их.

— Они, видимо, вновь организуют охоту, — продолжал Ричард, прижимая Дженнин к себе.

— Полагаю, вы правы.

Хобарту надоело беседовать с ними, и он готовился отдать приказ собаке.

— Вы не поняли, к чему я клоню, — возразил Ричард.

— Ну и к чему вы клоните?

— Они не найдут волка.

— Вряд ли это их расстроит. Они не обнаружили его и в первый раз.

— Но будет уже три трупа. И полиция предпримет все меры, обыщет все в округе, пока не убьет волка. Если вдруг они не найдут зверя, то им придется подумать о многом. Или кто-нибудь из них вспомнит, что и собак обучают убивать.

— Все это теория. На этот раз они найдут волка.

— Неужели? — удивился Ричард.

— Конечно. Мы и об этом подумали. Для этой цели Мальмонт приобрел лабораторное животное. Нам останется только выпустить животное на волю до начала охоты. Когда его убьют — все успокоятся.

Дженни невыносимо было слышать, насколько методично и точно Хобарт все спланировал. У них нет ни единого шанса избежать смерти.

Хобарт заговорил с собакой.

Зверь повернул голову в их сторону, оскалил зубы и зарычал.

Ричард пытался оттолкнуть Дженни подальше. В этот момент прозвучала команда:

— Убей их!

Глава 18

Лошади, привязанные к дереву, ощущали зло, выпущенное на свободу где-то во тьме, и реагировали на него. Они словно предчувствовали беду. Животные фыркали, били копытами о землю и натягивали вожжи. Их жалобное

ржание походило на детский плач. Тьюлип вставала на дыбы и била передними ногами по воздуху, словно нанося удары по невидимому противнику. При ударе о землю из-под копыт лошади летели искры, и она тут же снова взмывала вверх.

Хобарт встал на колени. На красивом лице блуждала все та же жуткая улыбка, которую раньше Дженнин никогда бы не смогла представить. Уолтер еще раз погладил пса по голове.

Брутус вскочил на ноги.

Желто-красные глаза, цвета огня и крови, злобно уставились на Ричарда и Дженнин. Собака была мощным и сильным животным, приблизительно фунтов в шестьдесят весом, с острыми зубами и когтями. Человек едва сможет долго противостоять его природной гибкости и силе.

Тьюлип продолжала свой дикий танец, звяня уздечкой и натягивая удерживающие ее поводья.

Шерсть на загривке Брутуса встала дыбом. Пес втянул голову в плечи, затем поводил ею из стороны в сторону, словно примериваясь, с какой стороны лучше напасть.

Неожиданно пес запрокинул голову назад и завыл.

Много раз, прислушиваясь в ночи к этому жуткому вою, Дженнин пыталась представить себе зверя, способного издавать страшный рев. Но даже самые смелые предположения не могли создать зверя более мерзкого и ужасно-

го, чем этот вьетнамский сторожевой пес, лишенный своего естественного места обитания.

— Убей их! — приказал Хобарт.

Дженни отказывалась верить, что Уолтер смог отдать такую команду, да еще и повторить ее с явным удовольствием.

Но Брутусу и не надо было повторять. Пес явно получал удовольствие от выполнения столь тяжкой задачи, что и являлось смыслом его существования. Он, должно быть, уже ощущал вкус плоти на зубах, а ноздри трепетали в предвкушении запаха свежей крови. Возможно, обычная домашняя собака так же с нетерпением ждет ласки хозяина.

Опустив голову низко к земле, не сводя глаз с жертвы, зверь, набирая скорость, ринулся вперед.

— Отзовите его! — выкрикнул Ричард.

В ответ Хобарт только рассмеялся.

Небо над ними сотряс мощный удар грома. Яркая вспышка молнии осветила небосклон. Ветер бил по лицам людей, развевал полы плащей. Брутус неумолимо приближался к ним, как будто ветер гнал его вперед.

Дженни пронзительно закричала.

Ей бы очень хотелось, чтобы все оказалось всего лишь кошмарным сном.

Лошади чувствовали приближение смерти. Они нервно били копытами и жалобно ржали.

Дженни хотела бежать, но Ричард с силой сжал ее руку и не позволил ей сделать это. Он твердо стоял на месте и пристально смотрел на приближающуюся собаку. Казалось, что

ужас парализовал его и он потерял способность двигаться, бежать и спасаться.

— Пусти меня! — закричала она.

— Стой на месте!

— Нет, нет, нет!

Ричард сильнее сжал ее руку.

— Он убьет нас! — заорала она.

Было похоже, что кузен не верил в подобный исход.

В небе вновь вспыхнула молния.

Собака почти добежала до них. Дженні ви-
дела крупные острые желтые зубы, слюна пу-
зырилась на губах, стекала на шею. Если про-
клятие Сары Марианны Браккер сработало,
то эта женщина наверняка рада была бы уви-
деть это ужасное существо, наводящее ужас
на ее фамильное поместье.

Когда расстояние между ними и собакой
составило не больше метра, Брутус бросился
на Ричарда, правильно определив самую тя-
желую для него жертву.

Раздался выстрел.

Казалось, что Брутус замер в прыжке, на-
толкнувшись на невидимый барьер. Выраже-
ние злобы и ненависти застыло в его глазах.
Он упал на землю, несколько раз перевернул-
ся и замер на боку. Но еще целую минуту пес
конвульсивно дергал лапами и в темноте слы-
шался скрежет его зубов, прежде чем он окон-
чательно затих.

Все произошло настолько неожиданно, что
Дженні не успела разобраться в сути случив-
шегося. Несколько долгих секунд она ждала,

когда ее, как кролика, разорвут на части. Съежившись, она продолжала ждать резкой боли от зубов и когтей.

Все время, пока Хобарт разглагольствовал о своем успешном, рискованном предприятии Ричард держал наготове пистолет, который он прятал в правом кармане своего плаща. Он знал, что это их единственный шанс выжить, и старался ничем не выдать себя. Теперь он навел пистолет на Хобарта и дал предупредительный выстрел над головой психиатра.

Хобарт запаниковал. Он бы еще мог выиграть, если бы сохранил спокойствие. Он бы мог выстрелить в ответ, но он бы не стрелял мимо цели, как Ричард. В отличие от кузена Дженни Уолтер был безжалостен. Но вид мертвой собаки шокировал его. Поскольку у него не возникало мысли, что кто-то может убить этого пса, Хобарт подпрыгнул, когда смертельно раненный пес ударился о землю, и выронил пистолет и то самое ружье, которое он взял в конюшне. Услышав выстрел над головой, Уолтер согнулся и, резко повернувшись, побежал. Психиатр впервые в жизни был сбит с толку.

— Хобарт! — окликнул его Ричард.

Но Уолтер Хобарт — образец выдержки и самообладания, тот, кто так тщательно спланировал каждый свой шаг и не потерял ни единого очка в этой игре, — не вынес поражения. За считанные мгновения он потерял все, что могло привести его к бесспорному успеху. Он в панике бросился бежать, как только нечто неожи-

данное вторглось в его скрупулезно продуманный план.

Дженни даже было жаль этого человека. Никому не нравится видеть, как твой мир рушится, распадается на бесполезные осколки. Она это знала, с ней случалось подобное.

— Хобарт, подождите! — пытался остановить его Ричард. Он взял доктора на прицел, но не решался нажать на спуск.

Пятый шаг Хобарта стал для него последним. Он привел его к округлому краю глубокого известнякового колодца, незаметного в темноте.

Раздался короткий вскрик, и все стихло...

Глава 19

Ричард по выступающим ярусам колодца осторожно спускался вниз, от одного яруса к другому, пока не нашел путь, ведущий к узкому гладкому выступу, на котором бесформенной грудой лежало тело Уолтера Хобарта. Дождь бил в лицо, и известняковые камни скользили под руками. Ричард почувствовал, что продрог до костей, и непонятно было, из-за дождя это или из-за событий этой ночи. Наверху Дженини стояла на коленях у края колодца, пристально вглядываясь в глубину. Свет от фонаря Ричарда был слишком слабым, чтобы пробить темноту, и делал его похожим на призрак, блуждающий по тропам своего подземелья. Впервые за многие годы Дженини почувствовала себя або-

лютно свободной и успокоенной. Ее не пугала ночь, плотно обступившая со всех сторон. Она не боялась появления чего-то неожиданного, не нуждалась в укрытии и случайных друзьях, чтобы поверить в себя. Раньше она тянулась к тем, кто, по ее мнению, мог служить ей твердой опорой в этом изменчивом мире. Такой опорой после смерти родителей была ее бабушка Леона Питт Брайтон, затем Дженни встретила Уолтера. Но теперь она прозрела и поняла, что единственным устойчивым является то, что ты создаешь сама для себя, и она была намерена приступить к процессу созидания уже сегодня. Ричард, плотно прижимаясь к скалистой стене ямы, протискивался по каменистому выступу к распластанному телу Хобарта. Добравшись до тела, он склонился над ним.

— Он в порядке? — донесся до него голос Дженни.

Ричард покачал головой:

— Он мертв.

Дженни почувствовала, как тошнота подкапывает к горлу. Она ужасно боялась смерти и надеялась, что никогда не увидит никого из своих знакомых умирающим, по крайней мере, в ближайшие двадцать лет. Но на этот раз, когда она встретилась со смертью, то не бросилась бежать и ее не охватил животный страх за свою безопасность. В эту ночь Джени пришла к согласию с миром.

— Ты уверен? — переспросила она Ричарда.

— Да, уверен. Он сломал себе шею при падении, — ответил Ричард.

Молча смотрели они на труп, и только шелест дождя был слышен в ночи.

— Что будем делать? — наконец спросила Дженнин.

— Мы свяжемся с полицией и отправим сюда людей за доктором и собакой.

— Но мы же не можем оставить лежать его здесь под дождем.

— Нам придется. Я разобьюсь, если попытаюсь вытащить его отсюда, — сказал Ричард и начал выбираться наверх, выискивая камни, по которым он спускался.

Вскоре он уже был рядом с Дженнин.

— Почему ты решил прихватить с собой пистолет? — спросила Дженнин, заставив себя отойти от ямы, где лежало тело.

— Ты все еще не доверяешь мне? — поинтересовался он.

— Нет-нет. Но это было столь неожиданно, как будто ты предполагал нечто подобное. Ты знал, что Хобарт будет один?

— Естественно, нет. Но я видел, что кто-то в своих действиях преступает рамки закона. Убийство Ли Саймингтона подтвердило мои подозрения, и мне пришлось взять пистолет.

— Как ты узнал? Почему я ничего не заметила?

— Справедливости ради я скажу, что знал о некоторых вещах, о которых ты не подозревала. Например, то, что ветеринар нашел интересные вещи при осмотре лошади. Животное усыпили огромной дозой пентатола, прежде чем на

нее напал волк. Вот почему никто не слышал ее ржания. Это лекарство легко приобрести в аптеке, и оно не вывело бы нас на убийцу.

Дженни все поняла:

— Так вот о каком лекарстве и убийце ты говорил с Саймингтоном по телефону в то утро, когда я тебя подслушала!

— Да.

— Какая я глупая!

— Вовсе нет, Дженни.

— Да-да. Я просто дура.

Ричард покачал головой, не соглашаясь с вердиктом:

— Ты была растеряна. Я это заметил, когда встречал тебя на автостанции. Но я уверен, что сегодня ты положила конец своим страхам, правда, Дженни?

Девушка смущилась, но кивнула.

— Однако позволь мне продолжить, — проговорил Ричард, вытирая влажное от дождя лицо. — Помимо лекарства Саймингтон обнаружил, что не все следы от когтей на теле лошади принадлежали волку. Некоторые из них были нанесены, по его подозрению, остро заточенными ручными граблями. Ширина порезов совпадала с теми, что могли быть сделаны граблями. Более того, в ранах он обнаружил микроскопические кусочки зеленой краски.

Дождь не был таким сильным, как раньше. Плотные облака кое-где разошлись, пропуская лунный свет.

Ричард продолжал:

— Очевидно, Хобарт не смог заставить Brutusa основательно поработать со спящей лошадью. Собака привыкла иметь дело с живым противником, который оказывает сопротивление, визжит и лягается. Хобарт предвидел это и принес ручные грабли, с помощью которых закончил работу над трупом лошади.

Дженни содрогнулась:

— Как ужасно!

Ричард успокаивающе погладил ее по плечу. Дженни приняла этот жест с радостью.

— Это тем более отвратительно, если брать во внимание, каким бессмысленным было убийство Ли Саймингтона. Они знали, что он нашел шерсть Brutusa в конюшне. И это могло вывести его на них. Но ни Хобарт, ни Мальмонт не знали, что конкретно на тот момент уже было известно Саймингтону. Шерсть могла бы помочь нам выследить собаку-убийцу, но не более того. Однако без этой улики мы сами бы вскоре попали в число подозреваемых.

— Это когда ты крался в конюшню ночью, а я следила за тобой из окна, не так ли? — спросила Дженни.

— Мне пришло в голову, что те, кто вовлечен в это дело, могут предпринять еще одну попытку запугивания. И если бы погибла еще одна лошадь, Kora непременно сдалась. Вот почему я отправился туда. Я прождал всю ночь, но никто не появился.

Они замолчали. Редкие капли дождя еще падали с неба, но он уже вот-вот закончится.

Грозовые тучи рассеялись, и полная луна сияла в небе, освещая все вокруг.

— Ну что, я прошел проверку, мисс Дженнин? — шутливо спросил Ричард. На его лице вновь появилась мальчишеская улыбка, которую она так давно не видела. — Удалось ли мне полностью оправдаться?

Дженнин помедлила с ответом, затем сказала:

— Нет, не удалось.

Ричард удивился:

— Что же я упустил?

— Это еще не все странности твоего поведения.

Дженнин не понимала, зачем она вновь воропшил прошлое. Ведь она знала теперь, что его не надо бояться. Что Ричард — единственный, кто спас ее жизнь, спас землю семейства Браккер, Кору, детей. Но слабый внутренний голос вынуждал ее продолжить этот разговор.

— Если ты имеешь в виду то, как я вел себя с Корой, то, сознаюсь, я был не прав. Но ты должна понять, под каким давлением я находился в тот момент. Я знал, что комуто очень нужна моя земля и они готовы пойти на все, чтобы получить ее. Я не знал, что они могут предпринять в очередной раз, к каким крайностям прибегнуть. Безусловно, это не оправдывает меня, но я не хочу, чтобы ты видела во мне отъявленного негодяя.

— Я не это имела в виду.

Ричард недоуменно посмотрел на девушку:

— Что же тогда?

— Ты помнишь, как я сидела с Уолтером на бревне в лесу, наблюдая за белками. А ты стоял за домом и следил за нами.

Ричард, казалось, смущился:

— Да. Я помню.

— Мне интересно, почему ты так смотрел на нас, а позже, в тот же самый день после обеда, ты задержал меня в гостиной, а Кора была на кухне. Я подумала, что ты хотел доверить мне нечто очень важное, но вернулась Кора, и ты не успел. В любом случае ты вел себя странно.

Ричард помедлил с ответом, не решаясь взглянуть на Дженнину. Но затем посмотрел ей прямо в глаза:

— Когда мужчина начинает понимать, что его чувства к женщине выше, чем просто дружба, и он видит, что она увлечена другим, я полагаю, он имеет право вести себя подобным образом. — Он улыбнулся. — Ты не согласна?

Дженнину почувствовала легкое головокружение..

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Я думаю, что достаточно ясно выразил свою мысль.

— Вырази еще яснее, — настаивала девушка.

Он засмеялся:

— Ну хорошо, я подозреваю, что либо уже влюбился, либо начинаю влюбляться в тебя, Дженнину.

— И ты еще не разобрался в своих чувствах?

— Подожди, пока мы не разберемся окончательно с этой невероятной историей. Тогда я буду в состоянии разобраться, что происходит в моей голове и в моем сердце.

— Но ты мой кузен, — не сдавалась Дженнни.

— Да, но не кровный. Мы породнились через второй брак моего отца. — Ричард внезапно прервал разговор, как будто бы вспомнил то, о чем бы ему не хотелось говорить. — Я подумал, что свалил дурака, рассказав тебе о своих чувствах, прежде чем узнал о твоем отношении ко мне. Но мне бы не хотелось, чтобы ты щадила мои чувства.

В его глазах затаилось напряжение.

Дженнни размышляла о своих чувствах.

Когда-то она считала Ричарда смелым и красивым, он значил для нее так много, когда она нуждалась в утешении. А что же сейчас? Любит ли она его? Нет. Она никого не любит и никого не любила, поскольку всегда боялась сильных переживаний. Возможно, со временем она полюбит его. Она уверена в этом. В конце концов, кошмар закончился, и она теперь способна по-новому взглянуть на мир. Теперь, когда жизнь снова вошла в обычную колею, она знает, что может испытать к нему особую привязанность, и это будет настоящая любовь.

Но пока что Дженнни не хотела быстрых изменений. Последние годы она готовилась стать учительницей, а не женой. В качестве жены Ричарда Браккера у нее не будет времени, а может быть, потребности каждое утро

входить в школьный класс. Чем это обернется — освобождением или разочарованием, — пока непонятно. Понадобится некоторое время, чтобы внести столь серьезные корректиды в свои планы на будущее.

— Ну?

— Это слишком поспешно, — ответила Дженнни.

— Но когда?

— Дай мне лето на размышления.

— Это слишком долго.

— Хотя бы до августа. Пока не выветрится у нас из памяти весь этот кошмар. Мне необходимо все заново обдумать и многое оценить по-новому, Ричард. Я не могу так быстро перестроиться.

— Значит, до августа.

— Да.

— Понятно.

Ричард наклонился к Дженнни и, нежно обняв, поцеловал ее в губы. Восхитительный поцелуй, говорящий о многом. Он наполнил ее радостью. Она попросила его поцеловать ее еще раз таким же нежным поцелуем.

Он выполнил просьбу.

— Теперь мы вернемся домой и покончим с этим жутким делом. Доктор Мальмонт должен быть там, а у нас для него сюрприз. Как бы нам ни было сейчас хорошо, мы не можем оставаться здесь и целоваться всю ночь.

Она хихикнула и ощущала себя гораздо моложе, чем ощущала с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать лет. Возможно, в жизни

будут еще проблемы. Так не бывает, чтобы все постоянно шло гладко. Но сейчас девушка знала, что способна справиться с трудностями. Теперь самое время получать свое счастье, уготованное Богом каждому в этой жизни.

К тому моменту, когда они подошли к дому, дождь прекратился. По ночному небу плыли редкие облака. И сквозь них проглядывала огромная, блестящая луна. Если бы Джени все еще верила в предзнаменования — в зловещие знамения и добрые знаки, то она бы непременно подумала, что это неожиданное просветление небес предвещает ей такое будущее, которое просто *не может не быть* счастливым.

Литературно-художественное издание

**Дин Кунц
РЕБЕНОК-ДЕМОН**

Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.12.2003

Формат 70x90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,31

Тираж 7 000 экз. Заказ № 5441

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Действительно низкие цены!
Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение
по телефону о поступлении новинок!**

**Фирменные магазины издательства
«Центрполиграф»**

предлагают более 3000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.

Звоните и приезжайте!

МОСКВА – ул. Октябрьская, д. 18

тел. для справок: (095) 284-49-89,

мелкооптовый отдел: тел. (095) 284-49-68;

пн–пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00,

вскр — 10.00—14.00.

РОСТОВ-НА-ДОНЕ – Привокзальная пл., д. 1/2

тел. (8632) 38-38-02; пн–пт — 9.00—18.00.

**Официальный дистрибутор издательства
ООО "АТОН"**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – Набережная р. Фонтанки,
д. 64, помещение 7-н, тел. для справок:**

(812) 162-52-80, (812) 162-52-81.

Пн–пт — 9.00—18.30, сб, вскр — выходной.

E-mail: aton@ppp.delta.net.